

ИЛЬЯ ДЕРЕВЯНКО

УХАБЫ
СУДЬБЫ

Сборник

Издательство
СИЛК-ПРЕСС.

2017 год

Илья Деревянко

Ухабы судьбы (сборник)

«СИЛК-ПРЕСС»

1996-2003

Деревянко И.

Ухабы судьбы (сборник) / И. Деревянко — «СИЛК-ПРЕСС»,
1996-2003

ISBN 978-5-6040077-1-6

В нынешнем мире всё зыбко и переменчиво. И сразу нельзя понять – кто есть кто на самом деле. Вершитель судеб вдруг становится тварью дрожащей, бомж – настоящим воином, бывший убийца – хорошим человеком, а добропорядочный обыватель – законченным негодяем... В этом сборнике автор показывает, как бросает людей по ухабам судьбы, и КАК проявляется в конце концов их подлинная сущность. Пусть не пугают читателя жёсткий реализм и страшные события в жизни героев. Ведь это жизнь, а она такая и есть... В состав сборника входят следующие произведения: Марионетки, Оборотень, Гладиатор, Корень зла, Сны убийцы, Бег к смерти, Чёрная топь, Железный кулак, Всадники смерти, Расстрельная команда.

ISBN 978-5-6040077-1-6

© Деревянко И., 1996-2003
© СИЛК-ПРЕСС, 1996-2003

Содержание

Марионетки	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	44
Эпилог	51
Оборотень	52
Пролог	52
Глава 1	54
Глава 2	58
Глава 3	61
Глава 4	64
Глава 5	67
Глава 6	70
Глава 7	74
Глава 8	78
Глава 9	82
Гладиатор	85
Пролог	85
Глава 1	88
Глава 2	91
Глава 3	94
Глава 4	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Илья Деревянко

Ухабы судьбы

(сборник)

Марионетки

Глава 1

Все началось на удивление прозаично, с телефонного звонка. Он разбудил меня около одиннадцати утра. Накануне я основательно нагрузился, поразвлекся с двумя девочками, потом еще добавил и в результате чувствовал себя настолько скверно, что первой моей мыслью было разбить телефон об пол. С трудом удержавшись от искушения, я затаился в кровати, притворяясь, будто меня нет дома. Уловка не сработала. Телефон продолжал захлебываться в истерике. Тогда, проклиная всех и вся, я нехотя снял трубку.

– Привет, Игорь, – послышался на другом конце провода знакомый голос. – Долго же ты почивать изволишь!

Звонил мой старый приятель Юрий Голиков, в прошлом офицер спецназа, а теперь частный детектив.

– Не кипятись! Дело есть! – хладнокровно ответил он, выслушав мою длинную матерную тираду по поводу всяких кретинов, которые трезвонят ни свет ни заря и не дают человеку отдохнуть. – Или ты настолько разбогател, что не желаешь подзаработать?

– Так бы сразу и сказал! – успокаиваясь, пробурчал я.

Мои финансовые дела последнее время шли не ахти, а точнее, совсем хреново, в кармане оставалось не более двухсот долларов, и Юркино предложение оказалось очень кстати.

– А это не порожняк? – на всякий случай осведомился я. Новым Юркиным клиентом был скорее всего какой-нибудь коммерсант, а они народ ненадежный, то им нужны услуги частного детектива, то нет, а уж когда доходит до расчетов, вообще караул! Так и норовят обвести вокруг пальца, только силу признают, паразиты! Я на них достаточно нагляделся, пока работал в бригаде Тихона. Пару месяцев назад его шлепнули, приближенные принялись делить власть, бригада развалилась, и я оказался безработным. – Аванс ты взял?!

– Обижаешь! – искренне возмущился Юрка. – Половина суммы у меня! Свою долю можешь получить прямо сейчас, если, конечно, согласишься участвовать. Приезжай в офис. Кстати, клиент тоже здесь, – понизив голос, добавил он. – В соседней комнате!

Я принялся поспешно одеваться. Аванс – это хорошо! Теперь барыга никуда не денется, не заявит, дескать, я передумал, извините за беспокойство! Наскоро приведя себя в порядок, я направился к холодильнику и после недолгих колебаний извлек оттуда запотевшую бутылку пива. Мелькнула мысль о водке, но я с негодованием отогнал ее прочь. Водка на опохмелку – девяностопятипроцентная гарантия запоя. Тогда ни о какой работе не сможет идти и речи, поэтому придется ограничиться пивком. Целебная жидкость прояснила голову, вдохнула на время новые силы в мой проспиртованный организм. Сунув в рот три пластинки мятной жвачки, чтобы отбить запах, я вышел на улицу. В белесом небе безжалостно палило свирепое солнце. Запыленные деревья поникли и съежились от жары, прохожие потели. Жалея, что не живу на Северном полюсе, я утер мгновенно взмокший лоб и, тяжело дыша, направился к Юрке. По счастью, его офис располагался недалеко отсюда, примерно в двух кварталах, и я избежал мучительного путешествия в неторопливом, до отказа набитом нервными людьми

общественном транспорте. Моя машина стояла на ремонте, а когда в карманах ветер гуляет – на такси не очень-то покатаешься! То, что Юрка высокопарно именовал «офисом», представляло собой двухкомнатную, кое-как подремонтированную конуру в допотопном, полуразвалившемся домишке. Правда, даже такая берлога обходилась ему в круглую сумму.

В первой комнатухе стоял телефон и день-деньской красила ногти смазливая секретарша. В другой – частный детектив Голиков беседовал с клиентами, появлявшимися здесь, по правде сказать, довольно редко.

– Привет, Игорь! – лучезарно улыбнулась Леночка, норовя чмокнуть меня в щеку пунцовыми от помады губами. Я неуклюже увернулся, мысленно ругаясь. Дернул же черт переспать с ней по пьяной лавочке! Теперь липнет как банный лист к заднице!

– Юра ждет! Проходи! – уловив мое настроение, обиженно сказала девушка и демонстративно отвернулась к окну.

Заказчик оказался грузным мужчиной лет пятидесяти, с одутловатым лицом и сияющей в лучах солнца лысиной. Даже в такую жару он влез в дорогой костюм и нацепил на шею галстук. Правда, костюм в настоящий момент был изрядно помят, а галстук напоминал удавку. В глазах бизнесмена читались страх и отчаяние.

– Вот мой компаньон! Большой профессионал в своем деле! – радостно объявил Юрка. – Познакомься, Игорь! Это Владимир Николаевич Куракин, президент фирмы «Золотое руно».

Тут я невольно усмехнулся: интересно для чего коммерсанту такое название? Чтобы вводить в искушение рэкетиров?

– Теперь все в сборе, – продолжал Юрка. – Владимир Николаевич, объясните, пожалуйста, Игорю суть дела!

Куракин вздрогнул и жадно выпил стакан холодной воды из графина.

– Две недели назад у меня пропала дочь, – слегка заикаясь, начал он. – Ирочка! Шестнадцать лет, совсем ребенок!

«Знаем мы таких „ребенков“, – мысленно съехидничал я. – Шестнадцать лет! Небось та еще кобыла!»

– Пропала при весьма странных обстоятельствах, – нервно продолжал бизнесмен. – Вечером с кем-то долго говорила по телефону, а утром ушла и не вернулась. На столе в ее комнате я обнаружил вот это.

Он протянул мне мятый лист бумаги.

– «Папа! Я покидаю тебя навеки, – вслух прочитал я. – Так велит мой долг. Наши пути разошлись. Не предпринимай попыток меня искать. Прощай. Ира».

– А раньше вы не замечали за ней каких-либо странностей? – спросил Юра.

– Вроде нет. Я, знаете ли, очень занят на работе. С дочерью вижу редко, а жена умерла три года назад.

– Ну хоть что-нибудь! – продолжал настаивать Голиков. – Какие у нее увлечения?

– Я не уверен, – замялся бизнесмен, – но кажется, она интересовалась йогой, восточными религиями...

Мы с Юркой многозначительно переглянулись.

Дело начало проясняться. Сектанты народ долбанутый. У них в порядке вещей бросить отца, мать, маленьких детей, а иногда случаются вещи похуже. У кришнаитов, например, считается высшей доблестью бездумно выполнять любые приказы Кришны, и хотя они на словах исповедуют заповедь «не убий», трепетно относятся к тараканам, клопам и прочей гадости, но на деле могут запросто замочить папочку, мамочку, дедушку, бабушку да и вообще любого, на кого укажет гуру – их наставник, самозванный святой и проводник воли «Божества», которое в действительности не что иное, как замаскировавшийся дьявол. В «Бхагават-Гите» в качестве

примера для подражания приводится некий полудурочный воин Арджуна¹, в угоду Кришне перерезавший весь свой род. Преданный Кришне не несет никакой ответственности за свои действия, даже если убивает человека² – поучают гуру. Наверняка девчонка угодила в лапы подобной нечисти, тем паче, что она имеет богатого предка и станет отличной «дойной коровой». Несмотря на «святость», гуру падки до денег.

– Можно осмотреть ее комнату? – спросил я.

– Зачем?! – насторожился коммерсант.

– Мы надеемся отыскать там какую-нибудь зацепку, которая поможет распутать клубок... – терпеливо объяснил Юра.

– Хорошо, поехали!

Господин Куракин проживал неподалеку от метро «Крылатское», в новом доме с улучшенной планировкой. В просторном чистом дворе под бдительным присмотром мамаш (или гувернанток, хрен их там разберет) резвились нарядные дети. Возле подъездов стояли иномарки. Юркина «восьмерка», плетущаяся в хвосте «Мерседеса» Куракина, выглядела здесь бедной родственницей. Провозившись не менее пяти минут с многочисленными хитроумными замками, Владимир Николаевич наконец запустил нас в квартиру. Едва переступив порог, коммерсант сделался блее мела.

– Боже мой! – прошептал он. – Здесь кто-то был!

Действительно, все вокруг носило следы поспешного, неряшливого обыска. На полу валялись разбросанные бумаги, книги, выдернутые из письменного стола ящики.

– Проверьте, что пропало! – посоветовал Юрка.

Пока бизнесмен проводил ревизию своего имущества, мы осмотрели комнату дочери, но не обнаружили ничего интересного, кроме небольшой записной книжки, где были нацарапаны несколько телефонных номеров без указания абонента. Юрка положил ее в карман.

В этот момент вернулся Куракин.

– Все на месте! – сообщил он. – Только не могу найти конверт с завещанием.

– Что-о! – нахмурился Голиков. – Вы уверены?

– Да, везде искал!

– На чье имя завещание?

– На дочку, разумеется! Больше у меня никого нет!

– Проклятье! – не выдержал я. – Плохи дела!

– На что вы намекаете? – надменно поинтересовался Владимир Николаевич.

– На то, что придется теперь вас охранять!

– Значит, так, молодой человек! – разозлился коммерсант. – Вам поручено разыскать и вернуть домой мою дочь, а не пачкать ее грязными подозрениями! Если вы...

В этот момент зазвонил телефон. Подавившись гневной речью, Куракин схватил трубку.

– Ирочка, ты? – с надеждой воскликнул он.

Но это была не Ирочка. Слушая невидимого собеседника, глава фирмы «Золотое руно» застыл как изваяние. Лицо его начало вытягиваться, будто в кривом зеркале.

– Да-да! Конечно! – наконец пробормотал он. Меня поразила произошедшая с ним метаморфоза. Наш заказчик выглядел теперь, как труп недельной давности. Кожа посинела, на скулах появились оранжевые пятна.

– Они требуют забрать из милиции заявление, – потерянно прошептал Владимир Николаевич.

– Кто они?!

– Не знаю! Говорят, забирай заявление или дочку больше не увидишь!

¹ См.: «Бхагават-Гита», с.16.

² Там же, с.578.

– Выкуп требовали?

– Странно, но нет!

– Ничего странного! – усмехнулся я. – У вас пропало завещание. Не правда ли? Так вот, Ира находится у них под полным контролем, они управляют ее действиями. Может, при помощи наркотиков, может, еще как! В настоящий момент это не имеет большого значения. Главное в другом. Ваша жизнь в опасности. Если вы, не дай Бог, внезапно умрете, все ваше состояние переходит к дочери, вернее, к тем, кто девочкой руководит. Поэтому я и говорил об охране...

– Что же делать?! – простонал Куракин.

– Изменить завещание! – безапелляционно отрезал я. – Причем так, чтобы об этом узнало побольше народа! Тогда не будет смысла вас убивать. Когда сможете это сделать?

– У меня есть знакомый нотариус, но он сегодня в отъезде. Будет завтра.

– Значит, до тех пор мне придется побыть с вами...

На сей раз коммерсант не возражал.

Пока он приходил в себя, мы с Юркой уединились на кухне и обсудили наши проблемы. Сперва организационную, затем финансовую. Юрка должен был немедленно приступить к поискам таинственных посетителей и проверить для начала обнаруженные в Ириной записной книжке телефонные номера. Я – беречь жизнь клиента, пока он не переоформит завещание, после чего незамедлительно подключиться к розыску и прошупать криминальную среду, которую, в силу своей былой деятельности, я хорошо знал.

Правда, вероятность того, что здесь замешаны бандиты, была крайне мала: они по-другому действуют, разве что торговцы наркотиками? Но чутье подсказывало – эти тоже ни при чем...

Общая стоимость заказа составляла двадцать тысяч долларов. Аванс – десять тысяч. Мне причиталась половина, которую Юрка незамедлительно и отсчитал. Толстая пачка зеленых бумажек значительно улучшила настроение. Что бы там ни было, а от голода в ближайшее время не помру.

Напоследок я попросил у Юрки пистолет.

– Смотри, аккуратнее! – предупредил он. – Стреляй лишь в крайнем случае!

– Кого ты учишь! – разозлился я. – Без тебя знаю! А если боишься за свой ствол – возьми мой. Вот ключ от квартиры. Где заначка, знаешь...

– Перестань! – отмахнулся Голиков. – Я другое имел в виду. Ладно, покедова! Вечером позвони.

Господина Куракина сотрясала мелкая дрожь.

– Все обойдется! – успокаивающе сказал я.

Часы показывали начало четвертого. Внезапно снова зазвонил телефон. Не спрашивая разрешения, я снял параллельную трубку.

– Хочешь повидаться с дочкой? – спросил на другом конце провода визгливый тенор. – Тогда подъезжай через полчаса к кинотеатру «Форум».

– Да, конечно!.. – воскликнул Куракин. – Вы мне ее вернете?!

В ответ послышались короткие гудки.

– Слава Богу! Слава Богу! – повторял как попугай Владимир Николаевич, торопливо обуваясь. – Давайте быстрее, Игорь! Иначе опоздаем!

В мою душу закралось ядовитое подозрение.

– Подождите! – попытался утихомирить я бизнесмена. – Здесь дело нечисто!

– Перестаньте! – отмахнулся он и выскочил на лестницу, даже позабыв захлопнуть дверь. Перескакивая через две ступеньки, я бросился следом и, опередив Куракина, оттолкнул его от машины.

– Что вы себе позволяете? – возмутился коммерсант.

– Заткнитесь! – бросил я. На церемонии не оставалось времени. Пока Куракин, онемев от подобной наглости, беззвучно шлепал ртом, я осмотрел машину. Бомбы не нашел, но тормоза оказались неисправны. Все стало на свои места. Никакой дочки у «Форума», естественно, не было. Пока мы находились в квартире, убийцы вывели из строя тормоза. Задумка прекрасная! Они отлично знали, что бизнесмен помчится к месту встречи как оглашенный и по дороге погибнет в автомобильной катастрофе! Хитрецы! Ничего не скажешь! Похоже, они не раз устраивали подобные фокусы. Я вкратце объяснил Куракину положение вещей.

– Но как же Ирочка? – схватившись за сердце, прошептал он. – Доченька!

– Перестаньте пороть чушь! – не выдержал я. – Нет там никого! Это обычная ловушка. Повторяю – ваша жизнь в огромной опасности.

Внезапно я понял, что за нами кто-то пристально наблюдает, и, обернувшись, увидел бритоголового парня лет двадцати, сидевшего неподалеку на скамейке. Простая свободная одежда, бледное лицо, тусклые мертвые глаза. Типичный маньяк-фанатик! Заметив мой взгляд, бритоголовый встал и неторопливо пошел прочь.

– Эй, приятель, погоди! – крикнул я, направляясь следом. Тогда он побежал. Я было рванулся вдогонку, но потом передумал. Что, если опять ловушка?! Так оно и оказалось. Рядом с Куракиным остановилась серая «Волга». Из нее выскочили трое мужчин и навалились на бизнесмена. Один ударил Владимира Николаевича по голове, двое других принялись запихивать его в дверцу. В несколько прыжков преодолев разделявшее нас пространство, я набросился на похитителей. Первого сбил с ног подсечкой, второму врезал кулаком в челюсть, а третьему – коленом в живот. Я уже торжествовал победу, как вдруг кто-то сзади захлестнул у меня на горле удавку. Спасли меня лишь хорошо развитые шейные мышцы, а также невысокая квалификация душителя. Я успел перехватить пальцами тонкий шнурок и ударить нападавшего подошвой ботинка по голени. Он ослабил хват. Этого времени, однако, хватило остальным, чтобы запрыгнуть в машину и до отказа выжать газ. Душитель, бросив удавку, ломанулся следом. Конечно, я мог бы положить его максимум с трех выстрелов, но поднимать пальбу среди бела дня, при куче свидетелей, да еще из незаконно хранимого оружия! Бежать же за ним я был не в состоянии, поскольку с трудом переводил дыхание да и не хотел оставлять без присмотра оглушенного Куракина. Бизнесмен выглядел скверно: лицо посерело, глаза закатились. Подхватив его под мышки, я поволок полубесчувственное тело обратно в дом. Лишь в квартире Владимир Николаевич более-менее оклемался.

– Что случилось? – еле слышно спросил Куракин, тревожно озираясь по сторонам. – Где те люди?

– Удрали! – буркнул в ответ я, старательно разминая ноющую шею. – Проклятье!

– Простите! Я вел себя как последний дурак! – простонал коммерсант.

– Ладно, чего уж там! – отмахнулся я, жадно поглядывая на стенной бар. После недавнего приключения неплохо бы выпить, да и похмелье давало о себе знать.

– Примем по стаканчику? – словно прочитав мои мысли, предложил Куракин.

Я не стал отказываться и уже спустя несколько минут уютно устроился в кресле, потягивая виски со льдом. У Куракина сильно дрожали руки, и свой первый стакан он расплескал, зато второй заметно улучшил его самочувствие. Допив виски, я выглянул в окно. В небе сгустились свинцовые тучи, воздух сделался густым, как кисель. Приближалась гроза.

Глава 2

Остаток дня прошел без приключений, но непогода расходилась не на шутку. Дождь лил как из ведра, сине-белым пламенем вспыхивали молнии, грохотал гром. Владимир Николаевич затравленно съехался в углу дивана. Похоже, он боялся грозы. В девять вечера я позвонил Юрке.

– Пробил³ номера? – после краткого приветствия осведомился я.

Юрка на мгновение замялся.

– По двум из них справочная данных не дает. Попробую выяснить через свои связи, но на это уйдет время. Мой приятель из милиции сейчас в командировке. Вернется в среду или в четверг. Остальные четыре принадлежат трем девчонкам и одному парню. Навестим их завтра. А у тебя какие новости?

Я вкратце рассказал о телефонном звонке, испорченных тормозах и попытке похищения Куракина. Юрка некоторое время молчал. Чувствовалось, что он крайне озабочен.

– Н-да! Де-ла-а! – протянул наконец Голиков. – Все гораздо серьезнее, чем мне казалось! Присматривай получше за клиентом! Не дай Бог ночью что-нибудь случится!

Юрка будто в воду глядел. Неприятности не заставили себя долго ждать. Когда коммерсант с грехом пополам уснул, я расположился на кухне, глотая одну чашку кофе за другой. Постепенно на улице и в подъезде стихли все звуки, погасли окна соседних домов, навалилась мертвая тишина, нарушаемая лишь монотонным тиканьем стенных часов. Несмотря на изрядную дозу кофеина, меня неудержимо клонило в сон. Периодически я задремывал, клевал носом. Перед глазами возникало соблазнительное видение: мягкая кровать, белоснежная простыня, большая прохладная подушка. Лечь, расслабиться, погрузиться в сладкие грезы... Внезапно я насторожился, прислушался. Кто-то открывал ключом входную дверь. Сон будто ветром сдуло. Неслышно ступая, я прокрался в прихожую. Как выяснилось, очень своевременно. Дверь тихонько приоткрылась, и в квартиру вошли двое людей в противогазах. Не осознав толком, в чем дело, я тем не менее машинально задержал дыхание и выбросил вперед правую ногу. Один из незваных гостей, хрюкнув, вклеился в стену, другой попытался оказать сопротивление, но было поздно. Жесткий удар ребром ладони по шее мгновенно привел его в бессознательное состояние. Глаза щипало. Включив свет, я понял, что газ шел из разбитой стеклянной ампулы, лежащей недалеко от входа. Я поспешно стянул с них маски. Одну нацепил на себя, другую на Куракина, который, похоже, успел глотнуть отравы. Лицо коммерсанта посинело, дышал он хрипло, с присвистом. В уголках губ пузырилась слюна. Я распахнул все окна, мысленно умоляя Бога, чтобы газ оказался не смертельным. Затем вернулся в прихожую. Оба моих недавних противника валялись в глубоком обмороке. Теперь я смог рассмотреть их как следует: молодые парни восемнадцати-двадцати лет, довольно крепкого телосложения и с почерневшими от удушья физиономиями. Они были живы, но, судя по всему, отключились основательно. Я набрал Юркин номер. Трубку долго никто не снимал.

– Какого черта! – послышался наконец сонный раздраженный голос Голикова. – Не мог до утра подождать?!

– Мудила хренов! – взорвался я. – Приезжай быстрее! У нас гости!

– Что за голос у тебя странный?! – поразился Юрка. – Как из бочки!

– Не из бочки! Я говорю, заткнув нос и не дыша. В квартире ядовитый газ! Быстрее, твою мать!

Натянув обратно маску, я крепко скрутил пленникам руки за спиной их собственными брючными ремнями. Потом принялся терпеливо ждать. Юрка появился примерно через сорок

³ В данном контексте – «узнал, разведал».

минут. К тому времени воздух в квартире очистился, и я с облегчением стянул противогазы с себя и с Куракина. Голова у меня взмокла от пота, в ушах раздавался непрерывный звон, перед глазами плавали черные круги. Владимир Николаевич еще не очнулся, хотя выглядел значительно лучше. С лица исчезла синева, дыхание выровнялось.

– Сектанты! – безапелляционно заявил Голиков, едва взглянув на бесчувственные тела.

– Откуда ты знаешь?

– Чувствую! Кроме того, если принять за основу эту версию, все становится совершенно ясно! Мадемуазель Куракина затесалась по дурусти в их компанию, там ее окружили, возможно зазомбировали, приказали уйти из дому. Сектанты узнали о завещании и решили прикончить Ирино папочку. Его состояние автоматически переходит к девчонке, вернее, к оседлавшему ее гуру...

– Гуру? – удивился я.

– Ну да! Секта восточной ориентации. Нечто вроде кришнаитов или «Аум Сенрикё»!

Погляди на их бритые бошки!

Один из пленников слегка пошевелился и застонал.

– Будем допрашивать здесь? – спросил я.

Юрка задумался.

– Оно не хотелось бы, – спустя минуту неуверенно сказал он. – Кругом люди! Не дай Бог вызовут милицию! Прикинь, как мы будем смотреться!

– Да уж!

– Игорь, что случилось? Зачем вы надели на меня противогаз? – донесся из комнаты слабый голос Куракина. – Голова раскалывается – мочи нет!..

Бизнесмен, пошатываясь, вышел в прихожую.

– Господи! – удивленно воскликнул он, заметив бритоголовых визитеров. – Кто они такие?

– Очередные похитители, – криво усмехнулся Юрка. – Открыли дверь, пустили отравляющий газ. Хорошо, Игорь вовремя спохватился!

Владимир Николаевич застыл как изваяние. Казалось, его вот-вот хватит кондрашка.

– Не могу больше! – обреченно прошептал он. – Это какое-то безумие! Испорченные тормоза, попытки похищения!..

– Ребята действуют наверняка, – усмехнулся Голиков. – Не полагаются на «авось». На случай, если вы по каким-либо причинам не сядете в машину или поедете на другой, – приготовили группу захвата. Когда она облажалась – прислали вторую. Дай Бог, чтобы поблизости не ошивалась третья...

– Кончай базарить! – перебил я. – Надо решать, что делать с этими!

– Придется вывозить на природу!

– Ирины ключи! – не слушая нас, пробормотал Куракин, указывая рукой на связку, обретенную во время драки одним из гостей.

– Бедная девочка!

– Прокатитесь с нами? – спросил его Юрка.

– Что-о?!

– Нужно их допросить! – пояснил Голиков. – Узнать, кто прислал, где находится ваша дочь. Для этого придется применить некоторые специфические методы воздействия. Они вряд ли исповедуются добровольно!

– Нет! Нет! Нет! – замахал руками Куракин. – Я никуда из квартиры не выйду!

Мы пытались его уговорить, привели массу убедительных доводов, но бизнесмен продолжал упорно стоять на своем.

– Проклятье! – выругался наконец Юрка и отозвал меня в сторону.

– Старый дурак наделал в штаны! – тихо сказал он. – Но оставлять его одного мы не имеем права. Кто знает, вдруг еще какие-нибудь придурки заявятся! Ты справишься один?

– Попробую! – неуверенно ответил я. – Только помоги дотащить их до машины...

По правде сказать, ехать мне не хотелось. Я сразу почувствовал неладное, но действительность превзошла самые худшие ожидания...

Запихнув пленников на заднее сиденье, я махнул на прощание Юрке и завел мотор. Стояла глухая ночь. Безлюдные улицы затаились в настороженном молчании. Гроза кончилась, но тучи рассеиваться не спешили, собираясь с силами для нового ливня. Видимость была скверная. Единственным источником света были уличные фонари, все более и более редевшие по мере приближения к окраинам. Тем не менее до выезда из города я добрался благополучно и свернул на первое попавшееся шоссе. Миновав сонный пост ГАИ, я увеличил скорость. По сторонам мелькали темные стволы деревьев. В попадавшихся по пути частных домиках не светило ни одно окно. Неожиданно сзади послышался подозрительный шорох. Я машинально нажал тормоз, но было поздно. Один из бритоголовых, непонятным образом освободившись, вцепился мне в горло. Мы как раз проезжали мост через небольшую речушку. От неожиданности я выпустил руль. Машина потеряла управление, сбила хлипкое ограждение и кувыркнулась в воду. Дальнейшие события я помню плохо. Каким-то чудом мне удалось выбраться под водой из машины, хотя, как я потом узнал, это на редкость трудная задача даже для профессионального каскадера, и вынырнуть на поверхность. Бритоголовые, вероятно, утонули. По крайней мере ни одного из них я больше не встречал. Жадно хватая ртом воздух, я из последних сил поплыл к берегу. Голова гудела, руки плохо слушались, тело окоченело от холода. Прошла целая вечность, прежде чем я снова очутился на твердой земле. Одежда промокла до нитки, но доллары, лежавшие в застегнутом на «молнию» кармане кожаной куртки, по счастью, почти не пострадали.

«Проклятый Куракин! – яростно прошептал я. – Ссыкун хренов! Если б не твоя трусость, ничего б подобного не случилось! Ну ничего, падла, ничего! Юрка за свою тачку последние штаны с тебя снимет!»

Тучи, так и не разродившись очередным дождем, начали постепенно рассеиваться. В образовавшийся просвет выглянул бледный диск луны. Подул прохладный ветерок, и я затрясся в ознобе. Нужно возвращаться в город, но как?!

Шоссе словно вымерло. На мгновение мне показалось, будто я последний человек, оставшийся на планете. Вот сейчас доберусь до города, а там ни души: пустые брошенные дома, мрачные безмолвные улицы, тлен, прах, смерть! Тряхнув головой, я отогнал наваждение, чтобы согреться, отжался пятьдесят раз на кулаках, вышел на шоссе и побрел по направлению к Москве. По самым скромным подсчетам до города было не менее двадцати километров. Несколько раз мимо проносились машины, но ни одна не остановилась. Водители не без оснований опасались сделаться жертвой грабежа, а то и голову потерять. В последнее время ночные разбои на дорогах стали обычным явлением. Лишь на рассвете мне удалось тормознуть потрепанный «Москвич» и к шести часам добраться до дома Куракина.

Узнав о случившемся, Юрка разразился отборной руганью, нимало не стесняясь, покрыл бизнесмена пятиэтажным матом и потребовал компенсации. Владимир Николаевич безропотно раскошелился и даже вручил мне тысячу долларов в качестве премии за перенесенные мытарства. Это обстоятельство, а также двести граммов армянского коньяка вернули мне хорошее расположение духа. Голиков еще немного поерепенился, но вскоре тоже успокоился.

– Нам нужна машина! – сказал он, затягиваясь сигаретой. – Моя утонула, ваша и Игорева неисправны...

– «Жигули» подойдут? – осведомился Куракин.

– Конечно! Какая разница!

– Тогда идемте!

Мы спустились во двор и, обогнув дом, подошли к большому железному гаражу, принадлежавшему Владимиру Николаевичу. У входа на влажной земле виднелись отчетливые следы человеческих ног. Я сразу насторожился. Похоже, здесь успели побывать наши неизвестные враги. Так оно и оказалось. У машины были выведены из строя тормоза. Бритоголовые явно не отличались избытком фантазии.

– Хреново! – мрачно изрек Юрка. – Остались без колес! Во, падлы! Ни минуты покоя! Третьей тачки у вас случайно нет?!

– Есть, но ее забрала Ира!

– По-ня-ятно! Будем ловить такси...

К нотариусу мы подъехали около девяти утра. Его офис располагался в небольшой квартире на первом этаже двенадцатиэтажного жилого дома. Из бронзовой таблички на двери я узнал, что нотариуса зовут г. Кривицкий А. В. Сам он пока не появлялся. Миловидная секретарша, с подозрением взглянув на мою помятую небритую физиономию, попросила подождать и что-то прошептала на ухо Куракину.

– Успокойся, Люба! Все в порядке, – вслух ответил он. – Это свои ребята!

Девушка густо покраснела.

– Мне показалось, – пролепетала она.

– ...Будто мы бандиты, – усмехаясь, продолжил Юрка. – Которые заставили Владимира Николаевича приехать сюда, чтобы переоформить на себя его состояние! Разве не так?!

Смущенная секретарша готова была провалиться сквозь землю.

– Оставь девочку в покое! Она по-своему права. Подобные вещи происходят сплошь и рядом! – заступился я, за что тут же получил ослепительную улыбку и предложение выпить кофе.

– К черту кофе! – вмешался Куракин. – Давай коньяк!

– Но у нас ничего такого нет! – растерянно пробормотала Люба.

– Побудьте здесь, ребята! Я схожу в ближайшую палатку! – коммерсант поднялся на ноги. В глазах его появилось отсутствующее выражение, лицо побелело, на лбу выступили крупные капли кота.

«Гипноз на расстоянии! – осенило меня. – Во дают, сволочи!»

Недавно в одной из телевизионных передач промелькнуло сообщение о параспсихологическом оружии, созданном неким отечественным ученым. При помощи специального аппарата в мозг человека посылался сигнал, превращающий его на время в послушную безвольную куклу. Кроме того, из достоверных источников мне было известно о сеансах зомбирования, которым подвергались офицеры ОМОНа. Очевидно, наши бритоголовые «друзья» имели в своем распоряжении подобные игрушки.

– Держи Куракина! – крикнул я Юрке, выскакивая на улицу. Возле подъезда стоял крытый фургон с надписью «Хлеб». По-видимому, дьявольский прибор находился именно там. Заметив меня, водитель нажал на газ, и машина, разбрызгивая грязь, понеслась к выезду из двора. Я автоматически выхватил пистолет, но тут же, чертыхнувшись, спрятал обратно. Проклятье! Невозможно нормально работать, когда руки связаны дурацкими законами... Изощренно матерясь, я повернул обратно.

В офисе царило смятение. Перепуганная секретарша забилась в угол, Голиков ругался последними словами, а Куракин находился в полубоморочном состоянии. Под глазами его расплывался огромный кровоподтек.

– Пришлось врезать разок, – виноватым тоном сказал Юрка. – Он словно взбесился! Рвался к двери, пытался огреть меня по башке пепельницей.

Я вкратце разъяснил ему суть дела.

– Мне доводилось слышать о таких фокусах, – немного помедлив, пробормотал Голиков. – Но я, признаться, думал, это обычные журналистские байки. Мало ли сейчас ахинеи пишут!

– К сожалению, не байки!

Некоторое время все молчали. Спустя пару минут Куракин слабо застонал, потряс головой и ошалело посмотрел на нас. Постепенно взгляд его сделался осмысленным.

– Что вы почувствовали? – спросил я, когда Владимир Николаевич окончательно пришел в себя.

– Не помню, – еле слышно ответил он. – Какая-то черная пелена...

Секретарша неожиданно всхлипнула, затем громко заплакала. Хорошенькое личико сморщилось, по щекам потекла размытая слезами косметика.

– Уходите! Уходите! Уходите! – повторяла она как заводная.

Мы с Юркой растерянно переглянулись. Только бабской истерики нам не хватало!!!

Скрипнула входная дверь, и в офисе появился наконец нотариус Кривицкий – пожилой мужчина с сильной проседью в темных волосах.

– Что произошло? – раздраженно осведомился он. – Кто тебя обидел, Люба?

– Никто! Потом расскажу! – перебил его Куракин. – Мне нужно срочно переоформить завещание!

– Что-о?! Я вас, конечно, уважаю, Владимир Николаевич, но для начала извольте объясниться.

Нотариус раздулся, как рассерженный кот. Сегодня он явно встал не с той ноги.

– Пусть уходят отсюда!!! – истерично выкрикнула секретарша. – Убирайтесь! Убирайтесь! А-а-а-а!

Любины вопли подлили масла в огонь. Нотариус сделался красным как рак. На минуту мне показалось, что он сейчас всех покусает.

– Господин Куракин и вы, молодые люди! – сквозь зубы процедил Кривицкий, протягивая руку к телефону. – Немедленно покиньте помещение, иначе мне придется вызвать милицию!

Толстый палец с пожелтевшим от никотина ногтем начал набирать 02.

– Слушай сюда, падла! – взорвался я, выхватывая из-за пазухи пистолет и тыча им в лицо нотариусу. – Оставь в покое телефон! Ты сделаешь то, что тебе говорят, или пристрелю как собаку.

Для пущей убедительности я передернул затвор, досылая патрон в патронник. Кривицкий беззвучно хватал ртом воздух, с ненавистью глядя на меня. Секретарша продолжала верещать.

– Заткнись, сука! – зарычал на нее Юрка. – Язык отрежу!

Угрозы возымели действие. Девушка притихла, а нотариус незамедлительно принялся за работу, едва не плача от бессильной ярости. Спустя полчаса все было закончено.

– Не обижайтесь, пожалуйста, Александр Владимирович, – примирительно сказал Куракин, кладя Кривицкому руку на плечо. – У нас просто не оставалось другого выхода! Тут такие вещи творятся!

– Убирайтесь! – прошипел нотариус. Лицо его из багрового стало сизым. – Видеть вас не хочу!

– Дайте ему клофелин или поставьте на затылок пиявки, – посоветовал Юрка секретарше, направляясь к двери. – Не дай Бог, insult хватит! Всего хорошего!

Вслед нам донеслась неразборчивая брань.

Глава 3

Погода на улице значительно улучшилась. Небо прояснилось, весело щебетали птицы, припекало солнце. На лавочках, подложив под зады целлофановые пакеты, расселись дворовые кумушки и оживленно обсуждали мировые проблемы типа: «Петьке-алкашу жена на дом милицию вызвала...» Или: «Любка-потаскуха нового хахалю завела».

Короче, продолжалась обычная жизнь.

– Боже мой! – тоскливо простонал Куракин. – До сих пор не могу поверить! Наверное, я сплю, ребята, а вы мне снитесь?!

– Идемте быстрее! – оборвал его Голиков. – Ваш приятель нотариус действительно способен ментов вызвать, а у Игоря в кармане оружие!

Юрка взял Куракина под руку и, словно муравей гусеницу, поволок за собой.

– Куда теперь? – покорно спросил бизнесмен.

– В банк! Положим завещание в сейф! В другом месте его хранить опасно. Потом обзовите всех знакомых, сообщите им эту новость. Авось она дойдет до бритоголовых.

– Но каким образом? – удивился Владимир Николаевич. – Никто из них никогда...

– Сие нам не известно, – резко возразил Голиков. – У знакомых есть дети, которые наверняка знакомы с Ирой и, вполне вероятно, разделяют ее пристрастие к восточным религиям! Во всяком случае, другого способа связаться с бритоголовыми у нас нет!

Мы вышли на проезжую часть, довольно быстро поймали машину и спустя минут сорок оказались в Юркином офисе.

– Нужно его спрятать на время, – сказал Юрка, пока Куракин добросовестно обзванивал знакомых.

– И приниматься в конце концов за поиски этой дрянной девчонки! Пускай здесь перекантуется, – предложил я. – Ванная и туалет есть, в кабинете диванчик имеется...

– Хорошая идея, – согласился Голиков. – Так и поступим, а теперь распределим обязанности. Я на девяносто девять процентов убежден, что тут замешаны сектанты, однако не помещает потербить твои бандитские связи.

– Зачем? – удивился я. – Братва восточными культами не интересуется!

– Зато сектантов вполне могут интересовать наркотики! Кроме того, бандиты иногда знают вещи, неизвестные широкой публике. Так что приступай! А я проверю тех голубчиков из записной книжки, чьи адреса удалось установить.

Пожав плечами, я вышел на улицу. Юркины предположения представлялись мне на редкость глупыми. Прощупать связи! Идиот! Какого хрена?! Ежу понятно – здесь ловить нечего! Поэтому я не стал особенно торопиться и перво-наперво заглянул домой, побрился, помылся, переоделся и только потом отправился в некий бар, где рассчитывал застать нужных мне людей.

Бар располагался в небольшом уютном переулке недалеко от центра. Возле бордюра притулились несколько иномарок, среди них черный «БМВ» с хорошо знакомым номером. «Отлично! – подумал я. – Марат на месте! Это упрощает дело!» Марат, он же Александр Маральский, старинный приятель покойного Тихона, вопреки обыкновению, был в стельку пьян. Он сидел в дальнем углу за отдельным столиком и, не закусывая, хлестал коньяк. Трое ребят из его команды держались несколько поодаль, с опаской наблюдая за мрачным лицом шефа.

– Если ты к Марату, то сегодня лучше не стоит, – поздоровавшись, предупредил один из них, кареглазый черноволосый крепыш по кличке Ворона.

– А в чем проблема?

– Мы сами толком не знаем, но он уже второй день злой как черт, того гляди укусит!

– Ладно, разберемся! – отмахнулся я, взял у бармена виски со льдом и без приглашения уселся за столик. За Маратом с давних пор оставался неоплаченный должок, поэтому я рассчитывал, что он не станет особо гавкать...

– Здорово! – пробурчал Маральский, с неохотой оторвавшись от стакана. В мутных, налитых кровью глазах таилась смертная тоска. Похоже, Марат вляпался в серьезные неприятности. – Пока ничем не могу порадовать! Извини! – добавил он, протягивая руку за бутылкой. Когда-то я, используя Юркины связи, помог Маральскому отмазаться от ментов, а он в свою очередь после смерти Тихона обязался устроить меня на работу в приличную бригаду, но до сих пор ничего не сделал. Не по злему умыслу, конечно, просто обстоятельства так сложились. Тем не менее Марат, по природе неплохой и не лишенный совести человек, при встречах со мной испытывал явный дискомфорт. Вот и сейчас он вообразил, будто я явился требовать обещанного.

– Ничего! Не к спеху! – ответил я, прихлебывая виски. – Просто шел мимо, дай, думаю, загляну, а тут ты!

– Давай выпьем, – предложил Марат. Не спрашивая согласия, подошел к стойке, взял две бутылки, вернулся обратно и тяжело плюхнулся на стул.

– Падлы лысые! Кишки выпущу! – с ненавистью прохрипел он.

– Ты о ком? – насторожился я.

– Ублюдки лысые! – повторил Маральский, глядя в пустой стакан остановившимися глазами. – Сектанты, твою мать! Я эту сволочь из-под земли достану и ноги из жопы повыдергиваю!

Спустя минут двадцать из его отрывистых пьяных реплик я наконец уяснил суть дела и мысленно восхитился Юркиной интуицией. Оказывается, Марат тоже пострадал от бритоголовых, только знал он больше нашего. Секта называлась «Путь истины» или что-то в этом духе и представляла собой очередную восточную ересь типа «Аум Сенрикё». Возглавлял ее некий хмырь, по происхождению европеец, но носящий длинное мудреное азиатское имя. Родная племянница Марата, экзальтированная студентка восемнадцати лет, по причине полной безмозглости и тяги к модным нынче восточным религиям, попала в сети к этому прохиндею, после чего с ней произошли страшные изменения. Девчонка забросила учебу, стала болтать несусветную чушь похлеще любого шизофреника, затем принялась воровать дома деньги и прочие ценности, которые благоговейно относил гурю, и наконец попыталась сбежать, предварительно накатав записку вроде той, которой «осчастливила» предка Ира. Правда, отец Нины, так звали племянницу Марата, оказался поумнее господина Куракина и заблаговременно пресек эту попытку. Теперь девчонка сидела дома взаперти, шипела на всех, как дикая кошка, и несколько раз пыталась покончить самоубийством.

– У одного моего знакомого схожие проблемы, – осторожно сказал я. – Давай попробуем решить их совместно?!

Марат встрепенулся, взгляд прояснился, в глазах затеплилась надежда.

– Каким образом? – почти трезвым голосом спросил он.

– Нужно поговорить с Ниной, узнать, где находится проклятый гурю, поймать гада, вышибить мозги и вернуть девчонку в нормальное состояние. Я почти уверен, что ее превратили в зомби!

– Бесполезно! – махнул рукой Марат. – Я пытался, но она молчит как рыба.

– Нужно действовать хитростью! – не сдавался я. – Можно соврать, будто я сочувствую их идеям, желаю вступить в секту... Авось проскочит! Если же нет, поспрошаем торговцев наркотиками. Возможно, сектанты закупают у них товар, не для кайфа, естественно, а для изготовления различной гадости, при помощи которой оболванивают людей!

– Неплохая идея! – задумчиво произнес Марат. – Поехали!.. Эй, Ворона! – позвал он. – Идем с нами. Будешь за водителя, а то я сегодня не в форме!

Выпив на посошок по пятьдесят граммов, мы вышли на улицу и уселись в «БМВ». Жара усилилась, превратив вымокший за ночь город в подобие теплицы. В раскаленной машине, несмотря на открытые окна, нечем было дышать, Маральский нервно курил, непрерывно вытирая струящийся по лицу пот. Сидевший за рулем Ворона тихо матерился, поскольку мы двигались с черепашной скоростью, постоянно застревая в автомобильных пробках. Нина жила довольно далеко от центра, в районе метро «Речной вокзал», и дорога растянулась на целую вечность, но в конце концов, вопреки и злые, мы все же добрались до цели.

– Проклятье! Опоздали! – воскликнул Марат, выбираясь из машины. Возле подъезда стояла «Скорая помощь» и толпились возбужденные люди.

«Девчонка... молодая... отравилась... Восемнадцать лет... Какой кошмар», – донеслись до нас обрывки разговора. Маральский застонал, схватившись за сердце.

– Бедная Ольга! – прошептал он. – Сестра так любила эту лахудру.

Из подъезда вышли санитары с носилками, на которых лежало неподвижное тело, накрытое белой простыней. Распихав народ, Марат подбежал к носилкам и откинул покрывало. Я успел заметить белое до голубизны лицо, закатившиеся глаза, свесившуюся на лоб влажную прядь темных волос.

– Дура ты, дура! – пробормотал Маральский, пристально глядя на покойницу. – Хоть бы о матери подумала!

Он разом постарел на несколько лет, в уголках рта образовались горькие складки, плечи ссутулились. На улице появилась заплаканная женщина, вероятно, мать Нины. Ее бережно поддерживал под руку худощавый мужчина средних лет. Увидев Марата, она всхлипнула.

– Умерла Ниночка, – однотонным, безжизненным голосом произнесла женщина. – Не уберегли!

– Бритые сволочи! – прошипел Маральский, когда машина с трупом уехала. – Из-под земли достану подонков! Слушай, Игорь, – повернулся он ко мне, – я пока побуду с сестрой, а вечером поговорю с продавцами дури⁴. Позвони завтра, ладно? Ворона тебя подбросит!..

К пяти часам я наконец добрался до Юркиного офиса: усталый, голодный и злой как собака. Голиков еще не возвращался. Владимир Николаевич дремал в кресле, а Лена, по обыкновению, вертелась перед зеркалом. Заметив меня, она надменно хмыкнула.

– Леночка, солнышко! Прелесть! – начал подмазываться я, изобразив на физиономии льстивую улыбку. – Жрать хочу, сил нет! Возьми деньги, лапочка, и купи что-нибудь покушать!

Поломавшись для приличия секунд двадцать, секретарша отправилась в магазин.

– Узнали что-нибудь новое? – спросил проснувшийся Куракин.

Я вкратце рассказал о секте «Путь истины» и Маратовых несчастьях.

– Кошмар! – пролепетал потрясенный Владимир Николаевич. – Будто в дурном сне!

Он поднялся с кресла и заходил взад-вперед по комнате, натываясь на мебель. Я равнодушно наблюдал за ним. Больше всего на свете мне сейчас хотелось набить брюхо да завалиться спать. После бессонной ночи глаза болели, слезились, гудела голова, усталое тело слушалось с неохотой и напоминало мешок с гнилой соломой. В комнате было душно, под потолком жужжали мухи, в проникающих через окно солнечных лучах вертелись микроскопические крупы пыли.

– Я вспомнил! – вдруг воскликнул Куракин.

– Что именно?!

– «Путь истины». Ира как-то упоминала такое название, но я тогда не обратил внимания. На работе проблем хватало.

«Старый дурак! – неприязненно подумал я. – Лучше бы обратил и заботился сперва о дочери, а потом о деньгах! Тогда б и тебя убить не пытались, и девчонка была бы дома!» Голод

⁴ Наркотиков.

и усталость усиливали мое раздражение. Мне ужасно захотелось дать коммерсанту по шее, но тут, по счастью, вернулась Лена с увесистым свертком, набитым гамбургерами, пирожками и сосисками в тесте. Кроме того, она притащила бутылку коньяка. Выпив для аппетита сто граммов, я жадно набросился на еду. Владимир Николаевич от угощения отказался и замер возле окна, отрешенно глядя куда-то вдаль. Насытившись, я попросил Лену сделать кофе, закурил сигарету и почувствовал себя вполне приемлемо.

Внезапно зазвонил телефон. Я поднял трубку.

– Игорь, приезжай быстрее! – донесся издали приглушенный Юркин голос.

– Что случилось?

– Потом объясню. Хватай такси и не позже половины седьмого будь у кинотеатра «Саяны».

– Да, но...

Не дав мне договорить, Голиков повесил трубку.

– Никуда отсюда не выходите! – предупредил я на прощание Куракина. – А ты, Леночка, задержись сегодня, пожалуйста! Не оставляй его одного...

Район метро «Новогиреево», застроенный однотипными блочными домами, кипел вечерней жизнью. Во дворах тусовалась праздная подвыпившая молодежь. Напротив гастронома два дюжих мужика сосредоточенно лупцевали друг друга по физиономиям. Коммерческие палатки бойко торговали спиртным. Юрку я заметил сразу. Он стоял около билетных касс, нетерпеливо поглядывая на часы.

– Ну наконец-то! – воскликнул Голиков, заведя меня. – Еще немного, и мы бы опоздали!

– Объясни сперва, в чем дело! – потребовал я.

– Идем. По дороге расскажу.

Он потащил меня в ближайший двор, и я наконец узнал, что случилось. Юрка сегодня не терял времени даром. Он добросовестно проверил все установленные адреса. В двух квартирах никого не оказалась, в третьей рыдающая старуха сообщила, что внучка бесследно исчезла, и лишь в четвертом случае Юрке повезло.

– Кто там? – спросил из-за двери надтреснутый тенор.

– Мне нужен Евгений Коростылев, – ответил Голиков.

– Зачем?!

– Поговорить об одном важном деле.

– Уходите! – отрезал невидимый собеседник и, судя по всему, вывернул пробки, поскольку звонок перестал работать.

– Зачем тебе этот лысый мудака? – услышал Юрка и, обернувшись, увидел молодого, но изрядно помятого похмельем парня, спускающегося по лестнице с верхнего этажа. В руках он держал сумку с пустыми бутылками.

– Попьем пивка?! – не церемонясь, предложил Голиков, безошибочно угадав затаенное желание парня.

Тот не стал кочевряжиться, и спустя минут двадцать они уже сидели на лавочке у подъезда, поглощая холодное пиво, приобретенное в ближайшей палатке. Нового Юркиного знакомого звали Коля, и он прекрасно знал Коростылева, о котором придерживался весьма невысокого мнения.

– У него не все дома! – рассказывал Коля, с наслаждением глотая «лекарство». – Раньше был нормальный чувак, а несколько месяцев назад в законченного придурка превратился! Связался с какой-то сектой, начал нести чушь собачью, родную мать до инфаркта довел. Она сейчас в больнице лежит, так этот козел ни разу ее не навестил! В натуре, не вру... моя сестра их семью хорошо знает! Сперва Женька пытался проповедовать ребятам свое бредовое учение, но его послали куда подальше. Пусть они не паиньки и не подарки, но с головой у них все в порядке! Я тут встретил его на днях. «Чего же, – спрашиваю, – ты, сука, больную мать не

проведаешь?» Знаешь, что он ответил? «Я, – говорит, – выше мирских привязанностей, гуру, мол, только боготворю, а родственники ничего не значат. Они мешают мне постигать истину!» Ну разве не сволочь?! – Коля в сердцах треснул кулаком по скамейке.

– Он все время взаперти сидит? – как бы между прочим поинтересовался Юрка.

– Да нет! Каждый вечер, в пятнадцать минут восьмого, не раньше, не позже, отправляется куда-то, вероятно, к своим лысым друзьям. По нему часы можно проверять!

– А эту девочку ты здесь не встречал? – Голиков вытащил из кармана фотографию дочери Куракина.

– Так ты мент? – разом помрачнел парень и, не слушая Юркиных заверений в обратном, замкнулся в себе.

Впрочем, того, что удалось узнать, было для начала вполне достаточно.

– Пришли! – сказал Голиков, указывая рукой на двенадцатиэтажный дом, ничем не отличающийся от десятков ему подобных. – Вон в том подъезде на втором этаже живет Коростылев. Если Коля не соврал, то вскоре наш лысый «приятель» должен появиться. Меня он не видел, тебя – тем более. Проследим, куда пойдет. Авось выведет нас на остальных!

Мы устроились на лавочке в середине двора, украдкой наблюдая за подъездом. Коля говорил чистую правду. Ровно в девятнадцать пятнадцать из дома вышел неряшливо одетый бритоголовый парень лет двадцати и, не глядя по сторонам, походкой робота направился к автобусной остановке. Пропустив его шагов на тридцать вперед, мы двинулись следом.

– Мерзкая рожа! – с отвращением прошептал Голиков.

Действительно, внешний вид Евгения Коростылева не вызывал ни малейших симпатий: бледное костлявое лицо, оттопыренные, как локаторы, уши, тонкие бескровные губы. Довершали картину пустые оловянные глаза. Рубашка его давно нуждалась в стирке. На тощем заду мешком болтались мятые штаны. Коростылев мерно передвигал ноги и за всю дорогу ни разу не обернулся. На автобусной остановке толпился народ: усталые работяги, болтливые тетки с авоськами, шумная компания малолеток с магнитофоном.

Через пару минут на горизонте показался переполненный автобус. Народ заволновался. Одутловатая старуха, до сих пор громко жаловавшаяся подруге на свои многочисленные недуги и неумолимо приближающуюся смерть, расшвыряв толпу с ловкостью профессионального регбиста, первой очутилась у дверей.

«Ай да бабка! – мысленно восхитился я, с трудом протискиваясь вовнутрь и стараясь не потерять сектанта из вида. – Я б на твоём месте давно в высшей лиге выступал!»

В спертom воздухе висела густая брань вперемешку со взаимными попреками. «Гражданка, проходите!.. В середине свободно... Сойдите с моей ноги... Куда прешь, очкастый... Двигайся ты, бугай!.. Че-е-го?!» Наконец пассажиры с грехом пополам утрамбовались, двери, прищемив чью-то сумку, закрылись, и автобус, пыхтя от натуги, пополз по намеченному маршруту. Наш лысый «друг» бессмысленно таращился в окно, не обращая на давку и духоту ни малейшего внимания. Ехать пришлось далеко, почти до конечной. Постепенно народ рассосался, стало свободнее. Коростылев по-прежнему не реагировал на окружающее. Я уже начал терять терпение, когда он посмотрел на часы, изобразил на физиономии подобие улыбки и направился к выходу. Стараясь держаться в отдалении, мы последовали за ним.

Коростылев подошел к пункту обмена валюты, о чем-то спросил дежурившего у дверей милиционера, украдкой вытащил из кармана маленькую фотографию, внимательно посмотрел на нее и проглотил!

– Точно, псих! – пробормотал Голиков, выразительно крутя пальцем возле виска.

– Неужели они здесь собираются? – удивился я.

– Наверное! – пожал плечами Юрка. – Вылез-то он из дома как обычно, в пятнадцать минут восьмого...

Однако на сей раз логика с интуицией подвели Голикова. Может, раньше Коростылев ездил в это время на сборища сектантов, но сегодня у него была другая цель.

В начале девятого рядом с обменным пунктом затормозила новенькая «восьмерка». Из нее вышла худощавая женщина лет сорока пяти в простом на вид, но дорогом костюме.

– Сейчас будем закрываться, Миша, – приветливо кивнула она милиционеру. – Вот только...

– Вы Анна Матвеевна Кириллова? – неожиданно подал голос Коростылев.

– Да, а что вам...

Договорить она не успела. Сектант достал из кармана нож и с размаху всадил женщине в живот. Я на секунду потерял дар речи. Случайные прохожие испуганно замерли. Воцарилась гробовая тишина.

Первым опомнился милиционер.

– Ни с места, стрелять буду! – крикнул он, передергивая затвор автомата. Сектант медленно обернулся и, не меняя выражения лица, двинулся на него, крепко сжимая в руке окровавленный нож.

– Стой! – еще раз крикнул милиционер, но Коростылев даже ухом не повел. Тогда прогремела короткая очередь, и сектант превратился в труп. Улица ожила. Загалдели мужчины, испуганно завизжали женщины. Белый как смерть милиционер то застегивал, то расстегивал дрожащими руками верхнюю пуговицу на рубашке. Завывая сиреной, примчалась «Скорая помощь». Женщина была еще жива. Она слабо стонала, держась обеими руками за живот. На губах пузырилась кровавая пена...

– Зомби! – уверенно сказал Юрка, когда пострадавшую увезли в больницу. – Почему я раньше не догадался?! У него ж это на роже написано!

– Опасные ребятки! – вздохнул я. – Не знаешь, какой пакости от них ожидать в следующую минуту! Почему власти не запретят подобные секты?

– И-эх! – в сердцах махнул рукой Голиков. – Господам демократам сейчас не до того! Они власть делят да друг друга подсиживают. О-очень занятые люди!

– У нас нет демократов, – с усмешкой поправил я. – У нас только дерьмократы!

– Верно! – согласился Голиков. – Ну да пес с ними! Пора домой!..

К офису мы подъехали около десяти вечера. В окнах горел свет. Юра толкнул ногой незапертую дверь и остолбенел. Все вокруг носило следы отчаянной борьбы: мебель была перевернута, два стула сломаны. На полу медленно засыхала кровавая лужица. Куракин и Лена исчезли.

Глава 4

– Тэ-эк, – заскрежетал зубами Юрка. – Выследили! Сюда добрались, козлы вонючие! Ну, вы мне за это заплатите!

– За каким хреном им Ленка сдалась?! – недоумевающе спросил я.

Голиков посмотрел на меня с глубочайшим презрением.

– Свидетель! – процедил наконец он.

Действительно! Почему я сам не сообразил? Надо ж так поглупеть! Некоторое время мы обсуждали, что предпринять дальше.

– Есть тут один тип! – спустя полчаса задумчиво протянул Юрка. – Мой бывший одноклассник. Несколько лет назад увлекся восточными религиями, оккультизмом и магией. Рядом с ним я постоянно ощущаю себя неуютно, будто из меня жизненную энергию высасывают, но он может что-нибудь знать о секте «Путь истины».

– Ты считаешь, он начнет с нами откровенничать? – недоверчиво усмехнулся я.

– Придется! – на лице Голикова появилась хищная улыбка.

– Ты знаешь, где его искать?

– А как же! По вечерам он четыре раза в неделю пудрит мозги кучке придурков недалеко отсюда, в бывшем Доме культуры. Лечит якобы! Если поторопимся – то успеем застать! Вперед!

Новоявленный шаман по имени Сергей Ромадов оказался на месте. Это был среднего роста человек с острым носом и глазами неопределенного цвета. Он уже закончил сеанс, но домой не уходил, поскольку был окружен толпой поклонников, на лицах которых застыли блаженные улыбки идиотов. Ромадов глубокомысленно разглагольствовал, слушатели, разинув рты, внимали.

«Космический разум... энергетическое поле... скрытые возможности организма», – донеслись до меня обрывки фраз.

– Эй ты, целитель, кончай трепаться! – позвал одноклассника Юрка.

Последний, узнав старого знакомого, которого, очевидно, имел основания опасаться, растянул губы в приветливой улыбке, хотя в глазах полыхнула ненависть. Поклонники, однако, возмущенно загладели. Появилось предложение надавать нам по шеем и выкинуть за дверь.

– Это мой друг. Он шутит! – успокаивающе промямлил Ромадов. – Встретимся послезавтра. У нас с Юрием Олеговичем важные дела.

Ученики послушно удалились.

– Зачем так при них! – набросился на Голикова целитель, когда мы остались вдвоем. – Подрываешь авторитет!

– Перестань! – раздраженно отмахнулся Юрка. – Твой «авторитет» и без того рассыплется как картонный домик, если они случайно проведают о некоторых твоих былых грешках.

Ромадов прикусил язык. На физиономии появилась кислая гримаса.

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – с трудом выдавил он. – Лучше расскажи, зачем пришел.

Юрка, не вдаваясь в детали, поведал о наших проблемах.

– Ничем не могу помочь! – внезапно отвердел лицом целитель. – Ничего не знаю! Вот если нужно лечение...

– Свое лечение можешь засунуть в одно место, – яростно прошипел Юрка. – Знаем, к чему оно приводит! Кто «исцелил» Вовку Афанасьева от запора, а он спустя месяц умер от инфаркта, хотя до сих пор имел абсолютно здоровое сердце?! Кто свел у нашей бывшей учительницы бородавку, а она вскоре оглохла и наполовину ослепла?! Привести еще примеры?!

Ах, не хочешь?! Ясное дело! Тогда отвечай на заданный вопрос! Тебе известно, что я умею быстро развязывать языки!

Целитель несколько секунд колебался, перебегая полными страха и злобы глазами с Юрки на меня и обратно.

– Только в случае чего, я тут ни при чем! – наконец заявил он.

Мы обратились во внимание, однако знал Ромадов действительно немного. Секта «Путь истины» тщательно скрывала свою деятельность, вернее, места сборищ. Бритые «проповедники» всюду разгуливали по улицам, но в «святая святых», то есть место обитания гуру, допускали не каждого и не сразу, а лишь когда убеждались, что «клиент» достаточно созрел или от рождения отъявленный дурак. Все же Ромадов, трясаясь от бессильной злости, дал нам один адресок, не самый главный, естественно, но туда стоило наведаться. Не прощаясь, мы вышли на улицу. Уже окончательно стемнело, дул легкий ветерок, светились окнами многоэтажные дома. С горевшей в ближайшем дворе помойки тянуло едким дымом.

– Что ты имел в виду, когда говорил о «старых грешках» целителя? – прокашлявшись, поинтересовался я.

– А-а-а! – с отвращением махнул рукой Юрка. – Этот гад одно время работал учителем в школе, где совращал малолетних девочек, а иногда и мальчиков. История получила огласку, но до суда не дошло. Наверное, помогли связи его папаши. Однако один следователь сохранил у себя часть документов. Я спросил зачем, а он говорит: «На всякий случай. Может, Ромадов из извращенца маньяком-убийцей станет, что очень даже запросто! Тогда, – говорит, – я их и подниму! Тут уж никакие связи не помогут! А сейчас мне начальство кислород перекрыло». Этот следователь мой давний приятель. Соображаешь?

Я согласно кивнул. Ноги подкашивались от усталости. Набегался за день, а отдыха в ближайшие часы не предвиделось. Юрка тоже выглядел не лучшим образом. Лицо осунулось, глаза ввалились. На лбу выступили бисеринки пота. Внезапно я насторожился. Сзади слышались крадущиеся шаги. Мы как раз свернули в темный безлюдный переулок, чтобы быстрее добраться до главной улицы, где собирались ловить такси.

– Юрка! – прошептал я.

– Знаю, – почти беззвучно ответил он. – Готовься!

Шаги приблизились. Я резко шагнул вперед, одновременно развернувшись и принимая кошачью стойку⁵. Кулак нападавшего с зажатым в нем кастетом рассек воздух. Боец он оказался никудышный и легко купился на обманный финт ногой в пах. Я сорвал дистанцию, блокировал левым предплечьем его опущенные к интимному месту руки, а правой как следует треснул в подбородок. Он закатил глаза, плюхнулся мешком на мостовую и надолго отключился. Юрка в это время разбирался с остальными. Они дрались получше моей жертвы, но бывший офицер спецназа разделался с ними играючи, как матерый котик с обнаглевшими мышами. Драка заняла не более нескольких секунд.

– А головы-то не бритые! – задумчиво пробормотал Голиков, разглядывая распростертые на асфальте тела. – Интересно, кому мы еще понадобились? Вон у того, слева, знакомая рожа. Где-то я его видел, причем совсем недавно!

Юрка нахмурился, размышляя об очередном неведомом враге. Ответ, впрочем, нашелся быстро, лишь только первый из нападавших немного очухался.

– Кто прислал?! – прорычал Голиков, рывком поднимая парня на ноги.

– Вы оскорбили Учителя! Вы должны умереть! – простонал тот, пытаясь казаться храбрым, но в то же время трусливо бегая глазами.

⁵ Стойка кошки (никоша-дачи) используется в карате и ушу. Вес тела на задней ноге. Передняя чуть согнута в колене, расслаблена и слегка касается земли кончиками пальцев. Левая рука, не сжатая в кулак, впереди. Правая возле корпуса. Стойка очень удобна для защиты и молниеносной контратаки.

– Какого еще учителя? – опешил Голиков. – Вы вроде староваты для школьников! Потом он понял и громко расхохотался.

– Они имеют в виду Ромадова, – немного успокоившись, пояснил Юрка. – Сережа, стало быть, крутым стал! Личную гвардию завел! Ну, умора. Давно так не смеялся. Слушай, щенок, – потряхнул он за шкирку незадачливого поклонника целителя-извращенца. – Сперва вытри сопли и перестань есть из соски, а потом лезь в драку со старыми больными дядями, у которых расшатанные нервы. Иначе дяди могут тебя случайно зашибить!

– На досуге разберемся с Сережкой-гаденышем, – уже серьезно сказал Юрка, когда охающие, полуживые «гвардейцы» Ромадова остались далеко позади. – Шутки шутками, а такая сволочь вполне способна дверь в подъезде поджечь или кирпич с крыши на голову сбросить!..

Поиски машины затянулись надолго. Водители с подозрением смотрели на двух амбалов, а услышав, что ехать придется на другой конец Москвы, поспешно нажимали на газ.

Наконец мы все же сумели тормознуть разбитного мужика лет тридцати, на вид весьма не хилого. В салоне на заднем сиденье примостилась увесистая сумка с пивом.

– Осторожно, не разбейте! – попросил мужик, стараясь перекрыть очередного приклатненного барда, вопившего из магнитофона про шаланды, полные кефали, биндюжников, встававших при виде Кости-моряка, и тому подобное. «Уважают Костю-моряка...» – хрипло выкрикнул магнитофон и неожиданно заткнулся.

– Опять сломался, скотина! – сердито произнес водитель и разразился отборной руганью, не забыв упомянуть завод-изготовитель, «поганую падлу», продавшую ему это дерьмо, а затем почему-то рыночную экономику.

Указанный Ромадовым адрес оказался в новом глухом, безлюдном районе, почти у самой Кольцевой дороги. Безликие коробки стандартных домов, лишённые зелени и заваленные остатками строительного мусора дворы, мертвая тишина. Фонарей, естественно, не было, и единственными источниками света служили луна да блики из окон, где люди до сих пор не спали.

– Веселенькое местечко! – поморщился Юрка. – Очень подходит для убийц и насильников.

– Кого тут убивать? – возразил я. – Вокруг даже кошек не видно.

– Хотя бы нас с тобой! – усмехнулся Голиков.

– Ха! Это мы еще посмотрим!

Излишняя самоуверенность, как известно, стубила множество людей и на сей раз едва не стоила мне жизни.

Нужный дом мы нашли не скоро. Неизвестно, какой умник планировал застройку, но разобраться, где кончается одна улица и начинается другая, было чрезвычайно сложно. Здание оказалось нежилым. Стены возвели, крышу соорудили, но окна пока не застеклили и квартиры не оборудовали.

– Обманул, козел! – выругался я. – Ну погоди, целитель поганый! Я тебе сделаю козью морду!

– Тихо! – перебил Юрка. – Смотри!

В одном из окон третьего этажа виднелся свет.

– Идем туда!

Мы зашли в подъезд и начали осторожно подниматься по заляпанным известкой ступеням. В воздухе ощущался слабый запах краски. Неожиданно до нас донеслись тихие голоса. Я торжествующе улыбнулся: «Попались, голубчики» – и первым шагнул в зияющий дверной проем. В тот же момент в лицо мне ударила удушающая вонючая струя какого-то газа; глаза заволокло пеленой, ноги подкосились, и я потерял сознание.

Очухался я не скоро и сперва не мог сообразить, где нахожусь. Мысли притупились, мозги работали с трудом. Наконец я более-менее вспомнил недавние события и огляделся

по сторонам. Я лежал на грязном, холодном полу в пустой комнате с кирпичными неоштукатуренными стенами, руки мои были связаны за спиной. В дальнем углу валялась неподвижная, темная, иногда постанывающая груда, в которой я распознал Голикова. Очевидно, он еще не пришел в себя. Из соседнего помещения слышались монотонные голоса: «Они не скоро очнутся...» – «Да, ты прав...» – «Скоро приедет машина?...» – «Через пятнадцать минут...» – «Посвятим это время самосозерцанию».

Несмотря на наше весьма незавидное положение я едва не расхохотался... «Самосозерцанию! Кретины! Нельзя мерить всех по собственной мерке! Думаете, отравой в морду попрыскали, руки скрутили, и все?! Хрен вам с маслом! Не на того нарвались». Дело в том, что я с детства был не предрасположен к наркотикам. Местный наркоз на меня вообще не действовал, да и общий – довольно слабо. В компании с ребятами я иногда покуривал анашу, но при этом не испытывал ни малейшего кайфа и лишь с удивлением наблюдал, как «тащатся» мои приятели, не понимая, отчего это они так забалдели. В газе, которым нас отравили, очевидно, содержался сильнодействующий наркотик. Я отрубился, но очнулся гораздо раньше, чем рассчитывали мои недруги. Кряхтя от последствий радикулита, я согнулся пополам, приблизив к лицу сжатые колени. Подсунул под связанные руки одну ногу, потом другую. В результате руки оказались спереди. Узел был довольно примитивным. Я быстро распутал его зубами и с наслаждением размял затекшие кисти. Потом развязал Голикова. Он пробормотал нечто неразборчивое, однако глаза не открыл.

«Ладно, – решил я, – сам разберусь», – и на цыпочках направился к проему, ведущему в соседнюю комнату. Наши «друзья» созерцали. Четыре неряшливых бритоголовых типа сидели на корточках, бессмысленно уставив оловянные глаза в противоположную стенку. Трех я положил сразу, даже не дав им понять, что происходит, но четвертый опомнился и ринулся в бой. По правде сказать, дрался он неплохо. Мне, не до конца оправившемуся от действия газа, поначалу пришлось туго. Я едва отразил нацеленный в голову хлесткий «маваши»⁶, принял на живот «майгери-кокато»⁷ и, задыхаясь, ушел на дальнюю дистанцию.

– Сдавайся! Поедем к гуру. Ты встанешь на путь истины, – мертвым голосом предложил сектант.

– Заткнись, зомби безмозглый, – огрызнулся я, переходя в наступление. Голова к тому времени почти прояснилась. Противник попытался остановить меня ударами ног, но я легко их заблокировал и сорвал дистанцию. Голенью левой ноги в подколенный сгиб... кулаком в подбородок... носком ботинка по голени... захват обеими руками за плечи... коленом в живот и наконец локтем правой в челюсть. Сектант отключился. Его тело шлепнулось на бетонный пол.

– Что здесь происходит? – на пороге появился Юрка, белый как мел, с мутными, плохо соображающими глазами.

– Твой Ромадов, очевидно, предупредил бритоголовых. Нас опрыскали отравляющим газом и забрали в плен вот эти мешки с дерьмом, – я кивнул на бесчувственных сектантов. Взгляд Голикова слегка прояснился.

– Поня-ятно! – пробормотал он.

– С минуты на минуту подъедет машина, – продолжал я, – которая должна отвезти нас куда-то, может, в то место, где прячут Куракина с Леной. Что будем делать?

Не отвечая, Голиков пошатнулся и облокотился спиной о стену. Бедный Юрка оказался более восприимчив к наркотикам, нежели я. Теперь приходилось рассчитывать только на собственные силы. Для начала я связал сектантов их брючными ремнями, но не по-дурачки, как они нас, а со знанием дела. Способ, в общем-то, простенький, однако действует безотказно.

⁶ Боковой удар ногой. Наносится носком или подъемом.

⁷ Прямой удар пяткой ноги.

Правая рука загибается за спину, на запястье накидывается петля, затем веревку (в данном случае ремень) перебрасывают через левое плечо, проводя ее по груди, продевают под правую под мышку. Потом загибают левую руку назад и связывают вместе с правой. Вот и все. Как говорится, дешево – но сердито! Освободиться невозможно. Для ног осталось только две веревки, те, которыми недавно были скручены мы с Юркой. Немного подумав, я нашел оригинальное решение. Положил сектантов лицами вниз и связал их попарно, наподобие сиамских близнецов: левую ногу одного к правой ноге другого. Получился забавный натюрморт. Полюбовавшись пару секунд на свое творение, я бережно усадил ослотившего Юрку в углу, закурил сигарету и принялся поджидать остальных. Было тихо, как в могиле. Тусклая, полуживая лампочка под потолком создавала не свет, а полумрак. Мне сделалось немного не по себе, и когда один из сектантов заелозил по полу, бормоча какую-то ахиною, я даже обрадовался. Через несколько минут на улице отрывисто засигналила машина.

– Карета подана, господа! – ухмыльнулся я, вышел в подъезд и спустился по лестнице. Машина оказалась той самой серой «Волгой», которая приезжала давеча к дому Куракина. От нее отделилась высокая фигура и медленно двинулась по направлению ко мне. Очевидно, сектант обладал острым зрением и даже в потемках распознал чужака, поскольку рука его змеиным движением скользнула за пазуху. Я едва успел броситься ничком на землю. Яркая вспышка озарила темноту. Тишину разорвал грохот выстрела. Откатившись в сторону, я выхватил пистолет и несколько раз пальнул наугад. Раздался слабый стон, ковыляющие шаги, затем заревел мотор. Бритоголовые удрали.

– Проклятие! – воскликнул я, поднимаясь на ноги. – Что за жизнь собачья?! Сплошные обломы.

Рев мотора послышался снова. Обернувшись, я увидел, что «Волга» с потушенными фарами несется прямо на меня. Я кое-как увернулся и выпустил оставшиеся в обойме патроны в заднее стекло. Машина завиляла из стороны в сторону, на полном ходу врезалась в дом и взорвалась. Бегом поднявшись на третий этаж, я схватил полубесчувственного Голикова под руки и с максимально возможной скоростью поволок его куда-нибудь подальше от места происшествия. Глухомань глухоманью, а менты тут вполне могли водиться. Метров через пятьсот я окончательно выдохся, усадил Юрку возле штабеля проржавевших труб и опустился рядом. Сердце норовило выскочить из груди, перед глазами плясали желтоватые искры. Слегка отдышавшись, я начал обмозговывать ситуацию. Скорее всего милиция уже там, по крайней мере рано или поздно появится. Я, похоже, подстрелил водителя «Волги». Если судебно-медицинская экспертиза еще работает по специальности, а не занимается рэкетом или коммерцией, то пулю мою обнаружат. Стало быть, ствол меченый. Надо от него срочно избавляться. Побродив по окрестностям, я нашел глубокую канаву, заполненную вонючей заплесневелой водой, и швырнул туда пистолет. Теперь дальше. Они обнаружат связанных зомби. Вряд ли те станут нас закладывать. Во-первых, они были без сознания и не видели, кто в кого стрелял, во-вторых, у самих рыльце в пушку, в-третьих, эти дебилы, кажется, вообще ничего не соображают. Начнут бормотать про путь истины и тому подобное. Менты послушают, поморщатся, а потом или отправят их в психушку, или отпустят восвояси, что более вероятно. Дурдома сейчас переполнены. Оно и понятно. Хотя, честно говоря, можно их вообще закрыть! Значительная часть теперешних москвичей и в особенности некоторые политики мало чем отличаются от обитателей психушек, а если и отличаются, то в худшую сторону. Размышляя подобным образом, я вернулся к Юрке. Он выглядел уже почти нормально, очевидно, действие газа закончилось.

– Что случилось? – слабым голосом спросил Голиков. – Ничего не помню!

Я по второму разу рассказал о ромадовских кознях и о засаде, устроенной бритоголовыми.

– Придушу паразита! – зарычал Юрка, сжимая кулаки.

– С этим успеется! – охладил я его пыл. – Сейчас других проблем достаточно! Дело-то по-прежнему на нуле, к тому же клиента украли!

– Н-да! – задумался Голиков. – Веселенькая ситуация! И что самое поганое – ума не приложу, как из нее выпутаться!

– Маральский обещал потрясти торговцев наркотой! – напомнил я. – Авось что наклюнется! Но об этом после. Сначала нужно выбраться отсюда.

Проблуждав минут сорок по колдобинам новостроек, мы наконец обнаружили некое подобие шоссе, не менее часа безуспешно голосовали изредка появлявшимся машинам и лишь с рассветом оказались у меня дома. Приняв душ, я завел будильник на десять утра, улегся на диван и моментально провалился в глубокий сон.

Глава 5

На протяжении всего сна меня преследовали кошмары. Бритоголовые зомби с пустыми глазами пытались нацепить мне на голову какой-то странный прибор, напоминающий шлем, бубня при этом, что я должен стать таким же, как они. В отдалении кривлялось, приплясывало и хлопало себя по ляжкам отвратительное существо с рогами, хвостом и кривыми желтыми клыками. Потом на сцене появился Ромадов, который предпринял попытку отпилить ножовкой мою правую руку. Затем началось нечто невообразимое: багровые всполохи пламени, длинные колонны марширующих мертвецов, безжизненный голос, монотонно повторяющий: «Путь истины... Путь истины!.. Путь истины...» – а над всем этим торжествующий дьявольский хохот...

Проснулся я, не дождавшись будильника, в половине восьмого с больной головой и отвратительным настроением. Рядом постанывал во сне Юрка. По его постному лицу и стиснутым зубам было понятно, что сны Голикова тоже не из приятных. Растолкав Юрку, я начал варить кофе. Неожиданно зазвонил телефон.

– Ты не забыл наш уговор? – спросил на другом конце провода Маральский.

– Нет, но...

– Тогда приезжай быстрее, – перебил он, – мы тут поймали одного красавца. Он, падла, пробовал запираяться, но я умею развязывать языки. Будь через десять минут.

– Где?

Марат назвал адрес.

– Но мы не успеем, ты же знаешь, я сейчас без колес!

– Хорошо! Пришлю Ворону! Встречай! – отрывисто бросил Маральский, вешая трубку.

– Юрка! Кажется, клюнуло! – радостно воскликнул я, поворачиваясь к Голикову. – Марат что-то разнюхал! Одевайся в темпе! Уверен, сегодня нам повезет.

Господи, как же я тогда ошибался!

Ворона, судя по всему, нарушивший все мыслимые и немыслимые правила уличного движения, подлетел к дому через десять минут и нетерпеливо засигналил под окнами. Парень казался сильно взволнованным.

– Скорее, ребята! – крикнул он, высовываясь из машины, и едва мы забрались внутрь, изо всех сил надавил на газ.

Я пытался разузнать, в чем дело, но Ворона, всецело занятый лавированием в автомобильном потоке, отвечал торопливо и невнятно. Из его бессвязных нервных реплик я уяснил лишь следующее: вчера вечером они с Маратом (приглашать других своих ребят Маральский почему-то не захотел) отправились разыскивать некоего Эдика, известного в определенных кругах торговца наркотиками. Эдик встретил их радушно, но, услышав про «Путь истины», изменился в лице и наотрез отказался отвечать на вопросы. Тогда Маральский, никогда не отличавшийся особым терпением, а после смерти племянницы утративший его окончательно, треснул Эдика по затылку рукояткой пистолета, на пару с Вороной запихал в машину и отвез в подвал, переоборудованный бандой Марата под спортзал. Привязав торговца наркотой к перекладине под потолком, Маральский принялся самым серьезным образом готовить орудия пыток из подручных средств. Эдик с ужасом наблюдал за ним, но молчал как рыба и лишь к утру, после (тут я опускаю отвратительные подробности)... заговорил. Его исповеди Ворона не слышал, так как все время простоял возле дверей на шухере, но по изменившемуся лицу шефа догадался, что тот узнал нечто важное. Эдика отвязали от перекладины, однако домой не отпустили, а по распоряжению Марата приковали наручниками к батарее.

– Пускай Игорь сам его послушает, – сказал Маральский, – тогда вместе решим, что дальше делать.

Затем он позвонил мне и попросил Ворону съездить как можно быстрее туда-обратно, а сам уселся в углу на скамейку, обхватив голову руками. Очевидно, вспоминал покойную племянницу. Больше Ворона ничего сообщить не мог. Проскочив три раза на красный свет и едва не врезавшись в огромный крытый фургон, мы наконец прибыли на место. Спортзал располагался в подвале массивного здания сталинской архитектуры с помпезными, но порядком облупившимися и потрескавшимися лепными украшениями. В просторном, заросшем старыми развесистыми деревьями дворе было тихо. Только поскрипывали кем-то потревоженные детские качели. У бордюра притулился Маратов «БМВ». Мы зашли в прохладный подъезд. Ворона три раза постучал в подвальную дверь. Никто не отозвался.

– Здесь что-то не так, – проворчал Юрка, толкая дверь ногой. Она со скрипом отворилась. Изнутри пахло неприятным запахом свежей крови.

– Ну, вы мясники! – скривился Голиков, заглядывая в спортзал. – Боже! – воскликнул он, указывая рукой на открывшуюся нашим взорам страшную картину. Посредине на каменном полу, оплывая кровью, лежал Маральский. Его мертвенно-белое лицо заострилось, глаза были плотно зажмурены. В дальнем углу, возле батареи сидел незнакомый мне человек с даже не перерезанным, а скорее перерубленным горлом. Рана была ужасна! Запрокинутая назад голова едва держалась на тонкой полоске мяса и кожи. Все вокруг носило следы ожесточенной борьбы.

– Ма-мо-чка! – ошарашенно прошептал Ворона. Руки у парня тряслись мелкой дрожью. Маральский застонал и слегка пошевелился. Я подбежал к нему.

– И-го-рь! – еле слышно прошептал Марат, медленно открывая затуманенные глаза: – И-го-рь!!!

– Я здесь, Саша, здесь! Что произошло?!

– На-й-йди их, И-го-рь! Я уми-ра-раю!

– Кто они?! Где искать?!

– Лы-ысые... Эдик про-одавал им дурь... ДК «Красный мак»⁸. За ним постоянно следили... Гу-уру узнал этот адрес. Их при-ишло десять... Я не с-мог!

– Как зовут гуру?! Кто он?!

– Ты д-дол-жен его знать! Убей их, Игорь! Они хотят...

Дальше Марат ничего сказать не смог. Из горла, булькая, хлынула кровь, тело забилося в агонии, но, даже умирая, Маральский о чем-то умолял меня тускнеющими глазами. Через полминуты все было кончено.

– Уезжайте, ребята! – глухо сказал Ворона. – Я позабочусь о телах.

Нам ничего не оставалось, как вернуться домой. Всю дорогу я пытался понять, что имел в виду Маральский, говоря, будто я «должен знать» гуру, но без толку. В моей давно не убиравшейся квартире висел загустевший дух пыли и табачного перегара. В углах под потолком скопилась паутина, на кухне высилась гора немытой посуды, а пол давно нуждался в мокрой тряпке.

– Живешь как поросенок, – заметил Голиков. – Хоть бы одну из своих баб заставил чистоту навести.

– Тоже мне чистюля выискался, – огрызнулся я. – А у самого морда три дня не брита.

Обменявшись таким образом любезностями, мы пришли на кухню. Я отворил окно, сварил кофе, достал из холодильника початую бутылку коньяка, нарезал ломтиками лимон и предложил Юрке слегка расслабиться. Бешеная круговерть последних двух дней совершенно истощила запас жизненных сил, а впереди, как я предчувствовал, нас ожидало немало, мягко говоря, «приключений». Мы устроились возле стола и принялись пить горячий, ароматный кофе, перемежая его небольшими дозами коньяка.

⁸ Название изменено.

– По крайней мере какая-то зацепка теперь есть! – сказал Юрка, затягиваясь сигаретой. – ДК «Красный мак».

– Что ты предлагаешь?

– Поедем туда вечером, покрутимся в окрестностях, если вычислим кого-нибудь из сектантов – проследим.

– Идея прекрасная, – заметил я. – Но нужна машина.

– Действительно, – задумался Голиков. – Надо решить этот вопрос! Может, твою колымагу уже починили?

– Наверяд ли, – усомнился я. – Там работы на две недели, а прошла только одна.

Юрка нервно заходил взад-вперед по комнате.

– Угнать, что ли?! – полушутя предложил я.

– Оставь свои бандитские замашки, – на полном серьезе отрезал он. – Только в милицию залететь не хватало для полного счастья. Стой, я, кажется, придумал!

Он набрал телефонный номер, о чем-то быстро переговорил с неизвестным мне собеседником и удовлетворенно улыбнулся.

– Ну вот! Дело в шляпе! У моего дядьки есть старый «жигуленок». Выглядит, конечно, не дай Боже, но способен передвигаться без помощи лошади. Сейчас пригоню!

Голиков ушел. Я остался один. На улице сгущались тучи, из распахнутого окна повеяло предгрозовой духотой. «Витя, иди домой!» – кричала живущая этажом выше женщина своему потомку. «Мама, но дождя еще нет», – плаксиво отмазывался тот. «Иди, кому сказала! Уши надеру!»

«Может, выпить?» – лениво подумал я, протягивая руку за бутылкой.

Неожиданно зазвонил телефон.

– Игорь, вы меня слышите? – спросил на другом конце провода Куракин. Голос коммерсанта звучал довольно странно.

– Слышу! Где вы находитесь?

– Это не важно. Заказ отменяется. Все уладилось.

Последние слова дались ему с заметным усилием. Я сразу сообразил, что говорит он так не по собственному желанию. Кроме того, Куракин не знал моего телефона.

– Интересно получается, – почти искренне возмущился я. – А деньги?! Вы заплатили только половину.

Куракин несколько секунд молчал. Наверное, получал инструкции от сектантов.

– Мы тебя, гада, из-под земли достанем и бабки свои вышибем! – подлил я масла в огонь.

– Хорошо, – сказал наконец коммерсант. – Приезжайте в восемь вечера к черному входу ДК «Красный мак»...

В трубке послышались короткие гудки.

«Ясненько! – подумал я. – Через Куракина они попытались заставить нас отказаться от дела, а когда не получилось – приготовили ловушку. Интересно, что они задумали? Отдавать деньги лысые не станут. Их гуру – жадная сволочь, недаром из-за куракинского наследства такую возню устроили. Попробуют захватить? Вряд ли! Они уже убедились, что мы не лыком шиты, и рисковать не будут. Вероятнее всего, нас попытаются убить, но как? На их месте самое умное стрелять издалека, с глушителем! Хлоп... Хлоп... – и два жмурика! Хитрецы, ничего не скажешь!»

В этот момент появился Голиков, сияющий, как новый самовар.

– Карета подана! – радостно сообщил он, однако, узнав о разговоре с Куракиным, заметно помрачнел.

– С «профи» тягаться сложно, – хмуро пробормотал Юрка.

– А с чего ты взял, что там будет «профи», – возразил я. – С ним еще надо связаться, договориться, как следует заплатить. На это уйдет много времени, которого у лысых нет, да и

не захочет гуру тратить на наемного убийцу, когда под рукой целое стадо баранов. Выберет из числа своих недоумков умеющего хорошо стрелять, вручит ему винтовку – и в путь! А погибнет – невелика потеря. У гуру других дебилов в запасе полно. Я предлагаю отправиться туда заранее, разыскать место, где вероятнее всего может затаиться снайпер, и устроить засаду. Возьмем гада живьем. Тех, вчерашних, мы не успели допросить, но из этого уж что-нибудь да вытрясем!..

На лице бывшего спецназовца появилась злобная улыбка.

– Можешь не сомневаться! – кровожадно мурлыкнул он. – Я припас одну весьма полезную штучку!

Голиков достал из кармана небольшую ампулу и шприц.

– «Сыворотка правды»! – сказал он в ответ на мой недоумевающий взгляд. – Никаких пыток не нужно! Вколем ему дозу, и будет молотить языком как пулемет.

– Ну даешь! – восхитился я. – Где достал?!

– Поехали! Время не терпит! – будто не слыша вопроса, заторопился Юрка, и мы вышли на улицу. Тучи рассеивались. Гроза, пострадав для порядка народ, дождем не разродилась и прошла стороной. «Жигуленок» Юркиного дяди выглядел настолько жалко, что я засомневался, вправду ли он может передвигаться без помощи лошади. Тем не менее мотор, слегка покапризничав, завелся, и мы двинулись в путь.

ДК «Красный мак» переживал не лучшие годы своего существования. Когда-то здесь кипела жизнь: крутили фильмы, устраивали дискотеки, дралась и флиртowała молодежь. Теперь все это сгнуло. Подростковая молодежь гибла в горячих точках, на бандитских разборках, спивалась или в лучшем случае обзаводилась семьями. Новое поколение предпочитало смотреть фильмы по «видео», а под дискотеки переоборудовали местный кинотеатр, новый и гораздо более комфортабельный. Помимо прочего, в нем соорудили бар, дабы юноши и девушки не тратили драгоценного времени на поиски спиртного. Покинутый ДК захирел. Служащие, за исключением двух-трех стариков, разбрелись. Здание обветшало, пришло в упадок...

Голиков окинул окрестности цепким, профессиональным взглядом.

– Самая удобная позиция для стрельбы на чердаке того дома! – заявил он, указывая на белую кирпичную пятиэтажку.

– Убийца прибудет часа за два, не раньше, – продолжал Голиков, взглянув на часы, – времени у нас достаточно. Не мешает подкрепиться!

Я согласно кивнул, хотя, по правде сказать, есть абсолютно не хотелось. Воспоминания об окровавленном умирающем Маральском и в особенности о почти отрубленной голове злополучного Эдика не способствовали развитию аппетита.

Тем не менее я через силу запихал в себя гамбургер, купленный в ближайшем кафе. Юрка же ел с видимым удовольствием. Вероятно, за время службы в спецназе притерпелся к подобным вещам. Покончив с трапезой, мы загнали машину во двор, поднялись на пятый этаж и по железной лестнице вскарабкались на чердак.

Там было сумрачно, пыльно и тихо. С потолочных балок клочьями свисала паутина. Пол, особенно возле окон, покрывал толстый слой затвердевшего голубиного помета. По углам валялся различного рода старый хлам: полусгнившие доски, заржавевшие детали детского велосипеда, дырявые ведра, консервные банки и тому подобное.

– Гляди, – шепнул Голиков. – Вон окно, из которого лучше всего видно черный ход ДК.

Он оказался совершенно прав. Даже мне, непрофессионалу, с первого взгляда стало ясно – сектор обстрела прекрасный. Если же целиться из других окон, то обязательно что-нибудь да мешало. Или дерево, или соседний дом. Вне всякого сомнения, лысые отлично знали это окошко, но откуда? Времени для тщательной подготовки убийства у них не было. Значит, они неоднократно бывали здесь раньше. Зачем?!

Голиков будто прочитал мои мысли.

– Насколько я понял Маральского, Эдик передавал наркоту возле «Красного мака», а отсюда кто-нибудь из сектантов наблюдал за сделкой. На всякий случай.

– Как думаешь, почему он так боялся лысых, что раскололся лишь после длительной пытки? – поинтересовался я.

Юрка пожал плечами:

– Эдик, без сомнения, хорошо разбирался в наркотиках и мог примерно догадаться, что именно делают из той отравы, которую он приносил. Кроме того, знал их главаря, да и тебе, если верить Марату, он должен быть известен. Поразмысли на досуге. Кто из твоих знакомых гуру?!

– Черт его разберет! – тоскливо вздохнул я. – Как ни ломаю голову, ничего похожего не припоминаю.

Мы уселись в темном углу за огромной кучей мусора и принялись терпеливо ждать. Время тянулось нестерпимо медленно. В спертом воздухе жужжали мухи, ворковали голуби. Один из них заблудился на чердаке и некоторое время громко хлопал крыльями, пока не нашел выход.

– Половина седьмого! – спустя целую вечность прошептал Юрка. – Неужели я ошибся?!

В этот самый момент лязгнула ведущая на чердак лестница. По ней кто-то поднимался. Затем послышались крадущиеся шаги. Мы осторожно выглянули из-за своего укрытия. Высокий бритоголовый парень с «дипломатом» в руках направлялся к тому самому окошку.

– Явился! – злорадно шепнул Юрка. – Берем без шума.

Неслышно, будто по воздуху подобравшись сзади, он молниеносно взмахнул рукой, и сектант, не издав ни звука, свалился на пол. Пока я старательно связывал пленника, Голиков открыл «дипломат» и удивленно присвистнул:

– Ни хрена себе! Настоящая снайперская винтовка!

Неудавшийся киллер застонал, постепенно приходя в сознание. Это был парень лет двадцати пяти, крепкого телосложения, с правильными чертами лица. Возможно, раньше девки сходили по нему с ума, но сейчас его уродовала характерная для всех бритоголовых синюшно-бледная маска трупa. Одежда отличалась неряшливостью, от тела исходил неприятный запах.

– Пуси-муси, – засюсюкал Юрка, когда сектант открыл наконец пустые глаза. – Здравствуй, мальчик! Добрые дяди приготовили для тебя отличную микстурку!

С этими словами он наполнил шприц сывороткой. Бритоголовый забился в безуспешных попытках освободиться.

– Не выйдет! – ухмыльнулся Голиков. – Игорек свое дело знает!

Шприц вонзился в тело парня. Парень вскрикнул.

– Ай-яй-яй, – покачал головой Юрка. – Хорошие мальчики не должны плакать! Подождем немного, пока подействует, – уже серьезным тоном сказал он, повернувшись ко мне. По правде говоря, до сих пор о «сыворотке правды» я знал лишь понаслышке. Одни говорили, будто ее используют спецслужбы для допроса иностранных шпионов, другие – что все это чушь собачья и такого препарата вовсе не существует. Сегодня же я получил возможность наблюдать «сыворотку» в действии.

– Как тебя зовут? – спросил Голиков.

– Кустов Дмитрий.

– Год рождения?

– Тысяча девятьсот семидесятый, – голос парня звучал монотонно, без интонаций.

– Служил в армии?

– Да.

– Где?

– В погранвойсках.

– Воинская специальность?

– Снайпер.

Юрка торжествующе поглядел на меня и поднял вверх большой палец.

– Кто приказал нас убить?

– Гуру.

– Зачем?

– Он не говорил.

– А сам ты не поинтересовался?

– Нет.

– Почему?

– Мне все равно! Я живу, чтобы выполнять приказы гуру и таким образом встать на путь истины.

– Как зовут гуру?

(Тут сектант произнес длинное мудреное слово, которое я не запомнил да и выговорить его сложно. Русский язык не приспособлен для подобной абракадабры.)

– Каково настоящее имя гуру?

– Не понял вопроса.

– Кто он по паспорту?

– Не знаю.

– Где живет?

– Не знаю.

– Хорошо. (Юрка, кажется, начинал злиться.)

– Где вы с ним встречались?

– В центре.

– Адрес, живо!!!

Сектант безучастно продиктовал название улицы и номер дома. Дальнейшие расспросы не привели ни к какому результату. Это был натуральный зомби, видевший все свое предназначение в выполнении приказов гуру.

Закончив допрос, Юрка горько усмехнулся:

– Всякого насмотрелся за время службы в спецназе! Видел не раз, как убивают людей, и сам убивал, но то, что сотворили с этим несчастным парнем, хуже смерти! У него отобрали душу! «Путь истины», твою мать! Ей-Богу, средневековые инквизиторы были не так уж не правы, сжигая еретиков на кострах! Свобода вероисповеданий, бля! Вот она, ваша свобода!

– Ладно, брат, не горячись! – успокаивающе произнес я, кладя Голикову руку на плечо. – Парню уже ничем не помочь. Поехали лучше в их говенный центр. Авось разужнаем, где прячут Куракина с Леной!

– Поехали! – вяло согласился Юрка. Кончики пальцев у него слегка подрагивали. Предоставив сектанту самому разбираться с веревками, мы захватили «дипломат» с разобранной винтовкой, слезли с чердака, почти бегом спустились вниз по лестнице и вышли на улицу.

Во дворе весело верещали дети, увлеченно чесали языками их мамы, сражались в домино пожилые мужики. Откуда-то доносились звуки музыки. Молодые парни, устроившиеся на лавочке у забора, пили пиво, временами оглашая окрестности взрывами смеха. Вероятно, рассказывали друг другу анекдоты.

– Живут себе люди и в с ус не дуют! – задумчиво сказал Голиков, вынимая из кармана сигареты. – Не ведают, что у них под носом творится! Не видят, как по улице живые мертвецы разгуливают! Бар-раны!

Он повертел в руке незажженную сигарету, раздраженно скомкал и швырнул на землю. «Жигуленок»-ветеран почуял скверное настроение нового владельца, решил, что шутить с ним

сегодня не стоит, и завелся с первого раза. Юрка резко развернул машину, и мы вылетели на проезжую часть, оставив позади клубы пыли. Часы показывали без десяти восемь.

Глава 6

Центр секты располагался в одном из промышленных районов города и занимал здание, принадлежавшее раньше детскому саду. Владевший им завод разорился. Не выплачивал рабочим несколько месяцев зарплату и уж тем более перестал заботиться об их детях. Поэтому помещение арендовал гуру.

Центр представлял собой стандартный белый двухэтажный дом, окруженный небольшим сквериком с покосившейся оградой. Изнутри не доносилось ни звука.

– Попробуем с черного хода, – тихо сказал Голиков, извлекая из кармана отмычку. Зайдя за угол, мы оказались около обшарпанной двери, ведущей, надо полагать, в подсобные помещения или на кухню. Замок поддался быстро. Давно не смазывавшиеся петли громко заскрипели, и мы разом насторожились, но внутри по-прежнему было тихо.

– Лысые еще не пришли или уже ушли, – прошептал Юрка. – Давай обыщем их берлогу!

Бесшумно ступая, он двинулся вперед. Я последовал за ним. Миновав узкий захламленный коридор, мы очутились в пустой комнате, но ничего разглядеть не могли. Вокруг царила крошечная темнота.

– Проклятье! Где выключатель? – ругнулся я, и тут неожиданно вспыхнул яркий свет. Комната оказалась бывшей столовой, из которой вынесли всю мебель. Лишь картинки гастрономического содержания, нарисованные краской на стенах, свидетельствовали о ее былом предназначении. Сейчас тут стояли шесть зомби и бессмысленно тарасились на нас. Седьмой держался несколько поодаль, но глаза у него были не тупые, а хитрые и колющие. В них горело злобное торжество. Он-то и командовал всей компанией. Выглядел «седьмой» лет на сорок с небольшим и не отличался приятной наружностью: тщедушная фигура, блеклое угловатое лицо, тонкие бескровные губы, искривленные в настоящий момент жестокой усмешкой. Я мысленно окрестил его «гадюкой».

– Взять их! – прошипел «гадюка», и лысые молча бросились на нас. Мне очень повезло, что я оказался вместе с Голиковым. Молниеносным ударом уложив первого сектанта, Юрка занялся сразу тремя, причем нападал теперь он, а зомби с трудом защищались. На мою долю осталось двое, правда, они кое-что смыслили в карате. Первый нанес мне «маваши» в голову. Перехватив голень, я подсек ему опорную ногу и швырнул нападавшего на второго противника. Тот не устоял, и оба свалились на пол. Используя создавшееся преимущество, я подпрыгнул вверх и приземлился пятками прямо на них. Один отключился, но второй сумел откатиться в сторону и кое-как подняться. Не давая ему опомниться, я сорвал дистанцию, блокировал нацеленный в горло удар и изо всех сил врезал с левой в печень. Сектант согнулся пополам и, получив локтем в позвоночник, рухнул на пол. Я огляделся по сторонам. У Юрки оставался только один противник – метра под два ростом, очень крепкий на вид. Именно благодаря массе, он ухитрялся еще сохранять вертикальное положение и даже сопротивляться.

– Лови «седьмого»! – крикнул Голиков, безжалостно лупцуя зомби. – Удирает, гад!

Тут я заметил, что «гадюка», осознав поражение, скрылся в соседней комнате. Ругаясь на чем свет стоит, я рванулся следом и едва не поплатился за неосторожность. Как только я переступил порог, на голову обрушился страшный удар, и я лишь чудом успел слегка отклониться. Толстая дубинка, которой полагалось расколоть мне череп, лишь задела меня. Тем не менее мозги у меня затуманились, перед глазами заплескали разноцветные искры, нарушилась координация. С трудом заблокировав следующий удар, я ушел на дальнюю дистанцию. В маленьких глазках «гадюки» вспыхнуло торжество. Он снова замахнулся, но тут появившийся как из-под земли Юрка наотмашь рубанул его ребром ладони в основание черепа. Тщедушная фигурка ткнулась носом в пол.

– Что с тобой? – спросил Голиков.

Я молча указал пальцем на голову.

– Впредь будь осторожнее, – не удержался от нравоучения Юрка, склонился над «гадюкой», пощупал пульс и медленно выпрямился. Лицо бывшего спецназовца выражало растерянность и недоумение.

– Сдох! – виновато сказал он. – Хлипкий оказался, зараза!

– Чтоб тебя черти сожрали, Терминатор хренов! – возмутился я. – Это тебе нужно быть осторожным. Лишил нас последнего шанса! Он был единственным, из кого мы могли вытрясти необходимую информацию. Ты думаешь, те шесть зомби, которые валяются в соседней комнате, что-нибудь соображают?

Юрка выглядел как напакостивший кот.

– Ладно, – примирительно сказал он. – Ничего не поделаешь! И на старуху бывает проруха! Стой! Ты ничего не слышишь?!

– Только звон в ушах! – признался я.

– В подвале кто-то зовет на помощь, надо посмотреть.

– Подожди, – остановил его я. – Давай сперва свяжем зомби. Не дай Бог, очухаются да нападут сзади!

Старательно скрутив сектантов и заткнув им кляпами рты, мы принялись искать вход в подвал. Это заняло минут десять. Поиски затруднялись отсутствием света во многих помещениях, а также различного рода хламом, о который мы то и дело спотыкались в потемках.

– Нашел! – вдруг торжествуя воскликнул Голиков. – Иди сюда!

Подойдя поближе, я увидел массивную железную дверь, снабженную висячим замком. Крики сделались слышнее. Повозившись немного с отмычкой, Юрка снял замок, отшвырнул его в сторону и толкнул рукой тяжелую дверь.

– Помогите! Уберите ее! – резанул по ушам полный боли и отчаяния голос Куракина. – Люди! Кто-нибудь!

Спотыкаясь на осклизлых ступенях, мы бегом спустились вниз и на секунду остолбенели. Взорам нашим предстала ужасная картина. В отгороженном железной решеткой закутке съехался, как побитая собака, Куракин, а рядом пускало слюни то, что еще вчера было Леной, симпатичной, кокетливой двадцатилетней девчонкой. Теперь она напоминала человека только очертаниями: вытаращенные, лишенные малейшего проблеска мысли глаза, обвисшие губы, застывшая поза. Оно, это существо, никак не реагировало на окружающее, бессмысленно уставившись на голую стену перед собой.

– Боже ты мой! – прошептал пораженный Голиков. – Что они с ней сотворили?!

– Наконец-то! Наконец-то! – запричитал бизнесмен. – Ради всего святого, вытащите меня отсюда!

Опомнившийся Юрка быстро справился с замком, и Куракин, рыдая, бросился ему на грудь.

– Они обещали сделать меня завтра таким же, – всхлипывал Владимир Николаевич. – Если я не буду работать на секту и не пройду добровольно курс зомбирования...

– Что делали сектанты с Леной? – глухо спросил Голиков, не слушая жалоб бизнесмена.

– Я толком не понял! Усадили в какое-то кресло наподобие электрического стула, надели на голову металлический шлем, били током...

В этот момент существо заурчало и принялось мочиться прямо под себя.

– Лоботомия! Ее уже не спасти, – прошептал Юрка, выхватил пистолет и, прежде чем я успел опомниться, всадил Лене пулю в лоб.

– Ты охренел?! – зарычал я, выбивая пистолет и нанося Юрке жестокий удар кулаком в лицо. Он отлетел к стене, утер ладонью разбитую губу, но драться не стал.

– Успокойся, Игорь, – печально сказал Юрка. – Это был для нее лучший выход! Если б оставалась хоть малейшая возможность вернуть девчонку в нормальное состояние, я бы

последнюю рубашку с себя снял, да что там! Полжизни бы отдал. Но, к сожалению, это невозможно! У нее безвозвратно поврежден мозг, но самое страшное – другое! Бессмертная душа – то никуда не делась! Представляешь, какие кошмарные муки испытывает она, запертая в теле, уже не подвластном ее контролю?!

– Ты прав! – согласился я. – Извини!

Неожиданно Юрка уткнулся лицом в стену и зарыдал. Плечи его тряслись. Я впервые видел громилу-спецназовца в таком состоянии.

– Лена, Леночка! – еле слышно шептал он. – Бедняжка ты моя!

Наконец Голиков успокоился. Лицо его побледнело, заострилось. В глазах появился нехороший блеск.

– Ну, гуру, – прошипел он. – Ты мне за это с лихвой заплатишь!

– А тот, которому ты сломал шею, разве не он?!

– Не думаю!

– Почему?

– Маральский говорил, что ты должен знать гуру, а этого, насколько я понял, ты видел впервые.

– О ком вы говорите? – слабым голосом спросил Куракин.

– Идемте поглядим.

Мы поднялись наверх, миновали комнату, где елозили по полу связанные зомби, и остановились возле трупов «гадюки».

– Вы знаете его? – спросил я Куракина, переворачивая мертвеца на спину.

– Да, – пробормотал бизнесмен, – этот самый мучил Лену и обещал заняться мной, если гуру завтра утром не получит удовлетворительного ответа! Он член «Совета достигших»!

– Че-го?! – изумился я.

– Так называется высший орган руководства сектой «Аум Сенрикё», – объяснил за Куракина Голиков. – Очевидно, здесь такая же система! Все они, сволочи, одним миром мазаны! Возглавляет секту гуру. Ему помогает шайка приспешников, она же «Совет достигших», а из остальных делают роботов. Весьма удобно!

– Ребята, пожалуйста! Увезите меня отсюда! – простонал Владимир Николаевич. – Не могу больше!

– Действительно, – согласился я. – Надо рвать когти, спрятать от греха подальше клиента и потрясти твоего дружка Ромадова. У меня большое подозрение, что он играет не последнюю роль в этой истории. – Голиков равнодушно кивнул.

На улице полностью стемнело. И заметно похолодало. В бездонном небе светились голубыми огоньками далекие звезды. На проходившей поблизости железной дороге тяжело грохотал товарный состав. Я жадно вдохнул полной грудью свежий воздух.

– Идемте скорее, – дрожа как в лихорадке, поторопил Куракин.

Я хотел было предложить ему заткнуться, но прикусил язык, вовремя сообразив, сколько бедняге довелось вынести за минувшие сутки.

Быстрым шагом миновав двор, мы уселись в машину. Бизнесмен по-прежнему трясся всем телом. Голиков угрюмо молчал.

«Однако аппетиты у гуру растут как на дрожжах, – подумал я. – Сперва хотел только прикончить Куракина, чтобы воспользоваться завещанием, а теперь требует вступления в секту, постоянной работы на себя. Очевидно, для превращения человека в зомби используют не только наркотики, но и гипнотическое внушение. Проводят определенную психологическую обработку, а здесь так же, как при продаже души дьяволу, нужно добровольное согласие „клиента“. Недаром экстрасенсы, начиная колдовать над очередной своей жертвой, первым делом требуют отключить волю и интеллект. Но почему гуру раздумал убивать Куракина? Или Иры уже нет в живых?!» При этой мысли я слегка вздрогнул, однако вслух ничего не сказал. Подо-

зрение не есть уверенность, а Куракина и так, того гляди, кондрашка хватит! Поживем – увидим! Может, я ошибаюсь? Дай-то Бог!

– Где его спрячем? – нарушил молчание Голиков.

– Оставим при себе, а то опять украдут! Кстати, – обернулся я к коммерсанту, – кто вас надоумил позвонить мне домой и откуда они узнали номер телефона?!

– Простите, – прошептал Владимир Николаевич. – Меня заставили.

Путаясь и заикаясь, он рассказал о своих «приключениях» за минувшие сутки. В нормальном изложении эта история выглядела примерно так. Где-то через час после нашего ухода в дверь позвонили. Лена отворила дверь и тут же полетела на пол, сбита ударом кулака. В офис ворвались четверо бритоголовых. Куракин пытался сопротивляться, швырял в них стульями, но силы были неравны. Его скрутили, вместе с бесчувственной секретаршей запихали в японский микроавтобус «Ниссан» и привезли в «центр». Несколько часов они просидели в подвале. Потом появился ныне покойный «гадюка» и изложил требования гуру. Бизнесмен, между нами говоря, не отличавшийся особым мужеством, неожиданно проявил твердость характера. Он отказался вступать в какие бы то ни было переговоры, пока не увидит дочь. На физиономии «гадюки» появилась дьявольская гримаса. «Ладно же, – прошипел он. – Сейчас ты увидишь, каково с нами шутки шутить!» После этого Лене сделали лоботомию, пообещав Куракину то же самое, если он не согласится. Вот, собственно, и все...

Юрка резко затормозил.

– Выходите! – хрипло сказал он. – Сегодня переночуем у меня. Дай Бог, чтобы они не знали этого адреса!

Юрка жил один в малогабаритной двухкомнатной квартире на десятом этаже. В отличие от моей берлоги у него было более или менее прибрано и довольно уютно. Недорогая, но со вкусом подобранная мебель, ковровые дорожки, цветы на окнах. Здесь явно чувствовалась женская рука. «Уж не Лены ли? – подумал я. – Господи, бедная девочка!»

– Располагайтесь, – хмуро предложил Голиков, зажигая свет. – Жратва в холодильнике. Где бар, ты знаешь, а я... я скоро вернусь.

Юрка заперся в ванной. Проходя мимо, я услышал, как он там плачет. У меня и самого настроение было хуже некуда! Когда миновала непосредственная угроза, защитные блоки, контролирующие эмоции, отключились. Душа наполнилась невероятной болью и тоской. Перед глазами неотступно стояло лицо Лены. В ее гибели я винил в первую очередь себя. Ведь это я попросил девушку задержаться на работе! Идиот! Неужели ты рассчитывал, что она сможет защитить коммерсанта?! Болван! Осел! Бесчувственная скотина!

Сейчас мертвое тело Лены лежит в вонючем подвале, а мы даже не смогли забрать ее с собой, похоронить по-человечески! В отчаянии я заскрежетал зубами.

– Что с вами, Игорь? – осторожно спросил Куракин.

– Отвали, падла! – огрызнулся я, с трудом сдерживая слезы.

Он не обиделся. Вероятно, почувствовал мое состояние. Коммерсант подошел к бару, достал бутылку коньяка, наполнил стакан и молча протянул мне. Благодарно кивнув, я выпил коньяк как воду. Зубы лязгали о стекло.

– Еще! – прохрипел я.

После второго стакана нервы немного успокоились, отчаяние сменилось леденящей ненавистью. Я мысленно поклялся достать гуру хоть из-под земли и отправить в ад.

– Думай, Игорь, думай! – послышался с порога усталый голос Юрки.

– А?! – удивленно вскинулся я. – Ты о чем?

– Все о том же! Соображай, кто из твоих знакомых может оказаться гуру?!

– Неужели ты воспринял всерьез бред умирающего!

– Да! Думай!

Я погрузился в размышления. Знакомые... Так... Для начала отбросим тех, кого не знал Маральский... Остаются в основном бандиты... Один из них?! Более чем сомнительно!

Вспоминай! Вспоминай! Ответ где-то рядом! Бармен?! Неужели он?! Чепуха!

Гуру не нужно работать, его зомби кормят! А еще... еще... Гуру известен мой телефон... Кто его знал?... Юрка... Маральский... Покойный Тихон... Несколько бывших «коллег», но из них двое сидят, а трое уехали из Москвы... и... и... Господи, как я мог забыть?! Алябьев, Григорий Семенович... адвокат... три года назад работал на Тихона и Маральского, но потом ушел из адвокатуры, вернее, его выгнали... Помнится, Алябьев увлекался восточными религиями, при всяком удобном случае болтал про Карму, Махаяну⁹, космическую энергию. Любил рассуждать о высоких материях, но при всем при том в жизни вел себя как последняя мразь! Бросил жену с двумя детьми и не платил им ни копейки. При помощи разного рода юридических фокусов уклонялся от алиментов, а уходя из дома, уволок с собой все мало-мальски ценное! Может, он и есть гуру?! Своими соображениями я тотчас же поделился с Голиковым. Впервые за весь вечер Юркины глаза слегка прояснились.

– Ты помнишь телефон Алябьева? – спросил он.

– Вроде да.

– Диктуй, – распорядился Юрка и, выслушав номер, поспешно стал крутить диск.

– Здравствуйте, – вежливо сказал он. – Григория Семеновича будьте добры!.. Что?! А куда... Извините.

Голиков повесил трубку. Лицо его потемнело.

– Алябьев два года назад продал квартиру и переехал неведомо куда, – разочарованно произнес он. – Проклятие! Сплошная невезуха!

⁹ Так в буддизме именуется Вселенная.

Глава 7

Я шел по большому незнакомому городу. В белесом небе не было солнца, но свет все же откуда-то падал: сероватый, призрачный. По улицам взад-вперед бродили мертвецы. Бледные лица-маски, пустые глаза, механические телодвижения. Временами они опускались на колени и бились лбом об асфальт, монотонно бормоча: «ом... ом... ом...»¹⁰ Неожиданно передо мной соткался из воздуха странный человек: высокий, плечистый, с европейскими чертами лица, но с черной, как сапожная вакса, кожей.

– Заблудился?! – с лицемерным участием осведомился он.

Я молча кивнул.

– Ты находишься в моем царстве, в царстве будущего! Там, куда ведет путь истины!

Каждое слово болью отзывалось в ушах. Волны необъяснимого, сверхъестественного ужаса захлестывали меня с головой.

Черный ехидно рассмеялся.

– Не нравится, да?! – прошипел он. – Ничего, сейчас станешь таким же, как они!

Черный указал пальцем на безучастных ко всему зомби, по-прежнему бившихся лбами об асфальт. «Ом... ом... ом... ом...» С трудом, будто тяжеленную гирю, я поднял правую руку и перекрестился.

Яростно взвизгнув, демон исчез. Все окружающее покачнулось, заколебалось и с грохотом рассыпалось в прах.

Я проснулся, тяжело дыша. За окном стояла глухая ночь. Часы показывали половину третьего. Меня слегка познабливало, по лбу струился пот. «Мертвый город, где живут мертвые души. Вот куда тащат людей гуру и другие новоявленные пророки! В царство дьявола!»

Я невольно поежился. Спать совершенно расхотелось. В комнате было темно, душно и тоскливо. На кухне мерно капала вода из крана.

– Ты не спишь?!

От неожиданности я вздрогнул. В дверном проеме виднелся смутный силуэт Юркиной фигуры.

– Нет! А ты?!

– Тоже! Как закрою глаза, вижу Лену.

Голос Голикова заметно подрагивал.

– Слушай, Игорь, – продолжал он. – Я не смогу спать, не смогу есть, не смогу жить, пока мы не расквитаемся с этим мерзавцем гуру!

Внезапно в голове у меня появилась интересная идея.

– Поехали к Ромадову! Прямо сейчас! – предложил я. – Вытащим гада из постели, отвезем в лес... У тебя случайно не осталось немножко «сыворотки правды»?

– Нет! – горестно вздохнул Юрка.

– Ну ничего! Есть другие способы, не менее эффективные!

– А Куракин?!

– Да хрен с ним, никуда не денется!

Пока Голиков собирал некоторые необходимые для задуманной операции предметы, я растолкал коммерсанта и тщательно проинструктировал: к окнам не подходить, на телефонные звонки не реагировать, входную дверь не открывать ни под каким видом. Если очень страшно – можно выпить: бар полон, но лучше принять снотворное. Не дай Бог спяну на подвиги потянет!

¹⁰ Основная индуистская мантри, является вибрацией самого сатаны (у последователей Секо Асахары ее заменяет «Аум», что в принципе то же самое) См.: «Современные ереси и секты в России», Спб., 1995, с.166.

Судорожно ухватившись за руку, Куракин жалобно умолял не бросать его одного, но я оставался непреклонен.

– В конечном счете это для вашего же блага! Или вы не хотите вернуть обратно свою дочь?! – привел я наконец решающий довод. Тогда он смирился, проглотил три таблетки радедорма, улегся на диван и спустя несколько минут громко захрапел.

– Порядок! – криво улыбнулся я. – Поехали!

Тщательно заперев дверь, мы вышли на улицу. Во дворе не было ни одной живой души. Промозглый ветерок воровато шебуршал оброненной кем-то газетой. Ночной город угрюмо смотрел на нас темными глазницами окон. Холодная луна равнодушно наблюдала из глубины небес за спящей землей. Все вокруг словно вымерло. Только бездомные коты подвывали возле помойки да мы с Юркой, чертыхаясь, заводили капризничавшую машину.

– Ромадов живет один? – спросил я, когда «жигуленок» сообразоволил тронуться с места.

– Вроде да, – пожал плечами Голиков. – Родители чуть ли не после школы подарили ему отдельную квартиру.

– А жена есть?

– Скоро узнаем! – отрезал Юрка и больше за всю дорогу не проронил ни слова. Гражданин Ромадов обитал в добротном пятиэтажном доме, построенном задолго до появления «хрущевки». В чисто убранном дворе выстроился ряд легковых автомобилей, среди них немало иномарок. Район считался престижным. Выбравшись из машины, мы огляделись по сторонам, зашли в подъезд и начали бесшумно подниматься вверх по лестнице.

– Здесь, – шепнул Голиков, останавливаясь на третьем этаже и указывая на обитую кожей дверь. На сей раз ему пришлось повозиться с отмычкой довольно долго. «Целитель» не поспешил на хитроумные замки. В конце концов они капитулировали, дверь бесшумно отворилась, и мы зашли в квартиру. Тонкий луч карманного фонарика выхватывал из темноты развешенные по стенам маски отвратительных африканских идолов. Мягкий ковер заглушал шаги. Воздух был душным, спертый. Похоже, Ромадов боялся сквозняков. Из спальни доносился визгливый храп, напоминающий похрюкивание. Мы заглянули туда. Целитель спал на спине, широко разинув рот. Физиономия сморщилась. Вероятно, Ромадову снился неприятный сон. Подойдя вплотную, Юрка посветил фонарем ему в глаза. «Целитель» попытался закрыться рукой, заворочался и проснулся.

– Кто там? – испуганно спросил он.

– Инквизиция! – усмехнулся Голиков и нажимом больших пальцев перекрыл сонные артерии. Конвульсивно дернувшись, тело обмякло.

– Порядок! – удовлетворенно сказал Юрка. – Я сейчас упакую эту сволочь, а ты проверь на всякий случай остальные комнаты.

Квартира оказалась пуста. Ромадов действительно жил один. Когда я вернулся, Голиков уже закончил. Господин Ромадов превратился в аккуратный ковровый сверток, перевязанный сверху веревкой.

– Не задохнется? – спросил я.

– Ни хрена с ним не делается. Такие гады живучие! Хорош базарить! Идем!

Мы выволокли сверток на улицу, уложили на заднее сиденье и на предельно возможной скорости направились к выезду из города. За всю дорогу нас ни разу не остановили. Полуживая развалюха не вызвала у гаишников подозрений. Миновав Кольцевую дорогу, мы свернули на одно из самых неухоженных пустынных шоссе. Навстречу нам не попало ни одной машины. Редкие посты ГАИ не подавали признаков жизни. Проехав километров пятнадцать, Голиков затормозил возле обочины. Ромадов к тому времени успел очухаться, усиленно извивался и приглушенно бубнил. Не мешкая ни секунды, мы понесли сверток в глубь леса. Надо отдать Юрке должное – местечно он выбрал под стать задуманному делу. Куда ни бросишь взгляд,

непроходимые заросли, бурелом. Густые кроны деревьев почти полностью закрывают небо. Темно, безлюдно, жутко!

– Достаточно! – выдохнул Голиков метров через пятьсот. – Можно распаковывать!

Я вытряхнул «целителя» из ковра, двинул для порядка по шее и старательно связал. Он даже не кричал, только бегал глазами из стороны в сторону да икал от страха.

Юрка, усевшись на замшелое бревно, пристально разглядывал свою жертву. Так прошло минут пять.

– Ну, падла, – вымолвил наконец Голиков, – сейчас будем тебя убивать!

«Целитель» тихонько взвизгнул. Лицо его покрылось крупными каплями пота.

– За что?! – простонал Ромадов.

– Он еще спрашивает! – искренне возмутился Юрка. – Кто нас подставил под бритоголовых? А?! Впрочем, ты без того заслуживаешь смерти. За связь с сектой «Путь истины», за тех людей, которых ты загубил под видом лечения, за развращенных тобой детей, в конце концов. Я думаю, в аду тебя давно заждались!..

Я хорошо знал Юрку, изучил малейшие оттенки его поведения и потому сейчас невольно вздрогнул. Голиков говорил вполне серьезно. Он действительно не собирался оставлять Ромадова в живых.

Наверное, «целитель» это почувствовал. Лицо его исказилось гримасой ужаса, штаны намокли.

– Не надо! Пожалуйста!!! Я все расскажу!!! – захлебываясь рыданиями, пролепетал Ромадов.

– Где живет гуру? – резко спросил Юрка.

– За-а городом! У не-его там дом!

– Где?!

Ромадов торопливо назвал адрес.

– Фамилия гуру – Алябьев?

– Да-а!

Мы торжествующе переглянулись. Похоже, дело близилось к завершению.

– Какое отношение ты имеешь к секте? – продолжал допрос Юрка.

– Косвенное! Но мы всегда помогаем друг другу.

– Что тебе известно о дочери Куракина?

– Ее не похищали, она сама ушла из дома! Алябьев хотел получить наследство ее отца.

– Где она сейчас?

– Не знаю! Может, у Алябьева, может, в одном из центров.

– Сколько их всего?!

– Пять.

– Адреса, живо!

Ромадов поспешно продиктовал. Я едва успевал записывать. Голиков молча играл желваками. Очевидно, жалел, что не пришлось применить пытки. Я же, по правде сказать, был рад этому. Не люблю мучить, даже подонков.

– Как вы превращаете людей в зомби? – спросил я.

– Это не я, это они! – засуетился «целитель».

– Короче, Склифосовский! Как?!

– При помощи гипноза, длительной психологической обработки, наркотиков и специального аппарата!

– Он может действовать на расстоянии?! – спросил я, вспомнив о «хлебном фургоне» с дьявольским прибором внутри.

– Да, но не надолго и не на всякого человека.

– Откуда у секты деньги?

– Пожертвования верующих, то есть, я хотел сказать, сектантов и... и...

– И фокусы наподобие того, что Алябьев хотел проверить с Куракиным? – нехорошо улыбаясь, закончил Юрка.

– Не только! Им помогают из-за границы...

– Где Алябьев взял зомбирующий аппарат? Подобные игрушки в магазинах не продаются!

– Не знаю! Клянусь! Он не говорил!

Некоторое время все молчали. Далеко в лесу завывала одичавшая собака. Стало заметно светлее. Ночная тьма уступила место серому предутреннему полумраку. Близился рассвет.

Неторопливо поднявшись, Голиков подошел к связанному «целителю». Я попытался его остановить, но он легко, словно котенка, отшвырнул меня в сторону. Молниеносный взмах руки, и Ромадов забился в агонии.

– Зачем?! – выдавил я.

– Таких нужно уничтожать, как клопов, – мрачно ответил Юрка. – Они губят души и тела людей, пакостят все, к чему прикасаются. Бесовские отродья!

– Тебе бы в средневековье, на должность Великого инквизитора! – хмуро заметил я.

– С огромным удовольствием! – очень серьезно сказал он. – В России никогда не было инквизиции, но сейчас она просто необходима! Погляди, сколько нечисти расплодилось. Сатанисты похищают детей и приносят их в жертву дьяволу. Экстрасенсы с понтом лечат, а на деле убивают и калечат. Восточные гуру превращают людей в живых мертвецов. Треплются о всеобщей любви, братстве, а сами... Вспомни хотя бы Лену!

Тут я ничего возразить не смог.

Мы завернули труп в ковер, уложили в неглубокую ложбинку и завалили сверху грудой хвороста. К тому времени почти полностью рассвело. В прохладном воздухе клубился туман. Издалека со стороны шоссе доносился приглушенный шум проезжающих машин.

– Пошли, – тронул я Юрку за рукав. – Нечего тут рассиживаться!

Он покорно последовал за мной. «Жигуленок» мирно отдыхал там, где его оставили. Дорога заметно ожила: прополз тяжело груженный «КамАЗ», пронеслась, подпрыгивая на ухабах, шеголеватая иномарка, проехал, настороженно глядя на мир зарешеченными окнами, милицейский «воронок». Юрка молчал, задумчиво теребя в руке ключи от зажигания.

– Давай, давай! – поторопил я.

До дома мы добрались благополучно. Правда, при въезде в город, помятый, заспанный гаишник проводил нас подозрительным взглядом, но тормозить не стал. Я, признаться, опасался, что Куракина в наше отсутствие опять украдут, однако коммерсант мирно спал, оглашая квартиру утробным храпом. Мы не стали его будить и присели на кухне, подкрепляясь кофе с коньяком. Немного согревшись и выкурив сигарету, я подвел итоги. Дело сдвинулось с мертвой точки. Адрес гуру известен, месторасположение центров – тоже. Система организации секты примерно ясна. Многое стало понятно, в том числе и причина нападения Коростылева на хозяйку пункта обмена валюты. Причина стара как мир – деньги! Очевидно, женщина чем-то мешала Алябьеву, или же он, как в случае с Куракиным, рассчитывал на наследство. Сие не суть важно! Гуру «работает» с размахом, не останавливаясь ни перед чем. Вот кем милиции следовало бы заняться в первую очередь, вместо того чтобы ловить прибалтанных малолеток! По сравнению с Алябьевым даже матерый бандит Марат казался невинным ангелочком. Кстати, о Маральском. Умирая, он сказал: «Убей их, Игорь, они хотят...» Теперь я мог закончить прерванную агонией фразу: «Они хотят создать толпы рабов-зомби». По их хребтам прийти к власти. А правительство тем временем варежкой хлопает, в плюрализм играет. Или... Ведь недаром колдун Кашпировский, немало жизней загубивший своими дьявольскими теле-сеансами, в Государственной думе заседает. Нет! Не дай Бог!

– Несколько часов отдохнем, потом за работу, – прервал меня Голиков. – А о том, какая херня в стране творится, я не хуже тебя знаю, может, даже лучше. Погоди! Не обижайся! Ты абсолютно прав, просто я очень устал и... и... Ладно, пойду прилягу!

Я остался один. Спать не хотелось. Ясное, словно умытое, утреннее солнце залило кухню яркими лучами. На ветке под окном звонко чирикали воробьи. Дом постепенно просыпался. На улице слышались голоса. Кто-то, тяжело топоча, спускался по лестнице. В соседней квартире радио громко сообщало последние новости: очередные переговоры с дудаевцами, будто нельзя было уже давно свернуть им шеи!

– Доброе утро! – на пороге, надрывно кашляя, появился Куракин. – Как съездили?

– Нормально! – не вдаваясь в подробности, ответил я. – Теперь нам известно, где искать вашу дочь! «Если, конечно, она до сих пор жива!» – добавил я про себя. Владимир Николаевич устало опустился на табуретку.

– Где Ира? – осевшим голосом спросил он.

– Или в доме гуру, или в одном из центров сектантов. Сегодня узнаем точно!

Отхлебнув глоток кофе, я закурил сигарету. Куракин молчал. Только теперь я заметил, как здорово постарел он за последние дни. Плечи ссутулились, в уголках рта залегли глубокие морщины, кожа на лице посерела, одрябла. Мне стало его жаль.

– Надеюсь, с ней все благополучно, – попробовал утешить я коммерсанта.

– Она – зомби! – мрачно ответил Куракин. – Даже если забрать ее у гуру, жизни не будет! Искалечили, гады, девочку!

Не найдя, что ответить, я подошел к окну и настежь распахнул его. Струя прохладного свежего воздуха ворвалась в прокуренную кухню. Я поглядел на часы – восемь утра. Неожиданно в дверь позвонили.

Глава 8

Сделав Куракину знак оставаться на месте, я на цыпочках прокрался в переднюю и осторожно приоткрыл дверь. На пороге стоял Ворона. Выглядел он довольно паршиво. Бледное лицо заросло щетиной, скулы заострились, глаза покраснели.

– Заходи, – пригласил я. – Откуда ты узнал этот адрес?

– Не важно! – отмахнулся Ворона. – Есть разговор!

– Кофе будешь?

– Да, а это кто? – он кивнул в сторону Куракина.

– Знакомый.

– Я хотел бы переговорить с глазу на глаз.

– Владимир Николаевич... – начал я.

– Конечно, конечно! – прервал меня Куракин и ушел в комнату.

Вместо него явился Голиков.

– Ну? – спросил Юрка. – В чем дело?

– Мы выяснили, кто убил Марата! – сказал Ворона, осторожно прихлебывая горячий кофе. – Бывший адвокат Алябьев.

– Совершенно верно, – согласился Голиков. – Но нам это уже давно известно! Кстати, как вы на него вышли?

– Через жену Эдика! Услышав о гибели мужа, она выложила все, что знала. Алябьев возглавляет секту «Путь истины». Эдик часто поставлял ему наркотики, правда, не лично, а через посредников. Встречались они у ДК «Красный мак». Мы проверили адрес Алябьева. Он оттуда съехал и купил дом в Подмосковье. Я потряс знакомых маклеров по торговле недвижимостью, узнал, где находится дом. Это недалеко от Кольцевой дороги. Наши ребята отправились сейчас туда, а я заскочил за вами, подумал, может, вы захотите поучаствовать?

– Спасибо! – я крепко пожал Вороне руку. – Мы тоже знаем, где он живет, и собирались вскоре туда ехать...

– На кой черт вы влезли в это дело?! – грубо перебил меня Голиков.

– Что-о?! – удивленно вытаращился Ворона.

– Не обижайся! – уже мягче сказал Юрка. – Просто сердце чует неладное...

– Да наши ребята... – возмущенно начал бандит.

– Знаю, знаю! – поморщился Голиков. – Они крутые, спора нет, но здесь не обычная разборка. Алябьев – опасная сволочь! Ты слышал когда-нибудь о парапсихологическом оружии?! Так вот. У него оно есть...

Ворона поглядел на Юрку с сочувствием, как на умалишенного, и слегка покачал головой.

– Так едете или нет? – спросил он.

– Конечно! И чем быстрее, тем лучше!

– Тогда собирайтесь. Я подожду на улице!..

Куракина мы хотели оставить дома, но он уперся как бык и не поддавался ни на какие уговоры. Пришлось взять с собой. Проверив наличие патронов, Юрка сунул за пазуху пистолет. Тот самый, из которого застрелил Лену.

– Ствол мокрый, надо выбросить, – с неудовольствием заметил я.

– Успеется! – буркнул Голиков и вручил мне «дипломат», с конфискованной у сектанта снайперской винтовкой. – Умеешь пользоваться?!

В ответ я обиженно фыркнул.

– Прекрасно! Тогда в путь.

Мы вышли на улицу. Яркое светило солнце. В ослепительно голубом небе не виднелось ни единого облачка. День обещал быть жарким. Ворона нетерпеливо переминался с ноги на ногу возле своей машины.

– Давайте быстрее! – заметив нас, крикнул он. – А то явемся к шапочному разбору!

Юрка скривился, словно съел горькую пилюлю, но ничего не сказал.

– Быстрее! – повторил Ворона.

Мы поспешно погрузились в его «девятку». Возиться с нашей колымагой не хватало времени. Взревев мотором, машина рванула с места.

– Особо не разгоняйся! – предупредил я. – У нас два ствола. Не дай Бог, на проверку нарвемся!

Ворона недовольно заворчал, однако уменьшил скорость. Добравшись без приключений до выезда из города, мы миновали Кольцевую дорогу и выехали на шоссе. Ворона прибавил газу.

– Осталось километров шесть-семь, – сообщил он.

Между тем Голиков хмурился все сильнее. Какая-то упорная мысль не давала ему покоя. Вскоре машина свернула на узкий пыльный проселок, окруженный с обеих сторон густыми зарослями кустарника. Через триста метров Ворона заглушил мотор.

– Здесь, – сказал он, указывая на двухэтажный кирпичный дом, стоявший посреди ухоженного сада. Другого жилья поблизости не было. Очевидно, гуру жаждал уединения. Невдалеке виднелась красная «восьмерка». Водитель в цветастой рубашке с короткими рукавами навалился грудью на руль.

– Сашка! – окликнул его Ворона. – В чем дело? Где остальные?

Парень даже не шелохнулся. Подойдя ближе, мы поняли, что он мертв. Вместо правого глаза зияла кровавая дыра. Левый равнодушно глядел куда-то вдаль.

– Господи! – пробормотал пораженный Ворона. – Что тут случилось?!

Из ближайших кустов послышался стон. Подбежав туда, мы обнаружили двух ребят. Одного буквально изрешетила автоматная очередь. Другой подавал слабые признаки жизни. Он зажимал обеими руками рану на груди. Из рта стекала тонкая струйка крови.

– Женя, что произошло?! – дрожащим голосом спросил Ворона.

– Ви-итка взбесился, – прохрипел парень. – Начал стреле-ять в нас. Мы не успели опомниться...

– Где он сейчас?!

– Маш-шина... Витка сел в нее...

– Какая машина?

– Хлебный фургон.

Женя хотел добавить что-то еще, но тут лицо его исказила мучительная гримаса, в горле забулькало. Он несколько раз дернулся и затих.

– Умер! – тихо сказал Голиков. – Надо сматываться в темпе. Стрельбу как пить дать кто-нибудь слышал. С минуты на минуту может появиться милиция.

Он оказался абсолютно прав. Не успели мы проехать и километра в сторону Москвы, как навстречу, завывая сиренами, пронеслись три милицейские машины. Ворону колотил озноб. Кожа на лице приобрела синюшный оттенок.

– Тормози! – внезапно распорядился Голиков, когда мы проезжали мимо пруда. – Нужно переждать немного. При въезде в город сейчас наверняка проверяют машины. Попадемся, как кур в ощи-п!

Оставив «девятку» на обочине, мы разделись до трусов и принялись старательно изображать купальщиков, благо солнце уже припекало. Я вкратце объяснил Вороне, что произошло с несчастным Витей и какой дьявольский прибор находился внутри «хлебного фургона». Теперь он поверил в существование парапсихологического оружия. Ворона считался одним из

самых крутых ребят Марата, но сейчас изрядно перепугался. Тем не менее отступать он не собирался. Куракин же впал в состояние полного оцепенения, никак не реагировал на окружающее, не отвечал на вопросы. Я начал серьезно опасаться за его рассудок. Прошло около двух часов, небольшой пляж постепенно заполнялся народом. Звонко смеясь, плескались возле берега дети. Взрослые загорали, играли в карты или хлестали пиво. Неподалеку на надувных матрасах разлеглись две фигуристые девицы в мини-купальниках. Они с интересом поглядывали в нашу сторону. В другое время я (да и Юрка тоже) немедленно начал бы рыть копытами землю, как молодой жеребец, но сейчас мне было глубоко плевать на всех в мире баб. Словно почуяв это, девушки скорчили обиженные гримасы.

– Почему нам так не везет?! – неожиданно воскликнул Голиков, треснув в сердцах кулаком по земле. – Придется проверять все центры и в каждом нарываться на неприятности!

Неожиданно меня осенило:

– Не волнуйся! Мы не станем их проверять!

– Че-его?! – опешил Юрка.

– Можно поступить гораздо проще, – разъяснил я. – Перекантоваться до вечера и потихоньку вернуться в дом Алябьева. Менты к тому времени смотают удочки. Там мы дождемся гуру. Уверен, рано или поздно он появится!

Юрка на минуту задумался.

– Ты прав, – наконец сказал он. – Алябьев не знает, что нам известен его адрес, а ребята Марата мертвы...

Время тянулось нестерпимо медленно. Устав валяться на пляже, мы подкрепились шашлыками в придорожном кафе, выпили пива и снова вернулись к пруду. Куракин по-прежнему пребывал в сомнамбулическом состоянии, а опомнившийся Ворона горел жадной мщенью.

– Жилы вытяну из пидораса, – с ненавистью бормотал он. – Яйца отрежу! Живым поджарю! Сука! Падла! Козел вонючий!

Голиков угрюмо молчал, о чем-то напряженно размышляя. Периодически в глазах его вспыхивали молнии, а губы кривились в жестокой усмешке. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем наступил вечер. Поток машин на шоссе загустел. Жара спала. Повеяло прохладным ветерком.

– Пора! – сказал я, поднимаясь на ноги.

Все без возражений полезли в машину. На сей раз мы не стали вплотную приближаться к берлоге гуру, а затормозили в ста метрах от поворота и двинулись пешком через лес.

Здесь было сумрачно, жутковато. Густая трава скрадывала шаги, только иногда хрустела под подошвой сухая ветка. Милиция, как я и предполагал, давно уехала. Вокруг не было видно ни одной живой души, а из дома не доносилось ни звука. Сделав нам знак оставаться на месте, Юрка отправился на разведку. Отсутствовал он не менее получаса. Я уже начал волноваться, когда Голиков словно из-под земли возник рядом со мной.

– Дом пуст! – сообщил он. – Нужно быстрее пробраться туда, пока не появились хозяева.

Я с неудовольствием поглядел на Куракина. Дернул же черт поддаться на его уговоры, притащить с собой! Возись теперь с ним!

– Живее! – поторопил Юрка.

Мы осторожно подошли к дому. Вблизи он здорово напоминал крепость: тяжелая, обитая железом дверь, узкие зарешеченные окна, толстые стены.

– Надежно окопался, сволочь! – прошептал Голиков, извлекая из кармана отмычку. Однако на сей раз замок оказался ему не по зубам. Пот градом катился у Юрки со лба, губы изрыгали отборную брань, но ничто не помогало. Дверь упорно не желала открываться.

– Твою мать! – воскликнул наконец он, пряча обратно отмычку. – Ничего не получается!

– Может, есть другой вход? – предположил молчавший до сих пор Ворона.

– Хорошая мысль! – оживился Голиков. – Давайте поищем!

Мы старательно обследовали дом со всех сторон, но не нашли больше ни одной двери. Сплошные ровные стены. Юрка громко выражал сожаление, что не захватил с собой динамит.

– Гараж, – внезапно пробормотал Куракин.

– Вы о чем? – насторожился я.

– У одного моего знакомого гараж соединен подземным ходом с домом...

Голиков скептически усмехнулся:

– Подземные ходы! Лабиринты! Начитался бульварных романов!

– Не торопись, – вступился за коммерсанта Ворона. – В любом случае проверить не помешает.

Гараж, выстроенный из белого кирпича, вплотную примыкал к дому и поражал своими габаритами. В нем вполне мог уместиться не только легковой, но и грузовой автомобиль наподобие злополучного «хлебного фургона». К дверям вела выложенная бетонными плитами дорожка. Замок тут оказался более покладистым, нежели в доме, и спустя двадцать минут железные двери со скрипом отворились. Зайдя первым внутрь, я нащупал на стене выключатель. Тусклый свет залил обширное пустое помещение с цементным полом. В дальнем конце виднелся люк с массивной металлической крышкой. Поверхность ее покрывал странный узор с пятиконечной звездой посередине.

– Любит гуру дьявольскую символику, – проворчал Голиков.

– Ты о чем? – удивился я.

– Пятиконечная звезда! Она, так же, как и свастика, один из древнейших символов чертопоклонников...

– Хорош базарить! – вмешался Ворона. – Давайте поднимем эту хреновину!

Я внимательно оглядел крышку люка. Она казалась вросшей в пол. Ни малейшего паза, за который можно зацепиться.

– погоди, – отстранил меня Юрка и изо всех сил надавил ладонью на звезду. Заскрежетал скрытый механизм. Крышка отодвинулась.

– Так я и думал! – удовлетворенно сказал Голиков, включая карманный фонарик. Вниз вела узкая винтовая лестница, теряющаяся в темноте. Из зияющего отверстия доносился странный неприятный запах. Оставив Ворону наверху, мы спустились по лестнице. Внизу было темно, хоть глаз выколи, а запах сделался просто невыносимым. После недолгих поисков Юрка обнаружил выключатель. Под потолком вспыхнули яркие лампы дневного света. Мы увидели, что находимся в просторном зале, очень напоминающем лабораторию или морг: белый кафельный пол, застекленные шкафы вдоль стен, в центре – оцинкованный стол, а в углу причудливое кресло, похожее на электрический стул. Довершало сходство некое подобие шлема, увитое проводами и подсоединенное к черной коробке, закрепленной на стене. Сбоку от нее торчала рукоять рубильника.

– Приспособление для лоботомии, – хрипло сказал Голиков. – При помощи его загубили Лену!

– Боже! Какая отвратительная вонь! – простонал Куракин. – Откуда она?!

– Вероятно, из тех банок, – ответил я, указывая на ближайший шкаф. На полках за стеклом виднелось несколько сосудов, заполненных бесцветной жидкостью.

– Химик хренов! – выругался Юрка. – Эта дрянь для...

Тут он осекся. Наверху послышался сдавленный стон, и мертвое тело Вороны, задев за ступеньки, свалилось вниз. Затем с лязгом захлопнулась крышка люка. Мы очутились в ловушке. Владимир Николаевич, держась за грудь, мягко осел. Лицо его посинело, глаза закатились под лоб, челюсть отвисла.

– Хватит паясничать! – раздраженно крикнул Голиков.

Куракин не отреагировал.

– Навязался на нашу шею, – продолжал бушевать Юрка. – Слизняк паршивый! Чмо болотное!

– Заткнись! – рывкнул я и, наклонившись над коммерсантом, взял его за руку. Пульс не прощупывался. Владимир Николаевич был мертв.

– Чего там? – нетерпеливо спросил Голиков.

– Разрыв сердца! Слишком много на бедолагу свалилось потрясений! А ты орешь, как мудака!

Юрка сконфуженно промолчал. Оставив Куракина, я подошел к Вороне и перевернул тело на спину. Под левым соском торчал загнанный по самую рукоятку финский нож. В глазах застыло удивленное выражение. Парень не успел понять, что с ним произошло. Очевидно, нож метнули издали. Вряд ли кто сумел бы неслышно подкрасться к Вороне, обладавшему при жизни прекрасным слухом и молниеносной реакцией.

– Сказка приближается к концу, – грустно усмехнулся Голиков, передергивая затвор пистолета. – Кстати, где «дипломат» с винтовкой?!

– Оставил наверху, – потупившись, промямлил я. Вопреки ожиданиям, Юрка не стал ругаться, а только с укором посмотрел на меня и покачал головой. Неожиданно снова лягнула крышка люка, кто-то злорадно расхохотался, и прямо у нас под ногами разбилась большая стеклянная капсула, из которой повалил едкий газ. Горло мое словно стиснули ошейником, глаза заволокло туманом. Последнее, что я увидел, – стремительно приближающийся пол. Потом все исчезло.

– Когда они очнутся?!

– Примерно через час...

(Голос казался странно знакомым, но я никак не мог припомнить, где и при каких обстоятельствах его слышал.)

– Что будем с ними делать, наставник?

– Ха-ха! Посмотрим!.. Ребятки причинили немало беспокойства! За это им придется ответить!..

Я попытался открыть глаза, но без толку. Веки налились свинцом, по вискам барабанили раскаленные молоточки, а содержимое желудка настойчиво просилось наружу. Мозги работали плохо. Память отшибло начисто. Куда меня, черт возьми, занесло и какой хмырь там разглагольствует?!

– Жаль, коммерсант подох, – продолжал знакомый голос. – С дочкой-то мы оплошали!

(Интересно, о ком это они?)

– Свяжем их, наставник?

– Незачем! Газ абсолютно надежен! Даже придя в сознание, человек надолго остается парализованным...

Я попробовал шевельнуться, но тело не слушалось. Наставник говорил правду! «Наставник»... Странное обращение. Так в школах карате, кажется, называют тренера. Или нет? А, вспомнил! Тренера называют сэнсэй, что в переводе значит учитель. Дурацкий язык у азиатов! У индусов слово «учитель» звучит еще противнее: «гуку»? «гуду»?!

– Гуру!

В мозгу что-то вспыхнуло, пелена забвения на секунду спала и... навалилась снова. Осталось только ощущение ледящей ненависти. Человек, которого звали гуру, причинил мне и моему другу много зла! Кстати, как зовут друга?! Меня... вроде Игорь, а его? Ю... Ю... Юра! Точно! Фамилия – Голиков. Он раньше служил в спецназе, а я работал в банде Тихона! Пятьдесят лет назад или сто?! Не помню. По крайней мере очень давно! Но почему я валяюсь неизвестно где, не в силах пошевелиться?! Куда делся Юрка и какой козел болтает тут про газ?! Перед мысленным взором внезапно появилась четкая картинка: стеклянная капсула

плавно, будто в замедленной съемке, падает на пол, разбивается. Вверх медленно поднимаются сверкающие осколки, а вместе с ними железный ошейник. Он обхватывает мою шею, начинает душить... «Путь истины! Путь истины!» – талдычит над ухом мертвый голос. Из тумана выплывает знакомая физиономия: с колючими глазами, редкими темными волосами, тонкими губами... Алябьев Григорий Семенович. Бывший адвокат, за хорошее вознаграждение помогавший Марату, Тихону и другим бандитам прятать концы в воду. Теперь он гуру, глава изуверской секты «Путь истины». Сознание прояснилось. Я вспомнил почти все, за исключением некоторых мелких деталей. Давление на веки слегка ослабло. Я с трудом открыл глаза. Я находился в том же самом подвале, напоминающем морг или лабораторию. Рядом тяжело дышал бесчувственный Голиков. У винтовой лестницы лежали трупы Вороны и Куракина, а посреди помещения на цинковом столе расселся господин Алябьев собственной персоной. Рядом с ним стояли три крайне неприятных типа, вероятно, члены «Совета достигших». Неподалеку застыл огромных размеров зомби с чрезмерно развитой мускулатурой и лицом манекена. Взглянув на меня, Алябьев растянул губы в змеиной усмешке.

– Очнулся, Игорек? – с приторной ласковостью пропел он. – Давненько не виделись! Крепкий ты мальчик, однако! Можешь говорить?!

– Да-а, – прохрипел я.

– Отлично! Побеседуем напоследок! Приятно встретить старого знакомого. Что ты хочешь услышать?!

– Где-е дочь Куракина?

– Фу, противный! – шутовски замахал руками гуру. – Ты нисколько не изменился. Вечно задаешь неприличные вопросы!

– Что вы с... с... с ней с... сделали?!

– Видишь ли, Игорек! – Алябьев придал своей физиономии скорбное выражение. – Промашка вышла! Наши, так сказать, препараты не до конца опробованы, и иногда возникает побочный эффект. Например, тяга к самоубийству. Короче, она умерла. Потому-то мне и пришлось ловить ее папашу, но ты, мерзавец, даже здесь ухитрился нагадить. Надо было убрать тебя вместе с Тихоном, – тут его черты исказила гримаса дьявольской злобы.

– Так это ты убил Тихона?! – спросил я.

Язык теперь слушался гораздо лучше. Руки и ноги покалывали легкие иголки, как при погружении в нарзаный источник. Еще немного, и я смогу владеть своим телом. Недаром у меня непредрасположенность к наркотикам! Надо только оттянуть время. Главная опасность – гориллоподобный зомби. Его первого... Остальные серьезной угрозы не представляют. Время... тянуть время! И прикидываться полумертвым.

– За-а-че-м Ти-ихо-на?!

– Твой покойный пахан случайно узнал то, чего не следовало, – оскалился гуру.

– Что именно?

– Много будешь знать – скоро состаришься. К тому же через несколько минут ты забудешь обо всем на свете. Посмотри на это милое креслице! Скоро ты, Игорек, станешь амебой, как та девка, которую вы из человеколюбия пристрелили! Но тебя и твоего дружка убить будет некому! Я посажу вас в клетку и стану любоваться, а когда надоест... Что ж, человеческое тело неплохой товар. Вы ребята крепкие, тренированные. Сердце, печень, почки в порядке. Вполне годятся для трансплантации. Давно хотел заняться этим бизнесом, да нужных связей не было. Теперь есть...

Гуру говорил что-то еще, но я больше не слушал, сконцентрировав всю волю на восстановлении сил. Господи Иисусе! Помогите грешному рабу Твоему! Не ради меня, не ради Юрки, хотя он прекрасный парень! Просто я должен, обязан уничтожить эту гнусную тварь! А потом можно и умереть! Помогите, Господи!

– Ладно, поговорили достаточно, – словно уловив мои мысли, нахмурился бывший адвокат. – Пора приступать к процедуре! Эй, ученик! Займись!

Здоровенный зомби послушно двинулся в мою сторону. Подпустив сектанта поближе, я подъемом левой ноги захватил его лодыжку, а подошвой правой изо всех сил ударил по колену. Послышался отвратительный хруст ломающегося сустава. Огромная туша рухнула на пол. Не давая противнику опомниться, я навалился сверху и вогнал ему пальцы в глаза. Члены «Совета достигших» пришли в замешательство, а Алябьев смертельно побледнел. Весь его апломб бесследно исчез. Пока я поднимался на ноги, один из «достигших» вытащил пистолет, но руки у него так тряслись, что первый выстрел пришелся мимо. Пуля лишь слегка оцарапала плечо. Второго он сделать не успел, поскольку я сорвал дистанцию и, как цыпленку, свернул ему шею. Попытавшегося пробраться к винтовой лестнице Алябьева я уложил мощным ударом в челюсть, а остальных – убил. Одному вырвал кадык, другого задушил его собственным воротником. Затем усадил бесчувственного гуру в кресло, пристегнул ремнями и надел на голову шлем. Слабо застонав, Алябьев открыл глаза.

– Добро пожаловать в компанию амеб, Григорий Семенович! – сказал я, до отказа выжимая рукоятку рубильника. Гуру истошно завопил, задергался. Не обращая на него внимания, я подошел к Голикову. Юрка по-прежнему был без сознания.

– Ничего, браток, ничего! – почему-то плача, шептал я. – Все будет хорошо! Я тебя отсюда вытащу.

Перед глазами у меня клубился багровый туман, руки дрожали, ноги подкашивались, к горлу подступала тошнота. В подземелье пахло кровью. Алябьев продолжал верещать.

– Сейчас, Юра, сейчас! Только отдохну немного! А потом мы найдем и уничтожим дьявольский прибор, спрятанный в «хлебном фургоне». Ты, главное, не умирай, дружище! Пожалуйста! Все будет хорошо!

Эпилог

Вот, собственно, и вся история. Примерно через час я пришел в норму, вытащил Юрку из подвала, погрузил в машину и доставил домой. На другой день он полностью оправился от адского зелья, правда, до сих пор слегка заикается. Об Алябьеве мы больше не слышали, а секта «Путь истины», лишившись руководства, распалась. Однако зомбирующий аппарат разыскать не удалось. Будто в воду канул, проклятый! Недавно я встретил на улице лысого придурка, как две капли воды похожего на алябьевских зомби. Он призывал прохожих вступать в секту... А, черт! Забыл название, но это не важно. Как их ни назови, суть-то остается прежней. Я шутя предложил Голикову дать объявление в газету: «Частный детектив разыскивает пропавших родственников с бритыми головами и завиральными идеями. Плата умеренная». Он, естественно, отказался. А жаль! От клиентов не было бы отбою! Работы тут хоть отбавляй!

Оборотень

*На последнем конгрессе в Испании к черному и белому (речь идет о магии) добавились еще два цвета красный и зеленый. Но зачем людям об этом знать? Это, как говорится, наши рабочие цвета, для служебного пользования... Из интервью с колдуном Юрием Тарасовым.
Журнал Сельская новь, 1990, № 7, с. 3537*

*Не должен находиться у тебя... прорицатель, гадатель, ворожея, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых. Ибо мерзок перед господом всякий, делающий это...
Втор. 18; 915*

Пролог

В просторной комнате, освещенной дрожащим пламенем одиннадцати свечей, около квадратного красного стола, над которым висел перевернутый христианский крест¹¹, неподвижно застыли несколько фигур, одетых в черные рясы с капюшонами, скрывающими лица. Один, судя по всему главный, держал в руках обоюдоострый меч длиной примерно в полметра. Остальные с явным благоговением поглядывали на разложенные по краям стола искусственный член, колокол, серебряный кубок и покрытый странными письменами пергамент. На потолке была нарисована фосфоресцирующей краской пятиконечная звезда¹². Все молчали и, похоже, чего-то ждали. Наконец за дверями послышались возня и приглушенные стоны. Державший меч облегченно вздохнул. В комнату вошли двое мужчин в таких же черных балахонах. Они тащили крепко связанную обнаженную девушку с заткнутым кляпом ртом. Жертва отчаянно извивалась. В глазах ее застыл животный ужас. Присутствующие засуетились. Одни забрали со стола священные предметы, другие распяли на нем девушку, закрепив руки и ноги специальными стальными зажимами.

Главарь начал произносить заклинание. Спустя минуту голос его перешел в вой. Другие участники черной мессы выкрикивали проклятия и громко кричали, постепенно приходя в неистовство. В воздухе запахло потом и человеческими испражнениями¹³.

Руководитель ритуала, уже не воя, а хрипя, приблизился к девушке и медленно, с садистским сладострастием сделал мечом первый надрез. Потом еще и еще. При виде крови сатанисты восторженно заревели и, вооружившись кинжалами, принялись терзать конвульсивно дергающееся тело. Затем вырвали сердце, печень и, поделив на куски, съели. Кубок, наполненный теплой кровью, пустили по кругу. Омерзительный ритуал подошел к концу...

Новенький Вольво плавно катил по ночному шоссе.

За рулем сидела полная, холеная дама с томными глазами.

– Интересно было, не правда ли, Римма? – обратилась она к подруге, худощавой блондинке с удлинненным лицом, вольготно развалившейся на заднем сиденье.

– Да, – ответила та, лениво позевывая и прикрывая рот ладошкой. – Ты права, Света. Я отлично разрядилась, даже секса не хочется, почти...

¹¹ Перевернутый крест один из основных символов сатанистов.

¹² Пентаграмма, символ Сатаны.

¹³ Участники черных месс, входя в экстаз, действительно испражняются под себя (см. Мегapolis-Экспресс, 1996, № 46, с. 1213).

– Так в чем проблема? Поехали ко мне! – похотливо проворковала Света.

– Не могу, – с заметным сожалением отозвалась Римма. – Поздно уже, а завтра работы невпроворот. Я ведь не просто целительница, а руководитель салона белой магии.

– Белой... да... – вздохнула Света. – Теперь не то, что раньше. Приходится маскироваться. Бога, – при этом слове она скривилась, – постоянно поминать, христианами прикидываться...

Ведьма грязно выругалась.

– Ничего, – утешила ее подруга. – Оно, конечно, неприятно, зато надежно. Раз людишки шибко грамотные стали, так мы к ним на кривой козе подъедем, овечью шкуру на себя напаялим. Результат-то все равно будет прежний.

– Точно, – согласилась Света. – На кривой козе.

И хрипло расхохоталась...

Глава 1

Боксерская груша стонала под мощными ударами. Маваши слева, микадзуки¹⁴ справа. Теперь локтем...

– Проклятие, перестарался! – Сергей Апраксин с досадой посмотрел на лопнувшую кожу груши. Сквозь образовавшуюся прореху тоненькой струйкой сочился песок.

– Силен! – похвалил приятеля Алексей Сорокин, тренировавшийся с ним в одном зале. – Но не слишком увлекайся ногами. Твой будущий противник, насколько мне известно, неплохо разбирается в борьбе. Так что можешь попасться на захват, особенно при верхних ударах¹⁵.

– Брось, – отмахнулся Апраксин. – Чихал я на этого кабана. И неожиданно с силой хлестнул ногой по надорванной груше. Та развалилась окончательно.

– Такой удар ему не поймать! – победоносно улыбнулся Сергей.

– Ну, ну... – с сомнением покачал головой Сорокин.

Оба они зарабатывали на жизнь в подпольном тотализаторе. Впрочем, не совсем подпольном. Власти прекрасно знали о его существовании, но смотрели на это сквозь пальцы. В конце концов, что тут страшного?! Ну дерутся ребята в полную силу без правил, состоятельные господа (а частенько и сами чиновники) делают ставки, прямо как на конских бегах. Смертельные случаи бывают редко, не многим чаще, чем в профессиональном боксе. А травмы... Гм, люди понимают, на что идут, никто их не заставляет... Алексей с Сергеем выступали в тотализаторе уже около года, однако пришли туда по разным причинам.

Алексей, демобилизовавшись из армии, не нашел иного способа прокормить больную мать и сестру школьницу, а Сергей, сын состоятельных родителей и студент престижного вуза, дрался ради красивой жизни (надоело кланить деньги у скуповатого предка-бизнесмена) да острых ощущений. Одерживая победу, он, стоя над поверженным противником и слыша восторженный рев публики, весь трепетал от счастья, млел под восхищенными взглядами зрителей (особенно хорошеньких зрительниц) и ощущал себя сверхчеловеком. Апраксин, с детства занимавшийся карате, в большинстве случаев выигрывал, а редкие поражения воспринимал крайне болезненно.

Сорокин, напротив, относился к победам и поражениям довольно хладнокровно. Выиграл – прекрасно! Проиграл... Что ж, надо больше внимания уделять тренировкам, учесть допущенные в бою ошибки и впредь избегать их. Он тоже был каратистом, но не брезговал и приемами из других видов единоборств, за что неоднократно выслушивал нарекания от Сергея, свято соблюдавшего чистоту стиля Ши-то-рю¹⁶...

– Жалко грушу, – сказал Алексей. – Я хотел еще немного поотрабатывать удары руками и головой. Ладно, пойду ставить¹⁷ лай-кик. – С этими словами он направился к обитой матами колонне.

Апраксин, пожав плечами, принялся делать растяжку...

Полулегальный тотализатор располагался не где-нибудь на задворках, а в одном из московских дворцов спорта. Давно канули в Лету те времена, когда бои без правил проводились ночью на пустырях, а публика взирала на них из окон поставленных кругом машин. Теперь все стало иначе. Просторный чистый зал, скамьи амфитеатром. В центре ринг. Зрители чув-

¹⁴ Разновидности боковых ударов ногами в карате. Маваши наносится носком или подъемом, микадзуки тыльной стороной стопы.

¹⁵ Имеются в виду удары ногами выше пояса, в грудь и в голову.

¹⁶ Ши-то-рю, или Се-то-рю, очень эффективная школа карате. Ее питомцы отличные бойцы, но, на мой взгляд, Сорокин прав. Если есть возможность освоить приемы других стилей, то не следует этим пренебрегать.

¹⁷ В данном контексте отрабатывать.

ствовали себя вполне комфортно. Буфет спорткомплекса, переоборудованный под бар, предоставлял к услугам желающих первосортную выпивку. Клиенты могли не опасаться сивухи, оформленной под Абсолют. Фирма гарантировала качество. До начала представления оставалось около получаса, и респектабельные любители зеленого змия кучковались около стойки. Прихлебывая импортное пойло высшей очистки, они оживленно обсуждали бойцовские качества гладиаторов. Сегодня намечалось три поединка: Савельев с Лазаренко, Сорокин с Шевчуком и Апраксин с Малининым. Первые двое были никому не известными новичками, и потому разговор шел в основном о двух других парах.

– Апраксин красавец¹⁸, техника блеск! – доказывал багроволицый толстяк со стаканом виски в руке художавому приятелю. – В прошлый раз он сделал Короваева за две минуты. Пяткой в ухо¹⁹ хлесь, и Коровай, хмырь болотный, в полном отрубке! Поставлю на него!

– А ты видел Малинина в деле? – поинтересовался его собеседник, затягиваясь сигаретой.

– Нет, да какая разница. Апраксин обязательно победит!

Худощавый едва заметно улыбнулся, но спорить не стал. Наконец прозвучал звонок, и зрители потянулись в зал...

Первый бой протекал вяло и неинтересно. Минут пять противники обменивались редкими ударами и не спешили переходить к активным действиям.

– Шевелись, дохлятина! Чего косишь²⁰... Дай ему в рыло! – негодуяще вопили завсегдатаи, сожалея в глубине души, что заблаговременно не запаслись гнилыми помидорами.

– Работайте, сволочи, или вышвырну отсюда к чертям собачьим, – злобно шипел в углу ринга рефери, один из совладельцев тотализатора.

Новички поневоле зашевелились и сошлись в ближний бой, беспорядочно лущуя друг друга чем придется: кулаками, коленями, локтями, головами...

Савельев оказался выносливее, и спустя минуту Лазаренко распластался на полу. Рефери торжественно поднял вверх руку окровавленного победителя, который едва держался на ногах.

– Вот и первый наш сегодняшний герой! – лучезарно улыбаясь, объявил он. – Считаю, тебе повезло, – шепнул рефери на ухо Савельеву, – но если и в следующий раз будешь так телиться выгону! Усвоил?

Парень послушно кивнул и, шатаясь, побрел в раздевалку. Поверженный Лазаренко слабо зашевелился, подавая первые признаки жизни. Двое дюжих молодцев сноровисто подхватили его на руки и унесли с ринга.

Служители присыпали опилками пятна крови. Длинноногие девицы в мини-купальниках, размахивая разноцветными флагами и виляя задами, несколько раз промаршировали вокруг арены.

В следующем поединке выступят хорошо известные вам бойцы – Сорокин и Шевчук, – выкрикнул рефери. Послышались громкие аплодисменты.

Затем ударил гонг...

Алексей знал Шевчука давно и несколько раз дрался с ним с переменным успехом. Последний раз проиграл Сорокин, но сегодня он надеялся взять реванш. Шевчук высокий широкоплечий блондин придерживался на этот счет другого мнения и, когда они пожимали друг другу руки, хитро подмигнул Сорокину: дескать, знай наших! Снова в нокауте окажешься!

¹⁸ Имеются в виду не внешние данные Сергея, а бойцовские качества, стиль ведения поединка.

¹⁹ Имеется в виду ура-лаваши обратный боковой удар ногой. Наносится пяткой.

²⁰ В данном контексте уваливаешь от боя.

Алексей в ответ отрицательно покачал головой. Он не испытывал ненависти к сопернику, даже совсем напротив, и в свободное от работы время иногда пил с ним пиво, парился в бане. Однако бой есть бой.

Снова прозвучал гонг. Противники начали сближаться. Для Сорокина окружающий мир перестал существовать. Единственной реальностью являлись он и Шевчук.

...Удар... Блок... Ответный удар... Блок...

Пропустил апперкот в живот. Больно, но пресс выдержал. «Ах вот ты что удумал!..»

Проведя удар, Шевчук ушел немного в сторону, левой рукой обнял Алексея за затылок, а правым коленом врезал сбоку в грудь. В последний момент Сорокин успел прижаться к нему, нейтрализуя таким образом удар²¹, захватил подколенный сгиб²² и подсек опорную ногу. Шевчук с грохотом обрушился на пол, но тут же, избегая добивающего удара, откатился в сторону и, сделав изящный кувырок назад, вскочил. Алексей, когда его пятка врезалась не в тело противника, а в пол, одобрительно хмыкнул. Не теряя даром времени, Шевчук высоко подпрыгнул, нанося микадзуки в голову. Сорокин быстро присел и, резко выпрямившись, обрушил правый кулак на челюсть соперника. Все...

Победу в этом бою одержал Сорокин, досчитав до десяти, громко сказал рефери и поднял вверх руку Алексея. Публика отреагировала бурно: одни радостными криками, другие проклятиями (в зависимости от того, кто на кого поставил). Сорокин подошел к Шевчуку, который уже не лежал, а сидел, ошалело встряхивая головой, и протянул ладонь.

– Вставай, Андрюха, – тихо сказал он.

– Молодец, Леха, – прохрипел Шевчук. – Здорово ты меня! Башка прямо по швам трещит!

– Ничего, до свадьбы заживет. Идем в раздевалку, примешь аспирин...

Апраксин чувствовал себя в превосходной форме и не сомневался в успехе. Взойдя на ринг, он раскланялся во все стороны, раздавая налево и направо голливудские улыбки. Виктор Малинин, коренастый бритоголовый мужчина лет тридцати, вел себя сдержанно и равнодушно смотрел на выкрутасы Сергея.

После гонга Апраксин в прыжке нанес противнику ёко-гери в грудь. Тот отшатнулся на канаты и сразу же получил два хлестких удара в лицо.

Из разбитого носа потекла кровь. Зал взорвался аплодисментами, приветствуя фаворита, в победе которого мало кто сомневался. Только Сергей ощутил на секунду некий дискомфорт, заглянув в холодные глаза соперника. Встретившись взглядом с Сергеем, Малинин слегка улыбнулся краешками губ и погрозил пальцем.

– «Придурок! Шут гороховый!» – подумал Апраксин, начиная новую атаку...

...Отвлекающий левый май-гери в живот, этой же ногой маваши в висок и тут случилось неожиданное. Сергей перевернулся в воздухе и отлетел в дальний конец ринга²³. «Можешь попасться на захват, особенно при верхних ударах» – вспомнилось недавнее предостережение Сорокина.

Апраксин поднялся и, заметив презрительную усмешку соперника, обезумел от ярости.

– Убью суку! – прошипел он, нанося страшный майгери-кокато²⁴ в печень.

²¹ При верхних боковых ударах ногой или коленом целесообразно резко сорвать дистанцию. Тогда на ваше тело попадает не ударная часть ноги противника, а ляжка. В данной ситуации очень удобно нанести ответный удар головой, локтем или сделать подсечку.

²² Левая рука обхватывает снизу коленный сгиб, а правая захватывает мышцы спереди чуть выше колена.

²³ Малинин провел следующий прием: перехватил на лету атаковую ногу (левой рукой за голень, правой за икру), подсек опорную ногу и с силой швырнул противника, как бы зависшего на мгновение в воздухе, в сторону. Этот прием используется и в карате, и в боевом самбо.

²⁴ Прямой проникающий удар пяткой. Если провести его в печень возможен смертельный исход.

Виктор, изогнувшись, убрал назад корпус, перекрестным блоком перехватил ногу и, резко вывернув ее, дернул вверх. Застонав от боли, Сергей ударился лицом в пол. Спустя мгновение локоть Малинина врезался ему в позвоночник, и Апраксин надолго потерял сознание...

– Если ты его покалечил, считай себя трупом! – в глазах Сорокина сверкали молнии.

– Не волнуйся: я ударил вполсилы. Позвоночник цел, – добродушно отвечал Малинин. – А что с ногой?

– Не знаю, может, вывих, может, растяжение. Во всяком случае, это не смертельно. А вот твой приятель, похоже, собирался меня прикончить. Такой удар в печень верная смерть!

Разговор происходил в раздевалке. Виктор прикладывал к огромному синяку под глазом свинцовую примочку: «Он всегда такой зверюга?!» – «Да нет! – растерянно развел руками Алексей. – Сам не знаю, что на него нашло... Ладно, наведаюсь в медпункт, посмотрю, как там Серега.» – «Посоветуй ему впредь не бесноваться. Мы бойцы, а не убийцы!» Согласно кивнув, Сорокин вышел...

Глава 2

*Белая магия неизмеримо страшнее черной магии, ибо в белой магии
бездна хитрости сатанинской.*

*Священник Владимир Емилчев. Одержимые. Изгнание злых духов.
Свято-Данилов монастырь, Москва, 1994 г., с. 110*

На следующее утро Сергей Апраксин проснулся в отвратительном расположении духа. Болели растянутые связки ноги, ныла спина, а главное сердце отравляла горечь поражения. Еще никогда он так позорно не проигрывал. А нога? Теперь как пить дать месяца два, если не больше, о ринге придется забыть. Дело не в деньгах, которых у него достаточно. Дело в уязвленном самолюбии, в невозможности скорее отыгаться, восстановить утерянный имидж супермена-победителя. Проковыляв на кухню, Сергей заварил крепкий кофе, выпил подряд две чашки и вытащил из пачки сигарету. Вообще-то он курил крайне редко, берег легкие, но сейчас, по мнению Апраксина, это не имело смысла. Все равно стреножил его проклятый Калинин. Случайно взгляд Сергея упал на газету, забытую отцом на столе. Он принялся вяло перелистывать страницы и почему-то задержался на колонке объявлений. Чего тут только не предлагалось: и снятие запоев, и досуг (читай, шлюх по вызову), и так далее и тому подобное.

Одно из объявлений, расположенное в центре страницы, набранное крупными буквами и обведенное жирной каймой, гласило:

«Салон белой магии госпожи Риммы.

Гадаем по планете, руке и по картам. Снимаем порчу, сглаз. Поможем в делах и любви. Излечим любые болезни. Желающие могут приобрести амулеты и обереги...»

Немного поколебавшись, он набрал указанный в объявлении номер телефона.

– Вас слушают, – после третьего гудка отозвался приятный женский голос.

– Это салон колдунов? – спросил Сергей.

– Не колдунов, а белой магии, – вежливо поправила невидимая собеседница. – К колдунам, ведьмам и нечистой силе мы не имеем никакого отношения. Итак, что вам угодно?

– Где вы находитесь?

– Пожалуйста, запишите адрес...

Повесив трубку, Апраксин задумался. Он был крещеным человеком и, хотя в церковь не ходил, но в бога верил, а дьявола, разумеется, не любил.

Сергей позвонил в салон забавы ради, вовсе не собираясь обращаться за помощью к ведьмам, однако теперь...

«Белая и черная магии совершенно разные, – вспомнились ему слова известной целительницы Светланы, неоднократно выступавшей по телевизору. – Мы лечим людей, используя древние народные рецепты, целебные свойства растений и минералов, а также светлую энергию.

Мы активно боремся с бесами, изгоняем их из заболевшего человека, нейтрализуем воздействие злых сил...»

Светлана говорила мягким, вкрадчивым голосом. Несколько раз поминала господ. Желала всем счастья, здоровья, ума и т. п. Ангел, да и только! Видел бы ее Апраксин несколько дней назад на черной мессе около тела истерзанной девушки. Послушал бы дьявольский хохот целительницы, посмотрел бы, как она поедает кусочки печени жертвы, пьет из серебряного кубка кровь... Он бы и на километр не подошел к салону.

А возможно, и просто прикончил бы ведьму при первом удобном случае.

Однако маги недаром тщательно скрывают от посторонних глаз закулисную сторону своей деятельности...

Сергей оделся, прихрамывая, спустился вниз по лестнице и уселся за руль новенькой, недавно купленной девятки. Ехать предстояло довольно далеко, в район метро Академическая. Салон белой магии занимал обширное помещение с недавно проведенным евроремонтом и элегантной мебелью. Очевидно, его хозяйка не испытывала недостатка в средствах.

– Вы к госпоже Римме? – спросил Апраксина секретарь, молодой мужчина с козлиной бородкой и маленькими бегающими глазками.

– Да...

– Обождите минутку, сейчас спрошу...

Сергей опустил в низкое кожаное кресло. Ждать пришлось около пяти минут. Наконец секретарь вернулся.

– Проходите, – предложил он, указывая рукой на дверь в дальнем конце приемной...

Госпожа Римма, худощавая блондинка лет тридцати с несколько длинноватым, но милым лицом, сидела за столом, на котором лежали: колода карт Таро²⁵, несколько кристаллов, астрологический сборник Тамара²⁶ и Библия. По углам стола горели свечи, а на стене висело шесть икон.

При виде их Сергей окончательно успокоился. «Это действительно целительница от бога, – подумал он. – Иконы вон у нее, Библия...»

– Располагайтесь поудобнее, – промурлыкала Римма. – Чувствуйте себя как дома. – Целительница кивнула на стоящую у противоположной стены кушетку, покрытую узорчатым ковром. – Что привело вас ко мне?

Апраксин начал рассказывать...

– Н-да, – выслушав Сергея, задумчиво протянула госпожа Римма. – Серьезный случай!

– Вы полагаете?! – встрепенулся Апраксин.

– Пока не уверена, но похоже на порчу...

– Кто ее навел?

– Выясним со временем, а теперь я бы хотела вас обследовать.

– Прямо как в больнице, – вымученно улыбнулся Апраксин. – «Покажите язык, дышите, не дышите...»

– Нет, – покачала головой целительница и пустилась в туманные объяснения: – Для начала путем нажатия пальцев я определю меридианы вашего тела и составлю карту организма в целом. Точки должны располагаться на расстоянии не менее восьми-пятнадцати сантиметров друг от друга. Если ближе значит, человек серьезно болен. Одновременно я как бы вижу заболевшие органы. Поставив диагноз начнем лечение. Будьте любезны раздеться до пояса...

Диагноз целительницы поверг Сергея в смятение.

Кто-то из близких друзей напустил на него порчу. В результате он потерпел поражение в последнем бою, получил травмы ноги и спины. Однако это было только начало. В течение следующего месяца Апраксина ожидали куда более страшные напасти: отсыхание ноги, паралич и медленная, мучительная смерть.

– Вы мне поможете? – с трудом сдерживая волнение, спросил Сергей.

Госпожа Римма сделала вид, будто колеблется.

– Попробую, – нерешительно промолвила она. – Но...

²⁵ Специальная колода из 78 карт, предназначенная для гадания. По одним сведениям, карты Таро созданы испанскими чернокнижниками в XIII веке. По другим они гораздо более древнего происхождения. В любом случае это дьявольское изображение, активно используемое ведьмами и колдунами. Каждая карта имеет свое название и знак, охватывая сразу три плана символический, цифровой и астрологический.

²⁶ Написан Тамарой, бывшей женой известного астролога Павла Глобы.

– Цена не имеет значения, – выпалил Апраксин. – Назовите любую сумму!..

– Обижаете, – надула губы целительница. – Я имела в виду другое...

– Все, что угодно!!!

– Хорошо! Приходите завтра вечером. Попытаюсь помочь, а о деньгах поговорим позже...

Когда Сергей ушел, госпожа Римма визгливо рассмеялась.

– Безмозглый чурбан, – прошептала она. – Полудурок! Психует из-за ерундового растяжения и верит любым басням! Порча! Вот я-то действительно сделаю тебе порчу, идиот! Век не забудешь!

Затем целительница с наслаждением плюнула на ближайшую икону²⁷.

Вернувшись домой, Апраксин почувствовал себя значительно хуже, чем до сеанса. В теле появилась неприятная слабость, сильно разболелась голова.

– Госпожа Римма права, – пробормотал он, со стоном укладываясь на диван. – Начинает сказываться воздействие порчи! Узнаю, кто ее наслал, убью!

Ночью Сергей спал плохо, мучимый кошмарными видениями: черные костлявые лапы залезали к нему в грудь и пытались вырвать сердце. Ногу сводило судорогами. Под утро накатил жестокий приступ удушья. Апраксин проснулся и долго лежал, не в силах пошевелиться. Глаза буквально выкатились из орбит, лицо налилось кровью, воздух с трудом проникал в легкие.

– «Гады!!! Гады!!! Гады!!! – с ненавистью и отчаянием думал он. – Ну ничего! Госпожа Римма вылечит, укажет злодея, а уж я с ним поквитаюсь! Жилы вытяну из мерзавца!»

С рассветом ему стало немного легче, и Апраксин забылся тревожным сном...

²⁷ Ведьмы и колдуны, замаскированные под белых магов, часто для наилучшего оболышения клиентов обвешиваются иконами и усердно изображают из себя христиан. Однако, оставшись в одиночестве, они не упускают случая поглумиться над святынями, что доставляет бесам, подлинным хозяевам чародеев, чрезвычайное удовольствие (см.: Емеличев В. Одержимые. Изгнание злых духов. М., 1994, с. 110112; Священник Родион. Люди и демоны, с. 85).

Глава 3

Сегодня Сорокин тренировался один. Утром Алексей позвонил Апраксину справиться о здоровье и получил ответ, что Сергей проходит курс лечения. Травмы, да, беспокоят, но вскоре он, Апраксин, всем назло вернется на ринг. Голос приятеля звучал весьма недружелюбно. Однако Алексей не придал этому особого значения. Скверное самочувствие плюс уязвленное самолюбие, ясно дело, настроение у парня не из лучших!

С неудовольствием покосившись на пустующий крюк под потолком (приобрести новую грушу взамен разбитой еще не успели), Сорокин принялся за разминку. Пятьдесят отжиманий (для разогрева)... растяжка... гибкость суставов... несколько упражнений на пресс (мышцы живота побаливают... хороший удар у Шевчука!)... Теперь перейдем к технике. Эх, жаль груши нет, да и без спарринг-партнера плохо. Ладно, ничего не поделаешь! Уделим главное внимание нижним²⁸ ударам ногами, благо колонна с матами целая...

– Эй, дружище, можно присоединиться? – неожиданно услышал Алексей чей-то голос и, обернувшись, увидел Виктора Малинина. Тот стоял на пороге со спортивной сумкой в руках. Щеки покраснелись от мороза.

– Какими судьбами? – удивился Сорокин. – Откуда узнал адрес?

– Случайно. Ребята рассказали...

– Зачем ты здесь? Разве у тебя своего зала нет?

– Есть, но там вчера водопроводные трубы прорвало. Ну так позволишь войти?

– Давай, – неохотно согласился Алексей, вспомнив о больном Апраксине.

– Сердишься за приятеля? – уловив некий холодок в интонации, приподнял брови Малинин. – Зря! Бой есть бой! К тому же я его не убил и не покалечил, а растяжение скоро пройдет. Чай не перелом грудной клетки и не разрыв печени! Кстати, Шевчук, как я понял, на тебя абсолютно не в обиде.

– Переодевайся, – уже более дружелюбно сказал Сорокин. – Я не сержусь, все в порядке!..

– Обменяемся приемами? – примерно через час предложил Малинин.

– Что именно тебя интересует?

– Перехват колена с ближней дистанции, на которой ты поймал Шевчука. В принципе, я понял суть, но хотелось бы узнать подробности.

– А взамен?

– Увидишь.

– Договорились! Итак, главное своевременно амортизировать удар за счет резкого сближения с противником. Показываю...

– Теперь моя очередь, – несколько раз повторив прием и запомнив детали, улыбнулся Виктор. – Бей меня изо всех сил в корпус.

– Изо всех?

– Да, да, не волнуйся. Бей!

– О'кей, но потом не обижайся!

– Никогда!

– Й-йя!!!

Сорокин врезал мощный ёко-гери в живот Малинину, однако вопреки ожиданиям его ступня рассекла воздух, а сам Алексей против воли развернулся спиной к Виктору, на секунду оказавшись в совершенно беспомощном положении. К затылку слегка прикоснулась рука Малинина.

²⁸ Имеются в виду удары ногами ниже пояса: по мышцам и сухожилиям ног противника, в пах и в кишечник.

– В реальном поединке почти верный нокаут или, на худой конец, нокдаун, – сказал он. – Ну как, понравилось?

– Еще бы!!!

– Тогда объясняю конкретнее. Разворотом корпуса уходишь в сторону с траектории удара, затем легкий захват с одновременным толчком подколенного сгиба атакующей ноги. Остальное и ежу понятно.

– Отработай на мне, медленно.

Вернувшись домой, Алексей растянулся на кровати и принялся прокручивать в мозгу детали недавно освоенного приема²⁹. В комнате было тихо, за окном подвывал, мечтая пробраться вовнутрь, холодный декабрьский ветер. Мягко светил невысокий торшер с голубым абажуром. За батареей шуршали тараканы, с которыми семья Сорокиных вела давнюю и безуспешную войну. Часы показывали половину одиннадцатого вечера.

– «Неплохой парень Витька, – подумал Сорокин. – Нужно обязательно познакомить с ним Серегу. Пускай немного подучится. Карате, конечно, отличная штука, но нельзя пренебрегать и другими видами единоборств, особенно при нашем бизнесе. Бои ведутся без правил и...»

В этот момент зазвонил телефон. Алексей нехотя снял трубку.

– Але, – лениво сказал Сорокин.

– Леша, у меня неприятности! – услышал он взволнованный голос своей сестры Марины.

– В чем дело?

– Меня преследуют какие-то люди!

– Где ты?

– Забежала на телеграф, тут недалеко, в двух кварталах, а они ждут снаружи! Леша, у них такие страшные, отвратительные лица!

– Никуда не выходи, к дверям не приближайся, – резко приказал Алексей. – Я буду через несколько минут!..

Торопливо одевшись, он пулей вылетел из дому...

У дверей телеграфа действительно стояли четверо мужчин.

Марина, симпатичная пятнадцатилетняя девушка, забилась в самый дальний угол помещения. В больших темно-синих глазах застыли слезы. Увидев брата, она облегченно вздохнула.

– Почему ты шляешься по улицам одна в такое позднее время, объяснишь дома, – хмуро проворчал Сорокин. – Тогда же и по заднице получишь, курица безмозглая, а пока покажи мне тех хмырей. Пошли!..

– Вот! – прошептала девушка, указывая дрожащим пальчиком на четверку незнакомцев, по-прежнему ошивавшихся возле входа.

– Та-ак! – нехорошо улынувшись, протянул Алексей и с ядовитой ласковостью обратился к ним: – Что вам угодно, господа, от моей сестры?

– Не твое дело! Проваливай! – оглянувшись по сторонам и убедившись в отсутствии свидетелей, ответил высокий худощавый тип в красном пуховике. – Иначе...

Докончить фразу он не успел, поскольку в ту же секунду железный кулак Сорокина свернул ему челюсть.

Лучшая защита нападение, особенно в скоротечной уличной драке! Эот основной принцип карате сызмальства вдолбили в голову Алексея, и потому он, не раздумывая, бросился на остальных.

²⁹ Это действительно эффективный способ, закрепляющий полученные навыки в подсознании. Но его, разумеется, нужно сочетать с активными физическими тренировками.

...Ногой в голень... локтем в висок... готов!.. В низком присяде кулаком в подколенный сгиб... и тут же, выпрямляясь, головой в лицо... На всякий случай ребром ладони в сонную артерию. Есть!!!

Три тела неподвижно распластались на земле, но четвертый вовремя сориентировался и, отскочив назад, выхватил нож... Молниеносный выпад Алексей с трудом увернулся... Полосующий удар по лицу... проклятие! Едва успел отклониться... Тычок снизу в живот... Ага, попался! Перехватив руку с ножом заученным до автоматизма приемом, Сорокин безжалостно сломал локтевой сустав. Подонок завопил от боли, и Алексею пришлось отключить его ударом кончиков пальцев чуть ниже кадыка.

– Пошли! – скомандовал он сестре. – И запомни: матери ни слова!

Когда они вернулись домой, мать, к счастью, уже спала.

– Ну, рассказывай! – мрачно буркнул Сорокин, уселся на кровать и жестом указал Марине на кресло, делая вид, будто ищет глазами ремень. Он любил младшую сестру и, как правило, больше обещал наказать, чем делал это на самом деле. Вот и сейчас Алексей вовсе не собирался стегать по мягкому месту малолетнюю дурочку. Однако пострадать ее следовало. В воспитательных целях. Между тем Марина, не особенно опасаясь обещанной порки, с восхищением смотрела на брата. Девушка знала, что он хорошо владеет рукопашным боем, выступает за деньги в каком-то полупроизвольном клубе, но увиденное сегодня превзошло все ее ожидания. Прямо кадр из наикрутейшего фильма с участием Стивена Сигала, Ван-Дамма или Чака Норриса!

– Чего вытаращишься, идиотка?! – свирепым шепотом рявкнул Алексей, начиная постепенно терять терпение. – Говори, где была? Почему они к тебе привязались?

– Я засиделась у подружки, у Тани, – уяснив наконец серьезность ситуации, честно ответила девушка. – А тех людей никогда раньше не видела. Когда я возвращалась домой, длинный в красном пуховике подошел ко мне и предложил сходить в ресторан. Я отказалась. Тогда они попытались запихнуть меня в машину. Я вырвалась, забежала на телеграф и сразу же позвонила тебе...

– Все?

– Да, честное слово!

– Гм, ладно, – после некоторого раздумья сказал Сорокин. – Отправляйся в свою комнату и укладывайся в постель. Кстати, запомни на будущее! Отныне ты должна возвращаться домой не позже восьми вечера. Иначе шкуру спущу!

Молния, сверкнувшая в глазах Алексея, убедила Марину, что брат не шутит.

Мысленно негодуя на его деспотизм, девушка ушла к себе. Оставшись один, Сорокин достал из стенного бара бутылку коньяка, наполнил до краев стакан и залпом выпил. Затем прикурил сигарету.

– Развелось ублюдков в наше время, – проворчал он. – Хватают посреди улицы первых попавшихся девчонок и насилуют! Мало им добровольных шлюх разве? Извращенцы!

Алексей ошибался. Подонки, с которыми он разделался, не собирались насиловать Марину. Она предназначалась для кровавого ритуала черной мессы. Главарь секты, узнав о случившемся, поклялся отомстить и приказал выяснить, кто именно покалечил его подручных.

Глава 4

В тот же самый вечер Сергей Апраксин побывал на сеансе лечения в Салоне белой магии. Весь день он чувствовал себя скверно: помимо ноги и спины, жутко болела голова, тошнило и даже почему-то покалывало сердце, до сей поры ни разу не беспокоившее хозяина.

– Порча! Точно, порча! – в бессильной ярости стонал Сергей. – Напустили враги-завистники!

В безумном ослеплении он не сознавал, что основной причиной резкого ухудшения здоровья являлась так называемая целительница. С наступлением темноты ему стало немного легче, и Апраксин поехал в район метро Академическая.

– Я давно вас ждала, – ласково улыбнулась госпожа Римма. – Проходите, пожалуйста!

– Мне теперь значительно хуже! – пожаловался Сергей, с кряхтением усаживаясь на кушетку.

– Неудивительно, – целительница с мастерством профессионального актера изобразила глубокое сочувствие. – Порча вещь серьезная. Хорошо, что вы вовремя обратились ко мне.

С лицемерным сожалением разглядывая Апраксина, ведьма мысленно корчилась от смеха: «Пустоголовый кусок мяса! С твоей помощью я натворю немало зла! Высшие силы³⁰ будут довольны, а потом, когда отработаешь заложенную программу, займемся непосредственно тобой! Хи-хи-хи».

– Для начала попробуем снять порчу, – госпожа Римма горестно вздохнула. – Ох, опасное это занятие, ох, тяжелое!

– Сколько я вам должен? – проскулил Сергей.

– О деньгах поговорим после, – отмахнулась целительница, одновременно впечатывая в сознание Апраксина телепатический импульс две тысячи долларов... – А сейчас расслабьтесь, пора приступить к лечению. Выбросьте из головы все мысли, отключите волю и интеллект.

Апраксин старательно выполнил приказ и растекся на кушетке наподобие медузы.

– «Податливый субъект, – удовлетворенно подумала ведьма. – Легко поддается внушению. Чудесно! Для начала загипнотизирую его!»

Римма взяла со стола кусок картона с тщательно вычерченным посередине черным кругом.

– Смотри! – сказала она, причем голос ее, прежде мягкий и вкрадчивый, приобрел неприятное металлическое звучание. – При счете пять ты уснешь!

Сергей сосредоточенно уставился на картонку.

– Раз, два, три, четыре, пять... Все!

Убедившись, что Апраксин действительно крепко спит, ведьма, сбросив маску, злорадно ухмыльнулась. Затем склонилась к уху спящего и, кривясь в гримасе дьявольской радости, начала что-то нашептывать³¹.

Сергей увидел себя на ринге. В зале бесновалась толпа зрителей, а на него надвигался противник, вернее, смертельный враг. Хорошо знакомая мускулистая фигура, но вместо лица расплывчатое пятно³² с узкой прорезью рта. Апраксин чувствовал невероятную слабость во всем теле. Руки и ноги стягивали невидимые веревки. Монстр хрипло захохотал.

³⁰ Под высшими силами ведьма подразумевает демонов.

³¹ Черный круг на картоне один из способов завладения вниманием гипнотизируемого. Во время гипнотического сна из слов, сказанных на ухо спящему, возникают зрительные образы.

³² В данном случае ведьма, вероятно, задала лишь нужное ей направление видениям Сергея, а его загипнотизированное сознание облекло злое внушение колдуньи в привычную для Апраксина ситуацию поединка в тотализаторе.

От его головы отделился сгусток мрака и медленно поплыл к груди Сергея. Когда он коснулся области сердца, Апраксин почувствовал острую, леденящую боль, попытался закричать, но горло сдавило железными тисками.

– Проснись! – прогремел над ухом повелительный голос госпожи Риммы, и Апраксин открыл глаза.

Сергея трясло в ознобе. По лбу струился холодный пот.

– Расскажите о ваших видениях, снова переходя на вы, – попросила целительница.

– Та-а-ак! – глубокомысленно протянула она, выслушав сбивчивый рассказ Апраксина. – По-ня-ятно! – И безапелляционно заявила: – Человек из сна наслал порчу, вероятно, около недели назад. Это один из ваших знакомых...

– Кто именно?! – вскинулся Сергей.

– Узнаем позднее, а пока нужно нейтрализовать воздействие злых сил. Успокойтесь, расслабьтесь, постарайтесь ни о чем не думать. Я же прочту молитву...

Ведьма взяла со стола свечу и принялась манипулировать ею перед лицом Сергея, бормоча нечто невразумительное. Отдельных слов разобрать было нельзя, кроме непрерывно повторяемого «раб божий Сергей»³³.

Голова Апраксина поникла на грудь. В левом виске появилось легкое холодное покалывание... Монотонный голос Риммы навевал дремоту, однако не приносил успокоения. Напротив, душу Апраксина захлестывали волны ненависти, не обращенной к кому-то конкретному, а просто черной душевной ненависти... Он потерял счет времени и не знал, сколько просидел здесь: минуту? день? вечность?

– Готово! – резкий выкрик целительницы вывел Сергея из сомнамбулического состояния. – Вам лучше? – участливо поинтересовалась Римма.

– Вроде да, – неуверенно ответил Апраксин и действительно ощутил значительное облегчение. Исчезли головная боль и тошнота. Ушибленная спина и растянутая нога тоже почти полностью успокоились.

– «Кудесница! – с восхищением подумал он. – Добрая фея! Нужно отблагодарить ее за труды».

Сергей вынул из кармана бумажник, отсчитал две тысячи долларов, дрожащей рукой протянул Римме и умоляющим голосом попросил: «Возьмите (он хотел добавить Христа ради, но почему-то не получилось). Не отказывайтесь! Будьте любезны!»

Ведьма изобразила, будто колеблется.

– Ну пожалуйста! – настаивал Апраксин.

– Ладно, – с деланной неохотой согласилась Римма, принимая деньги. – Я использую их на благие цели.

Умиленный Сергей едва не прослезился. Целительница ехидно наблюдала за его восторженной физиономией. «Попался, голубчик! Вляпался! У-тю-тю, бычок ты мой упитанный!»

– Дело еще не закончено, – вслух сказала она. – Для полного и окончательного снятия порчи нам необходимо вычислить того, кто ее наслал!

Апраксин вновь ощутил прилив леденящей ненависти.

– Ка-а-ак? – злобно прохрипел он.

Римма задумалась.

– Я поищу возможность, – изрекла наконец она, – задача-то непростая. Большие силы тут замешаны. Приходите дня через два, а пока на всякий случай возьмите амулет. Подождите несколько минут.

³³ Любимый прием белых магов. Так называемая молитва либо просто абракадабра, служащая для отвода глаз, либо замаскированное заклинание, обращенное к демоническим силам. В любом случае это не имеет ничего общего с подлинной христианской молитвой.

Ведьма вышла в соседнюю комнату. Та своим убранством резко отличалась от официальной приемной. Ни икон, ни прочей имитации христианства (посторонние сюда, разумеется, не допускались). Всю дальнюю стену занимал высокий, темного дерева и старинной работы шкаф, в котором колдунья хранила различные магические причиндалы. Ближе к двери на книжных полках разместилась внушительная библиотека по чародейству. Собрание бесовских книг поражало богатством и разнообразием. Труды Блаватской, Тухолки, пресловутая Черная библия³⁴ и т. п. Среди книг попадались совсем древние, например Мысленник, Волхвовник и Зелейник. Дополнял обстановку небольшой журнальный столик с человеческим черепом посередине. Римма направилась напрямик к шкафу, открыла средний ящик и вынула оттуда треугольной формы³⁵ камень на цепочке. Воздев руки к потолку, она сперва воззвала к князьям тьмы, затем склонилась над камнем и зашептала скороговоркой: Небо лубяно и земля лубяна, и как в земле мертвые не слышат ничего...³⁶

Потом, совершив несколько пассов руками, хищно усмехнулась.

– Вот возьмите и повесьте на шею, – сказала она Сергею, вернувшись в комнату. – Это предохранит вас от боли.

Будто загипнотизированный, Апраксин полез в бумажник и достал оставшиеся пятьсот пятьдесят долларов.

– На благие цели! – промямлил он.

По пути домой Сергей сбил машиной зазевавшуюся собаку, но не обратил ни малейшего внимания ни на несчастное животное, ни на возмущенную ругань нескольких припозднившихся прохожих.

– Ублюдок бессердечный! – закончив длинную матерную тираду, воскликнул один из них.

– Не иначе ведьма ему душу выхолостила, мрачно пошутил другой.

– Очень похоже, поддакнул третий.

Люди даже не подозревали, насколько они были близки к истине...

³⁴ Настольная книга современных сатанистов. Еще ее называют Сатанинская библия.

³⁵ Перевернутый треугольник один из священных символов сатанистов.

³⁶ Из понятных соображений я не привожу здесь полный текст заклинания.

Глава 5

На следующий день Апраксин явился в спортзал.

– Быстро ты оправился! – удивленно и обрадованно приветствовал его Сорокин.

Сергей холодно глянул на приятеля, но ничего не ответил. Он переоделся в спортивный костюм, подошел к настенной макавари и принялся отрабатывать прямые удары руками. Левым кулаком... срыв дистанции... правым локтем... Правым кулаком... срыв дистанции... левым локтем. Под мощными ударами макавари кряхтела и стонала.

– Полегче, Серега, – попросил Алексей. – А то раздолбаешь ее, как грушу!

– Не мешай! – огрызнулся Апраксин. – Завтра же куплю и то и другое!

Сорокин опешил. Конечно, Сергей никогда не отличался ангельским характером, но в таком состоянии Алексей видел его впервые. Чувствовалось в Апраксине нечто чуждое, злое и неприятное. Будто подменили человека!...

– Что это за булыжник болтается у тебя на шее? – шутливо поинтересовался Алексей, когда, закончив тренировку, они переодевались, собираясь отправиться по домам, и поразился дикой ярости, вспыхнувшей в глазах Апраксина.

– Это не булыжник! – по-змеиному зашипел он. – И вообще, следи за языком!

– Что происходит с тобой, Сережа?! – тихо спросил Алексей. – Ты стал какой-то странный, бесишься по пустякам... Ты случайно не заболел?!

– Я здоровее, чем когда бы то ни было, – впервые за весь вечер улыбнулся Сергей, правда, улыбка у него получилась неприятная, больше напоминающая оскал.

– Где же ты лечился?

– В Салоне белой магии госпожи Риммы, – самодовольно ответил Апраксин. – Она настоящая кудесница.

– Колдунья?!

– Дурак! – окрысился Сергей. – Госпожа Римма целительница, а не ведьма, у нее в комнате иконы висят!

Сорокин с сомнением покачал головой. Он слышал как-то, что черная и белая магия одно и то же, только черная волк в натуральном виде, а белая волк, обряженный в овечью шкуру. Однако Апраксин говорил с абсолютной уверенностью в собственной правоте, про иконы упоминал. Ведьма и иконы! Странное сочетание! В результате Алексей решил не вступать пока в дискуссию, а в ближайшее время досконально разобраться в данном вопросе. Благо имелась такая возможность. Бывший тренер Сорокина Иван Андреевич Костров, мастер спорта по самбо и черный пояс четвертого дана³⁷ по карате, несколько лет назад неожиданно для всех ушел в монастырь.

Вот с ним-то Алексей и решил посоветоваться насчет белой магии. Уж кто-кто, а Костров должен разбираться в таких вещах...

– Ты готов? – прервал его размышления Апраксин.

– Да.

– Тогда пошли! Не хрена копать!

На улице разыгралась непогода. Холодный пронизывающий ветер швырял в лица прохожим хлопья колючего снега. В декабре темнеет рано, и сейчас лишь редкие тусклые фонари пытались рассеять сгустившийся мрак. Возле своей машины Апраксин заметил две смутные

³⁷ Черный пояс четвертого дана очень высокая ступень. Таких людей у нас в стране ничтожно мало.

тени. «Пытаются угнать или раскурочить! – с ненавистью подумал Сергей. – Ну, суки рваные, я вам покажу!»

Подобно хорошо натасканной сторожевой собаке, он молча бросился на злоумышленников.

«Хлесь!» Раскрытая ладонь Апраксина превратила лицо первого из них в кровавое месиво. Второй, подросток лет четырнадцати, попятился назад, жалобно скуля. Разъяренный Сергей собрался уже врезать мальчишке ногой в печень, но тут горло его очутилось в стальном зажиме, перед глазами сгустился багровый туман.

– Угомонись, Серега! Они же совсем дети! донесся до него как сквозь вату голос Сорокина. – А вы, щенки, линияйте в темпе отсюда!.

Сергей попытался вырваться, Алексей усилил зажим, и Апраксин потерял сознание...

– Сволочь! – едва очухавшись, прохрипел он прямо в лицо склонившемуся над ним Сорокину. – Ты на кого, гад, руку поднял?!

– Не психуй, Сережа, – примирительно сказал Алексей.

– Напал на меня сзади! – продолжал свирепеть Апраксин.

– Я просто помешал тебе убить малолеток!

– Они хотели угнать мою машину!

– Это еще не повод для детоубийства! Пацанам от силы четырнадцать-пятнадцать лет, а с тачкой твоей драгоценной ничего не случилось!

– Мою машину! – будто в бреду, повторил Сергей.

Он поднялся, отряхнул прилипший к одежде снег, окинул Сорокина ненавидящим взглядом, уселся за руль и до отказа выжал газ. Всю дорогу его колотил озноб. Апраксин скрипел зубами и безостановочно матерился. Сергей задыхался от злобы. В висках пульсировала кровь. Голова так набухла, что, казалось, вот-вот взорвется. Добравшись до дома, он припарковал машину у подъезда, зашел в квартиру, скинул одежду, проглотил лошадиную дозу снотворного и вскоре уснул.

В зеленоватом тумане вспыхивали фиолетовые искры. Видимость была плохая, но Сорокин почему-то точно знал, в каком направлении идти. Постепенно туман начал редеть и наконец исчез вовсе. Алексей очутился на широкой поляне, окруженной густыми деревьями. Посредине, источая запах серы, чернел бездонный колодец. Из глубины его доносились приглушенные стоны, вопли и злорадный дьявольский хохот.

– Приветик! – хихикнул мерзкий голос, и, резко обернувшись, Сорокин увидел худощавую блондинку с невероятно злым лицом.

– Попрощайся со своим дружком, – проверещала она.

Только тут Алексей заметил, что блондинка ведет на поводке Апраксина. Шею Сергея украшал бронзовый ошейник. Пустые, остекленевшие глаза бездумно таращились в никуда.

– Что ты с ним сделала, стерва? – закричал Сорокин.

Вместо ответа ведьма с силой толкнула Сергея к колодцу. Несколько мгновений он стоял, раскачиваясь на краю, затем с воплем полетел вниз.

Отвратительная дамочка громко захохотала.

– Теперь ты! – отсмеявшись, прошипела она, протягивая руки к Сорокину.

– Ну уж нет! – решительно возразил Алексей и размашисто перекрестился. Блондинка яростно завизжала, послышался жуткий грохот, и видение исчезло...

Алексей открыл глаза. Он лежал у себя дома, в постели. За окном было еще темно. Настенные часы, имевшие скверную привычку отставать, показывали половину шестого. «Значит, уже около шести», – подумал Сорокин. Спать ему совершенно расхотелось. Стараясь не шуметь, Алексей прошел на кухню и заварил кофе.

Сон неспроста, дымя сигаретой и прихлебывая из чашки, размышлял он. Серега в огромной опасности! Только откуда она исходит? По всей вероятности, от так называемой целительницы! Именно после ее лечения Апраксина будто подменили. Сегодня же поеду в Троице-Сергиеву лавру к Кострову. Белая магия! Гм! Странная белизна. Нормальный парень за несколько дней превращается в зверя. Вчера чуть не убил мальчишек из-за пустяка!

Алексей допил кофе, затушил в пепельнице окурок, оделся и пошел на улицу возиться с капризничавшей по случаю мороза машиной...

Апраксин в эту ночь также видел сны. Под руку с госпожой Риммой он шел по длинному тоннелю.

– Где мы? Куда идем? – беспрестанно спрашивал Сергей, но целительница в ответ лишь загадочно улыбалась. Неожиданно Римма исчезла. Апраксин остался один. Он почувствовал, как тело ощупывают клейкие невидимые нити.

– Ты наш... Ты наш... Ты наш... – шептал в уши вкрадчивый голос.

– А-а-а!!! – в испуге закричал Сергей.

– Угомонись, – сказал тяжелый бас, и перед Апраксиным появился его обладатель высокий широкоплечий человек с европейскими чертами лица, но черной, как сапожная вакса, кожей. Вернее, даже не черной, а темной, причем тьма шла откуда-то изнутри незнакомца.

– К-кто вы?! – дрожа от страха, спросил Апраксин.

– Твой господин и покровитель, – немного помедлив, ответил темный со странной усмешкой. – Ты мне нравишься, паренек, и я, кажется, нашел тебе применение!

– К-какое?

– Увидишь! – Незнакомец растаял в воздухе. Дальше началось нечто невообразимое визг, шипение, улюлюканье.

Сергей проснулся в холодном поту и несколько минут лежал, тупо уставившись в потолок. Голова была абсолютно пуста. Ни единой мысли. Только через несколько минут Апраксин более-менее оклемался. «Узнаю, кто наслал порчу, убью!» – в который раз пообещал он себе...

Глава 6

Иван Андреевич Костров за прошедшие годы мало изменился внешне. Под монашеским одеянием по-прежнему угадывались мощные эластичные мышцы.

Не посчастливится тем сатанистам, которые вздумают напасть на него, подумал Сорокин, вспомнив о ритуальных убийствах паломников и монахов в Оптиной пустыни.

– Проблемы? – лаконично поинтересовался Костров.

– Да!

– Выкладывай.

Алексей начал свой рассказ.

По мере его рассказа лицо Кострова все более мрачнело.

– Плохи дела! – хмуро сказал он, выслушав до конца Сорокина. – Белая магия ловушка для дураков, да простит меня господь за бранное слово, – Костров перекрестился. – Например, известный колдун Юрий Тарасов в одном из газетных интервью откровенно заявляет, что черная и белая магия имеют один и тот же источник. А вот для каких целей использует колдун свои возможности, зависит якобы исключительно от него самого. Чепуха! Лжет колдун! Духом Святым зла не сотворишь. Праведник, действительно наделенный силой божьей, просто не способен причинить людям вред. Другое дело сила дьявольская. Все виды магии от Сатаны, не способного творить добро. Если колдуны и исцеляют человека, то лишь на время, для отвода глаз, чтобы потом погубить окончательно и духовно, и телесно³⁸. Госпожа Римма, к которой обратился Сергей, обыкновенная ведьма, замаскировавшаяся под целительницу.

Костров замолчал.

– Как же быть? – с отчаянием в голосе спросил Алексей.

– Попробуй его вразумить, может, еще не поздно. Хотя... Впрочем, попытка не пытка!

Сорокину удалось встретиться с Апраксиным только через две недели.

Дома Сергея застать никак не удавалось, а в их прежнем спортзале он не появлялся. Окольными путями, через общих знакомых Алексею удалось наконец выяснить, где теперь тренируется его приятель. Апраксин обосновался в отлично оборудованном помещении, в одном из известных Дворцов спорта, причем не только занимался сам, но и вел секцию карате. Сорокин тихонько остановился в дверях, наблюдая за тренировкой. Что-то ему здесь не нравилось, но он пока не понимал, что именно. Уровень техники Апраксина ничуть не уменьшился. Сергей, казалось, абсолютно забыл и про растяжение связки, и про ушибленную спину. Однако когда он, разложив учеников на полу для отдыха, завел пространную выпрепную речь о космической энергии³⁹, а затем начал обучать азам медитации, Алексей брезгливо поморщился. «Бред сивой кобылы! Сплошной идиотизм, раздраженно, – подумал он. – Научил бы лучше ребят расслабляться, да и глубинный массаж⁴⁰ не помешал бы».

– Привет, – сказал Алексей, когда Апраксин с важностью павлина прошептал в отдельную раздевалку. – Классный зальчик ты себе отхватил.

– А, это ты, – с видимым неудовольствием отозвался Сергей. – Чего надо?

– Поговорить.

³⁸ Подробнее см. книгу священника Родиона Люди и демоны.

³⁹ В секциях школы Ши-то-рю, по крайней мере в известных мне лично, не рассуждали о космической энергии, не увлекались восточными ритуалами, ограничиваясь лишь традиционными поклонами сенсею до и после тренировки и противнику до и после спарринга, зато очень большое внимание уделяли конкретной боевой технике. Поэтому выходцы из Ши-то-рю проявили себя самым лучшим образом и на соревнованиях, и на товарищеских матчах между школами.

⁴⁰ Один из учеников ложится на пол, а другой медленно переступает ногами по его телу, избегая, разумеется, жизненно важных органов.

– Ладно, проходи!.. Ну?! – холодно спросил он, когда Сорокин устроился на широкой полированной скамье. – Выкладывай.

– Ты по-прежнему ходишь к госпоже Римме?

– Не твое дело!

– Нет, мое!

Тут Сорокин начал торопливо пересказывать Апраксину все то, что узнал от Кострова...

– Заткнись! – не дослушав, грубо перебил Сергей.

Лицо его приобрело надменное выражение, а в глазах вспыхнули недобрые огоньки.

– Фанатик! Инквизитор недобитый! Именно такие, как ты, кретины в средние века тысячами жгли на кострах невинных людей!

– Так уж и невинных⁴¹, – криво усмехнулся Алексей, начавший постепенно терять терпение.

– Убью! – прошипел Апраксин, сжимая кулаки.

– Попробуй, – весело ответил Сорокин, готовясь к отражению атаки.

Его ледяное насмешливое спокойствие несколько отрезвило Апраксина, прекрасно знавшего бойцовские качества Алексея.

– Успеется! Придет время! – после некоторого раздумья выдавил из себя он. – А пока убирайся. Здесь мой спортзал!

Алексей внимательно посмотрел в глаза бывшего приятеля, не прощаясь вышел и с грохотом захлопнул за собой дверь...

Костров прав, с горечью думал Сорокин, лавируя в автомобильном потоке, иссушила ведьма парню сердце! Переубеждать Серегу бессмысленно. Полностью изменился! Прямо не узнать! Инквизиция! Костры! А впрочем, колдунам на них самое место! Предки были мудрее нас!...

– Раздобудь мне его фотографию, – спустя три часа нашептывала Римма Апраксину. Она знала о срыве черной мессы стараниями какого-то бойца-профессионала, и чуть подсказывало⁴² ей, что им мог оказаться именно Сорокин. Да и словесный портрет, заботливо распространенный шефом сатанистов среди своих рабов, вроде сходилась. – Похоже, мы близки к раскрытию тайны.

– А?! – вяло переспросил одурманенный различными заклинаниями и запахом неведомых растений⁴³ Сергей. – Тайны!

– Кто наслал порчу, – терпеливо повторила ведьма.

– Ты... Вы... думаете, он?! – встрепенулся Сергей.

– Гм, вполне вероятно, – загадочно прищурилась ведьма. – Было у меня видение...

– Какое?

– После расскажу, а пока расслабься, вздремни...

Апраксин, уже полностью находившийся под властью Риммы, мгновенно отключился. Сны его, надо сказать, были не из приятных...

⁴¹ Сорокин говорит правду. Большинство дел о колдовстве начиналось с преступлений, за которые казнят и теперь (например, похищение и убийство ребенка, отравление и т. д.), и лишь убедившись, что ребенка похитили, скажем, для черной мессы, средневековые следователи передавали виновного в руки инквизиции. Разумеется, бывали и исключения из правила, но, как говорится, в семье не без урода.

⁴² Не чутье, конечно, а бесы.

⁴³ Маги часто используют в своих ритуалах разного рода наркотические вещества, например белладонну и прочую гадость, перечислять которую у меня нет желания.

Вернувшись домой, Сорокин попил чая, включил телевизор, но, увидев там очередную рекламу женских прокладок с крылышками, тихо выругался, выключил и прилег на диван с сигаретой в зубах. Из головы не шел недавний разговор с Сергеем. «Проклятая колдунья! На костер бы ее или, на худой конец, пожизненно в подземную тюрьму инквизиции на хлеб да воду. Но нет теперь инквизиции. Колдунам с ведьмами полное раздолье!»

В надежде отвлечься Алексей взял с журнального столика первую попавшуюся газету и тут же наткнулся взглядом на объявление некой целительницы (белой якобы), специалиста с мировым именем. В левом углу помещался портрет ее самой. Голову женщины окружали вихоры адского пламени⁴⁴.

Сорокин яростно скомкал газету и зашвырнул в дальний угол комнаты.

– «На полных идиотов, что ли, рассчитано?! – возмущенно подумал он. – Или... бог шельму метит?!»

После посещения госпожи Риммы Апраксин подъехал к своему дому, припарковал машину и неожиданно решил пойти прогуляться по улицам. Было еще не поздно (около одиннадцати вечера). Снег, выпавший-таки накануне нового, 1997 года, тихонько поскрипывал под ногами. Щеки пощипывал мороз.

Мягко светились окна домов. Из некоторых квартир доносились звуки музыки и разудалые пьяные песни. (Кое-кто уже начал празднование, рассчитывая закончить его где-нибудь в десятых-двадцатых числах января.)

Апраксин, как и все последнее время, пребывал в мрачном настроении. Регулярные сеансы лечения у колдуньи оказывали свое пагубное воздействие.

Из-за поворота, заметно покачиваясь, появились два молодых парня. Сергей, в глубине души алчущий драки, мгновенно напрягся, подобно хищному зверю, учувшему добычу.

– Слышь, мужик, угости сигаретой, – приблизившись к Апраксину, развязно попросил один из ребят. Этого оказалось достаточно.

Й-й-я! железный кулак каратиста врезался ему в печень.

Удар был настолько силен, что даже толстая дубленка не спасла своего хозяина. Скрюченным от боли комком он рухнул на тротуар.

– Ты чего, ты чего?! – сразу протрезвев, забормотал другой, с ужасом глядя в горящие дьявольским огнем глаза Сергея. В ответ тот нанес три коротких удара: ногой в голень, кулаком в солнечное сплетение и локтем в позвоночник. Затем злорадно захохотал и, не оборачиваясь, зашагал прочь...

– Этот мертв. Разрыв печени и обширное внутреннее кровоизлияние, – констатировал врач скорой помощи, вызванной примерно через час сердобольным прохожим, заметившим на мостовой двух бесчувственных молодых людей. – Другой, возможно, останется жив, но передвигаться сможет только на инвалидной коляске.

– Бедные мальчики! – всхлипнула пожилая медсестра.

– Пьянь поганая, – просипел, сморщив нос, дежуривший в приемном покое милиционер. – Бутылку не поделили! Разрыв печени! Да она у него небось и так от водки разваливалась!

– Они не похожи на законченных алкоголиков, – осторожно возразил врач.

– Мне виднее! – огрызнулся страж порядка...

Апраксина несколько не беспокоила судьба его жертв. Дома он с аппетитом поужинал, со вкусом выкурил сигарету, посмотрел по телевизору какую-то белиберду и с неотягощенной совестью улегся в постель.

⁴⁴ Такое объявление действительно помещалось в некоторых газетах, и кое-кто из читателей наверняка его видел.

- Хороший у нас сын! – сказал отец матери. – Не пьянствует, как другие! Спортсмен!
- Ты прав, дорогой! – с гордостью подтвердила она.

Глава 7

Тридцатого декабря тысяча девятьсот девяносто шестого года хозяева тотализатора решили порадовать клиентов последним в уходящем году зрелищем. Первоначально планировались аж пять боев: Сорокин-Малинин, Апраксин-Савельев, Шевчук-Горюнов, Синицын-Иванов и Гладков-Удалов. Однако осуществить на практике сей грандиозный замысел не удалось.

Сорокин подхватил грипп, как известно, свирепствовавший в Москве в конце 1996 начале 1997года. Удалов накануне так нахлестался водки, что с трудом передвигался по квартире и глухо стонал, держась трясущимися руками за разбухшую от похмелья голову. Гладков случайно повредил на тренировке кисть, у Иванова умерла мать, и ему было сейчас не до выступлений, а Малинин по каким-то неотложным делам срочно выехал в Петербург. В итоге остались Апраксин, Савельев, Шевчук, Горюнов и Синицын. Пять нечетное число, на два не делится, даже трех поединков не организовать. Хозяева тотализатора приуныли, поскольку подыскать и проверить новых гладиаторов не оставалось времени, но неожиданно им на выручку пришел Апраксин, вызвавшийся провести два боя за вечер.

– А справишься? – с сомнением спросили его.

– Обязательно! – горделиво ответил Сергей. – Я в прекрасной форме! Сперва уделаю Савельева это несложно, он полный щенок, затем Синицына. Ему до меня, как до луны. Так что не беспокойтесь! Все будет в лучшем виде!

– Парень прав, – после некоторого раздумья сказал один из совладельцев (он же по совместительству рефери). – Думаю, такой вариант пройдет!

– Ну и ладно! – с готовностью согласились трое остальных...

Сегодня по случаю грядущих праздников, которые, как известно, многие начинают отмечать заблаговременно, толпа у стойки бара была особенно густой. Страждущие с изрядно помятыми физиономиями жадно глотали спиртное. Однако по мере отступления похмельного синдрома клиенты тотализатора заметно оживились и приступили к обсуждению предстоящих поединков. «Апраксин выступает сразу в двух боях...» – «Интересно! Поставлю на него!...» – «Гм, помнится, не так давно он основательно получил от Малинина. Ногой дерг и тут же мордой в пол бряк! Гы-гы-гы...» – «Вы правы, но Малинин, говорят, в отъезде...» – «Н-да...» – «Кто первая пара?...» – «Шевчук с Горюновым...» – «Горюнова я видел. Человек-гора. С таким трудно совладать!...» – «Не забывайте, что Шевчук классно дерется...» – «Не скажите! Помню, как Сорокин его нокаутировал! Кстати, где он?...» – «Я слышал, заболел. Грипп! Проклятая зараза. У меня вся семья слегла!...» – «Тогда почему вы здоровы?...» – «А я накануне так проспиртовался, что у меня все бациллы в крови передохли...» – «Ха-ха-ха!.. Мудрое решение! Кстати, не вмазать ли нам еще по стаканчику для профилактики?...» – «Заметано! Эй, бармен, два виски без содовой!...»

Андрей Шевчук, расслабившись, сидел на табуретке в углу и, дожидаясь повторного гонга, возвещавшего начало боя, с интересом разглядывал противника. Игорь Горюнов полностью оправдывал прозвище Человек-гора. Груда мышц (правда, с заметным наслоением жира), мясистое лицо, крохотные заплывшие глазки. Вряд ли он отличается особой подвижностью, думал Шевчук. Но не дай бог попасть такому в объятия! Раздавит! Ладно, поглядим!

Ударил гонг. Горюнов вскочил с места и с невероятной для подобной туши быстротой ринулся на Шевчука. Андрей едва успел увернуться и, оказавшись у него за спиной, нанес два молниеносных удара: локтем по почкам и ребром ладони в затылок. Вопреки ожиданиям

Горюнов не только не отключился, но даже не впал в состояние гроги⁴⁵, а только глухо зарычал, как злобный цепной пес, и, развернувшись, ответил сокрушительным свингом в голову. Шевчук проворно присел. Пудовый кулак со свистом пронесся над затылком.

– «Мощный кабан, – подумал он, уходя на дальнюю дистанцию. – Попробую стреножить⁴⁶. Лай-кик справа... отскочил... Лай-кик слева... отскочил... Ага, действует!..»

Горюнов начал заметно прихрамывать.

– Давай, Шевчук, добивай жиртреста!.. Горюнов, придуши этого говнюка! – наперебой вопили хмельные зрители. Андрей сорвал дистанцию, присев, пропустил над головой тяжелый маваша и вогнал кулак в пах противника, но тот, прежде чем скорчиться от боли, успел рубануть выпрямляющегося Шевчука по ключице. Послышался отвратительный хруст ломающейся кости. Обезумевший от боли и от ярости Андрей мощным ударом колена в лицо послал согнувшегося и схватившегося за интимное место соперника в глубокий нокаут.

Зал взорвался аплодисментами.

Победу одержал Шевчук, провозгласил рефери и высоко поднял вверх неповрежденную руку Андрея. У Шевчука мутилось в глазах, подкашивались ноги, однако он все же подошел к поверженному Горюнову, убедился, что тот жив, и лишь после этого отправился в медпункт.

– «Нельзя терять голову от злобы, – корил себя Андрей. – А то угробишь кого ненароком. Впрочем, у Горюнова башка, слава богу, крепкая!..»

За день до описываемых событий Апраксин принес госпоже Римме фотографию Сорокина. Ведьма сделала вид, будто погрузилась в глубокий транс, а на самом деле внимательно вглядывалась в черты лица, запечатленного на полароидной карточке, мысленно сопоставляя их со словесным портретом, полученным от шефа. Все сходилось. Целительница затрепетала в кроважадном восторге. «Мои заслуги будут оценены по достоинству, – радостно подумала она. – И земными хозяевами, и потусторонними!»

Для пушшего эффекта Римма произвела над карточкой несколько пассов руками.

– Этот! – закатив глаза, простонала ведьма. – Чую исходящее от него зло!

С того самого момента Апраксин твердо решил убить Сорокина. Перебирая в уме возможные варианты, он в конце концов вынужден был признать, что наиболее верным и безопасным (в смысле ответственности перед законом) будет убийство на ринге тотализатора. Влиятельные хозяева заведения всегда в подобных ситуациях старательно прятали концы в воду. Разумеется, убийства ими не поощрялись, однако никаких карательных мер к виновным не предпринималось. Несчастный случай! Ничего не поделаешь!

Сегодня Сергей собирался лично вызвать Алексея на бой, но, узнав, что тот отсутствует по причине болезни, пришел в неистовую ярость. «Косит, гад! Пронюхал небось о моих намерениях! Ну ничего, я до тебя доберусь», – с перекошенным от злобы лицом шипел он, расхаживая взад-вперед по раздевалке.

Когда Шевчук уложил Горюнова, а слегка одетые девицы совершили обычный ритуал (вливание задами и размахивание флажками), Апраксин вышел на ринг, синюшно-белый от ненависти.

Сергей презрительно оглядел стоящего в противоположном углу Савельева и по-волчьи оскалился. Вскоре ударил гонг...

Петр Савельев чувствовал себя неважно. У него начинался грипп. Болела голова, ломило ноги. Температура держалась примерно на уровне 38 градусов. Тем не менее Петр решил не отказываться от участия в состязаниях: уж очень были нужны деньги! Он фактически являлся

⁴⁵ Боксерский термин, который означает, что хоть противник и не упал, но уже почти ничего не соображает.

⁴⁶ Вданном контексте стреножить значит ударами по мышцам и сухожилиям ног противника лишить его подвижности.

единственным кормильцем семьи: родители, хотя и работали, но, как большинство граждан нашей страны, по несколько месяцев не получали зарплаты, а жена ходила на шестом месяце беременности. «Продержусь как-нибудь, – думал Савельев. – Выиграть вряд ли удастся, но ведь и побежденному полагаются неплохие бабки. Праздники на носу. Дома же, как назло, ни копейки! Набьют морду не беда, заживет!» Однако перед самым боем, когда Петр увидел горящие адским пламенем глаза противника, сердце его сжалось в недобром предчувствии. Он почти физически ощутил волны темной, злой энергии, исходящие от Апраксина.

Натиск Сергея был молниеносен и сокрушителен обманный маваши в висок, прямой кулаком в живот, со срывом дистанции локтем в лицо. Последний удар сломал переносицу. Из носа обильно хлынула кровь. Савельев отчаянно защищался, пытался контратаковать, но противник значительно превосходил его по технике. Болезнь и повышенная температура также сыграли свою роль. Апраксин легко отразил все удары Савельева и, снова сблизившись, безжалостно врезал коленом в кишечник⁴⁷.

Петр сложился пополам. Следующий удар локтем сверху в склоненную шею стал смертельным. Савельев медленно осел на пол.

– Убедительную победу одержал Сергей Апраксин, – громко объявил рефери, с некоторой опаской поглядывая на искаженное гримасой дьявольской радости лицо победителя.

Между тем тело Савельева положили на носилки и вынесли с ринга.

– Мертв, – сказал врач в медпункте, быстро осмотрев поверженного гладиатора.

– Проклятие, – пробормотал присутствующий здесь один из хозяев тотализатора. – Не повезло парню...

Апраксин сразу понял, что убил противника, более того, он сделал это сознательно, однако не испытывал ни малейших угрызений совести. Сказывалось промывание мозгов, устроенное ему госпожой Риммой. Восторженный рев пьяной публики переполнял оболваненную душу Сергея бешеным восторгом.

Ожидая Синицына, он вальяжно развалился на табуретке в углу ринга, кидая время от времени по сторонам надменные взгляды.

– Савельев умер, – шепнул подошедший сзади рефери.

– Велика беда!

– В следующий раз будь поаккуратнее!

– Здесь не школа бальных танцев, – огрызнулся Апраксин, – смертельные случаи бывали и раньше, а что щенок сдох его проблемы! Я не виноват! Так уж получилось!

Предупреждение рефери сильно подпортило настроение Сергею.

– «Чистоплюи хреновы! Дерьмо собачье! Указывать мне посмели, засранцы! – метались в голове яростные мысли. – Поаккуратнее, вашу мать! Ладно, я вам устрою представление! Век не забудете!»

Валерий Синицын, симпатичный парень лет двадцати пяти, до удара гонга подошел к Апраксину, дружелюбно улыбнулся и протянул руку, как требовали того правила приличия, но в ответ услышал грязную ругань. Валерий изумленно приподнял брови. Конечно, бои без правил вещь жестокая, но откуда такая злоба?! Лютая и беспричинная?

Ведь они с Апраксиным даже незнакомы!

Пожав плечами, Синицын вернулся в свой угол...

⁴⁷ Это очень опасный удар. Боль примерно такая же, как при ударе в пах. К тому же в пятидесяти процентах из ста (если бьет профессионал) возможно обильное внутреннее кровоизлияние и смертельный исход.

Шевчук после медпункта не поехал домой, а, приняв две таблетки седалгина⁴⁸, решил дожидаться конца состязаний. Он попал в зрительный зал как раз к началу поединка между Апраксиным и Сеницыным. То, что он увидел, вызвало у Андрея сперва недоумение, потом возмущение и, наконец, негодование. Сеницын был слабее противника примерно раза в два, и на ринге происходил не бой, а избиение, медленное, издевательски-садистское. Под конец (на шестой минуте) лицо Сеницына превратилось в бесформенную кровавую маску, сломанная в локтевом суставе правая рука повисла плетью, а подкованные⁴⁹ ноги едва могли передвигаться. Тогда Апраксин жестоким ударом разбил ему пах, небрежно рубанул ребром ладони по шее и горделиво поставил ступню на голову потерявшего сознание человека.

– Мерзавец! – не удержавшись, выкрикнул с места Шевчук. – Садист проклятый!

– Я вызываю на смертный бой Алексея Сорокина не позднее ближайших состязаний, если, конечно, он не струсит, – с дьявольской надменностью объявил Сергей. – Затем, Шевчук, придет твой черед.

Публика замерла в удивлении и предвкушении необычного зрелища.

– Совсем как в американском боевике, – шепнул на ухо один из хозяев тотализатора другому.

– Не нравится мне это, – хмуро ответил тот.

– Перестань чушь пороть! Лучше представь, какие будут бабки! Взвинтим цены за билеты в два, нет, в три раза!

– Но...

– Я сказал, перестань! Бизнес есть бизнес!

Между тем Апраксин торжественно удалился в раздевалку.

– «Взбесившаяся сволочь», – подумал Шевчук и, не мешкая ни секунды, отправился домой к Сорокину...

⁴⁸ Мощное обезболивающее. Побочный эффект повышенная сонливость.

⁴⁹ То есть отбитые лай-киками и прямыми ударами в голень.

Глава 8

Двадцать седьмого декабря тысяча девятьсот девяносто шестого года Алексей Сорокин подхватил разгулявшийся по Москве грипп, причем в самой тяжелой форме. Температура подскочила до сорока двух градусов⁵⁰. Алексей механически глотал лекарства, подносимые перепуганными матерью и сестрой, временами проваливался в тяжелое забытие. Он не бредил и не терял ясности мысли, однако есть ничего не мог, только беспрестанно пил теплую воду.

– Успокойтесь, – хрипел Сорокин плачущим женщинам. – Все в порядке!

Но его осунувшееся пылающее лицо и ввалившиеся, подернутые мутной пленкой глаза убеждали в обратном. Сны Алексея были ужасны. Правда, очнувшись, он не мог вспомнить их содержание. Оставалось лишь ощущение чего-то вязкого, липкого, жуткого.

Наконец, после огромных доз жаропонижающего, температура упала до сорока, но опускаться ниже упорно не желала.

В ночь с двадцать девятого на тридцатое Сорокину, как обычно, снился кошмар, но на сей раз он запомнил увиденное вполне отчетливо. Бассейн, до краев наполненный дымящейся кровью. Посредине, дьявольски хохоча, плескался Апраксин. В лице Сергея не осталось ничего человеческого. Глаза пылали безумием, гнусная ухмылка кривила рот. Заострившиеся и удлинившиеся в три раза больше нормального зубы выпирали наружу. Заметив Алексея, Сергей гадко хихикнул: «У-тю-тю, мой хороший! Не стоило ругать госпожу Римму! Видишь, как мне теперь хорошо, а тебя все равно убью... убью... убью...» Апраксину вторил издевательский визгливый женский голос, беспрестанно повторявший: «Заколдую, заколдую. Погублю, погублю... Заколдую, заколдую... Погублю, погублю!» Алексей почему-то не испытывал ни капли страха, только глубокое отвращение.

– Посмотрим, кто кого! – спокойно сказал он. В ответ послышался злобный вой, видение заколебалось и исчезло. Алексей очутился на широкой равнине, покрытой зеленой травой. К нему подошел высокий старик с белоснежной бородой и ясными глазами. От него исходила могучая аура душевного тепла и доброты.

– Мужайся, мальчик, – улыбнулся старик. – Не страшись нечисти. Но не забывай о главном!

– О чем? – робко спросил Сорокин.

– О том, что ты получил при рождении...

Произнеся эти слова, старик пропал, а Алексей проснулся.

Часы показывали восемь утра. Сорокин с криком уселся на кровати, разыскал на близстоящем журнальном столике сигареты, придвинул пепельницу и закурил, хотя врачи настоятельно рекомендовали воздерживаться от табака во время болезни. «Что же я получил при рождении? О чем говорил старик?! Это что-то очень важное, внушающее страх нечистой силе... О боже! Ну конечно!»

Накинув халат, Алексей вышел в коридор и постучал в дверь матери, которая спала в соседней комнате.

– Мам, ты не спишь?

– Нет, сынок, заходи!

– Мам, где мой натальный крест, ну тот, которым ты меня в детстве крестила?

– Слава тебе, господи! – умилилась женщина. – Вспомнил наконец. Вот, держи!

– Спасибо.

Сорокин бережно повесил на шею простой медный крестик на кожаном шнурке.

– Ты как себя чувствуешь, мама?

⁵⁰ В принципе такая температура считается смертельной, но это не всегда так. Знаю по собственному опыту.

– Сегодня хорошо.

Мать Алексея давно страдала гипертонией.

– Тогда сходи, пожалуйста, в церковь и принеси святой воды или Маринку пошли...

– Нет, нет, Леша, я сама...

Святая вода оказала на Сорокина поистине волшебное воздействие.

После первых же глотков на теле выступили крупные капли пота, голова прояснилась. Сердце стало биться не судорожными рывками, как раньше, а спокойно, размеренно. Температура упала к вечеру до тридцати восьми. Для Алексея сущий пустяк! Впервые с начала болезни он смог немного поесть. Мать в своей комнате читала благодарственные молитвы. А в двенадцать ночи объявился возбужденный Шевчук...

Убив Савельева и искалечив Синицына, Апраксин пребывал на седьмом небе от счастья, ощущал себя героем, сверхчеловеком. Упоенный одержанными победами, Сергей не задумывался о том, что противники были гораздо слабее его, зато с наслаждением вспоминал хруст ломающихся костей, хлещущую фонтанами кровь...

Эйфория длилась около двух часов, затем при воспоминании о Сорокине сменилась лютой злобой.

К тому времени Апраксин успел добраться до дома.

– Гнида! Ублюдок! Ненавижу! – рычал он, пиная ногами мебель. – Уничтожу! С грязью смешаю!

– Сережа, у тебя все в порядке? – заглянула в комнату встревоженная шумом мать.

– Отстань! – грубо рявкнул сын, и женщина поспешила к мужу.

– Сережа сегодня какой-то психованный! – пожаловалась она.

– Ерунда, – добродушно махнул рукой слегка поддатый Апраксин-старший и налил себе очередную рюмку первосортного коньяка: – Нервный срыв, с молодежью бывает!

– Сущий зверь, я его абсолютно не узнаю, будто подменили! – завершив рассказ о сегодняшних событиях, горестно вздохнул Шевчук.

– Неудивительно, – мрачно заметил Сорокин.

– Ты о чем?

– Неважно.

– А все-таки?

– Он ходил на сеансы к некой госпоже Римме, белому магу якобы, а по сути просто ведьме, ведь никакой разницы между белой и черной магией не существует, и сразу же резко изменился. Был нормальный парень, а стал... И-эх... – Алексей устало опустил на подушку.

– Ты примешь вызов?

– Разумеется. Когда следующие состязания?

– Сразу после праздников. Как только публика проспится.

– Я обязательно приду!

– Алексей, но ты болен!

– Выздоровею... Ключица болит? – сменил Сорокин тему разговора.

– Ноет, гадина.

– Ничего, трубчатые⁵¹ кости быстро срастаются. Недели через полторы можешь снимать гипс и разрабатывать руку...

– Успею ли?

– ???

⁵¹ Ключица трубчатая кость, т. е. полая изнутри.

- Вслед за тобой Апраксин вызвал на смертный бой меня!
- Не беспокойся, – грустно улыбнулся Алексей.
- Драться с тобой он будет не в состоянии.

После ухода Шевчука Сорокин до утра не сомкнул глаз. Старый приятель превратился в натурального вурдалака, сделался крайне опасен для окружающих и теперь его, Алексея, ни с того ни с сего публично вызывает на смертный бой! Если откажешься, во-первых, покроешь себя позором, во-вторых, все равно не остановишь зверюгу. С какой, спрашивается, стати нужно было убивать Савельева? Тот в любом случае не продержался бы против Апраксина дольше трех минут!

Вызов необходимо принять и раз и навсегда лишить Сергея возможности выступать на ринге. Но как? Убить?! Только если не будет иного выхода. Незачем на душу лишний грех брать да руки в крови пачкать... Вломить как следует, авось поумнеет? Не поумнеет! Он полностью во власти ведьмы! Что же остается? Сломать хребет, сделать паралитиком? Это даже хуже смерти...

Всю ночь Алексей метался по постели, вставал, ходил из угла в угол, часто курил, однако ничего подходящего не придумал.

В конце концов он решил положиться на волю божью, выпил большую дозу снотворного и с грехом пополам задремал. Снились ему перекошенное от злобы лицо Апраксина и залитый кровью ринг с мертвым Савельевым. В отдалении гнусно хихикала длиннolica блондинка...

Получив от Апраксина фотографию Сорокина, госпожа Римма сперва решила наслать на Алексея порчу, несколько раз принималась за дело, но неизменно останавливалась на полпути. Чутье подсказывало ведьме, что это опасно⁵², что есть у парня надежные защитники. Она помнила немало своих коллег, погибших лютой смертью во время подобных занятий. «Пушай уж лучше этот кусок мяса (так мысленно именовала Римма Сергея) сам прикончит приятеля, если же нет... Придется искать другие пути...» Тридцать первого декабря, выслушав хвастливый рассказ Апраксина об одержанных победах, целительница воспряла духом.

– С Сорокиным так же расправишься? – ведьма теперь не церемонилась, обходила без вы.

Апраксин самодовольно выпятил грудь и раздулся от важности, как индюк.

- Раз плюнуть!
- Молодец!

Сергей поглядел на ведьму с собачьей преданностью, и если б имел хвост, то непременно бы им завилял.

– Пока он жив, от порчи тебе не избавиться, – на всякий случай напомнила Римма.

– З-з-наю! – процедил сквозь зубы Апраксин. Воображение незамедлительно нарисовало соблазнительную картину: Алексей в луже крови с лицом-месивом и со сломанной шеей. – На куски разорву гада! – с ненавистью добавил Сергей.

– Умница! – мурлыкнула ведьма...

Однако вечером того же дня разговор с шефом значительно поумерил ее восторги.

– Я навел справки, – подражая булгаковскому Воланду, низким, тяжелым голосом произнес шеф. – Последние победы твоего протеже гроша ломаного не стоят. Оба его противника были слабы и никуда не годились. Сорокин же боец высшей квалификации, гораздо лучше Апраксина!

⁵² По признанию самих колдунов, порча занятие весьма рискованное. Если человека, на которого наводят порчу, защищают светлые силы, то посланные колдуном бесы, получив решительный отпор, возвращаются обратно и с удвоенной яростью набрасываются на него самого.

– Что же делать? – проскулила Римма. – Может, вы как-нибудь по-другому от него избавитесь? Нанять киллера не так уж дорого...

– Не-ет! – яростно прохрипел шеф. – И дело тут не в деньгах! Нам нужно продемонстрировать свое могущество. Сорокин умрет на ринге, а мы пустим слух: Апраксин стал непобедимым благодаря магии! В общем, напускай порчу постепенную: несколько дней пускай потихоньку чахнет, а потом загнется прямо во время боя, или ты не справишься?

Пронзительные черные глаза, казалось, буравили Римму насквозь. Она, зная возможные последствия немилости главара секты, мгновенно покрылась холодной испариной.

– Справлюсь! – с трудом выдавила целительница.

– Ладно, иди!..

Глава 9

Хозяева тотализатора, которым не терпелось сорвать хороший куш, назначили смертельный суперпоединок Апраксин-Сорокин на пятое января, рассчитывая, что к этому дню завсегдатаи более-менее протрезвеют, а если не протрезвеют, то приползут и так уж больно необычное предстояло зрелище.

Утром третьего января рефери, в миру Виталий Александрович Рыбаков, позвонил Сорокину домой.

– Как здоровье, Леша? – вкрадчиво осведомился он.

– На троечку! – прокашлявшись, сказал Алексей.

За прошедшее время ему удалось сбить температуру до 37,2, однако грипп до конца не отступил. Насморк, кашель, общая слабость...

– Вот и чудесно! – преувеличенно обрадовался Рыбаков. – К пятому числу будешь как огурчик! Ставки огромные, все билеты проданы! Смотри не подкачай!

– Я приду, – лаконично ответил Сорокин и повесил трубку. Решил пойти заварить чаю, встал с кровати, но неожиданно пошатнулся и едва не упал. Глаза застлала мутная пелена, в сердце впиалась холодная игла, и без того ослабевшее тело превратилось в студень. Алексею померещился далекий злорадный смешок. «Что за чертовщина?!» – удивленно подумал он. «Действительно чертовщина! – прозвучал внутри головы приятный мелодичный голос. – Езжай в Лавру, к старцу».

– К кому, к кому? – вслух спросил пораженный Алексей.

– Костров подскажет, – ответил голос и пропал.

Непослушной рукой Сорокин механически набрал номер телефона Малинина. Тот, по счастью, оказался дома.

– Витя, приезжай, – еле слышно попросил Алексей.

– Что случилось?!

– М-мне с-срочно н-нужно в Сергиев Посад, а я н-не могу с-сесть за руль. Я бы п-попросил Шевчука, но у н-него сломана ключица...

– Хорошо, жди, сейчас буду! – В трубке послышались короткие гудки.

– Сынок, в чем дело? – в комнату заглянула встревоженная мать.

– Д-дай святой воды...

После нескольких глотков стало легче. Прояснилась голова, тело сделалось более послушным. Сорокин кое-как оделся... Вскоре приехал Малинин. Не задавая лишних вопросов, он помог Алексею спуститься вниз по лестнице и бережно усадил в машину...

Дорогу до Сергиева Посада Сорокин помнил плохо. Ледяная игла периодически терзала сердце, горло сдавливали спазмы удушья, резко подскочила температура. Иногда он терял сознание, а когда машина въехала в город, окончательно отключился...

– К сожалению, старец болен и никого не принимает – (кажется, голос Кострова).

– А ты спроси! Видишь, парень кончается – (это Малинин, как всегда, настырный).

– Ладно, подождите...

Сорокин медленно выплывал из небытия. Руки и ноги покалывали приятные иголочки, будто его окунули в нарзанный источник. Тьма постепенно отступила. В глаза ударил яркий дневной свет.

– Тебе лучше? – над Алексеем склонилось участливое лицо Малинина.

– В-вроде да!

– Отлично, а вот и твой друг.

Широким шагом к ним приближался Костров.

– Старец тебя примет, – с ходу выпалил бывший тренер. – Более того, он знал, что ты сегодня приедешь, – в голосе Кострова звучало некоторое удивление. – Можешь идти?

– Н-не знаю...

– Ничего, мы поможем. Эй, парень, давай вместе.

– Раз, два, взяли!..

– Оставьте нас, – тихо сказал старец, и Малинин с Костровым поспешно вышли из кельи. Старец был высок ростом, худощав. Изможденное, как на древних иконах, лицо обрамляла длинная седая борода. В глазах светилась бесконечная доброта. Вместе с тем в нем ощущались огромная внутренняя сила и нестигаемая железная воля.

– На тебе порча. Не бойся. При помощи господней ты от нее избавишься, но сперва исповедуйся.

Сорокин начал говорить. Слова лились легко, свободно. Алексей рассказывал даже о том, о чем сам давно забыл.

Внимательно выслушав его, старец совершил обряд отпущения грехов, затем, встав на колени перед иконами, принялся читать молитвы...

Госпожа Римма, обработав очередного клиента, решила сделать небольшой перерыв и, развалившись в кресле, закурила тонкую коричневую сигарету.

Ведьма находилась в прекрасном расположении духа. Напуск порчи на Алексея Сорокина прошел без сучка без задоринки. Выходит, зря она боялась. Теперь мальчишке точно конец. Шеф останется доволен.

Римма торжествующе ухмыльнулась, и тут внезапно горло сдавила невидимая петля. Ведьма захрипела, судорожно замахала руками, попыталась позвать на помощь, но голос не слушался. На губах выступила пена. Комнату заволочло тусклой красноватой мглой. Прямо перед Риммой появился один из повелителей⁵³. Черное, как сажа, козлоподобное лицо кривилось от ненависти.

– Безмозглая сука! – прорычал он. – Подставила, тварь! Ну я тебе покажу!

Из кельи старца Алексей Сорокин вышел совершенно здоровым.

– Ну как? – хором спросили ожидавшие снаружи Костров с Малининым.

– Отлично! – улыбнулся Сорокин.

– Что он сказал?

– Почаще ходить в церковь, исповедоваться, причащаться и никогда не снимать креста.

– Ты говорил ему об Апраксине? – поинтересовался Малинин.

– Да, – сразу помрачнел Алексей. – Сергей конченный человек. Невозможно спасти того, кто добровольно отдал душу врагу рода человеческого. Апраксин теперь полностью во власти нечистой силы и исключительно опасен для окружающих. Оказывается, он убил не только Савельева, но и какого-то парня на улице. Убил просто так, забавы ради...

– А насчет послезавтрашнего поединка ты посоветовался? – осторожно осведомился Костров.

– Да. Старец приказал вести бой честно и ни в коем случае не стремиться к убийству. Господь сам рассудит нас...

Пятого января тысяча девятьсот девяносто седьмого года тотализатор был переполнен до отказа. Хозяева рассчитали верно. Завсегдатаи, несмотря на степень протрезвления, яви-

⁵³ Бесов.

лись все до единого да еще привели с собой друзей. Очередь к бару напоминала времена горбачевского сухого закона. «Три тысячи баксов на Апраксина...» – «Две штуки на Сорокина...» – «Апраксин из него котлету сделает. Натуральная машина смерти!...» – «Ха, держи карман шире!...» – перекрикивали друг друга хмельные голоса... Владельцы тотализатора, подсчитывая прибыль, радостно потирали руки: неважно, кто победит сегодня. Они так и так внакладе не останутся. Первым на ринге появился Апраксин, надменно оглядел беснующийся в пьяном восторге зал, слегка кивнул зрителям и уселся на табуретку в своем углу, с нетерпением поджидая противника. Сергей не сомневался в успехе. Правда, с госпожой Риммой встретиться не удалось. Секретарь сказал, что она уехала в командировку (на самом деле ведьма валялась в постели при смерти, бредила и ходила под себя). Но Апраксин об этом не знал, очень надеялся на помощь космических сил и время от времени любовно поглаживал полученный от Риммы нашейный амулет. Сорокина он встретил ненавидящим взглядом. «На куски разорву гада!» – мысленно повторил Сергей данное ведьме обещание. Наконец ударил второй гонг, возвещающий о начале схватки...

Выполняя указания старца, Алексей вел бой по-джентльменски и не наносил Апраксину смертельных ударов, хотя ему не раз представлялась такая возможность.

Жесткий апраксинский ёко-гери в грудь... мягкий уводящий блок... Прямой кулаком в подбородок... Алексей, развернув боком корпус, ушел в сторону и на мгновение очутился за спиной у провалившегося Сергея, но вместо того, чтобы врезать локтем в основание черепа (верная смерть), хлестнул раскрытой ладонью по затылку. Слегка оглушенный Апраксин злобно завыл.

Развернувшись, он высоко подпрыгнул, нанося сокрушительный ура-маваши в висок. Сорокин быстро присел и, выпрямившись, простым толчком в грудь отправил потерявшего баланс Сергея на пол. Вскочив на ноги, Апраксин заскрежетал зубами в бессильной ярости. Лицо его исказилось до неузнаваемости. «Убь-ю-у!» – прохрипел Сергей, собрался атаковать и вдруг замер как громом пораженный. От креста на груди Алексея исходили лучи ослепительного света. Ведьмин же амулет жег огнем грудь Апраксина. Он попытался вдохнуть побольше воздуха, но не смог. Горло сдавил раскаленный ошейник, кровь прилила к голове, и пришла смерть.

Сергей пошатнулся, взмахнул руками и грохнулся навзничь. Лицо налилось синевой, глаза выкатились из орбит.

Не понявшая, в чем дело, публика громкими криками приветствовала победителя.

В тот самый момент, когда умер Апраксин, черти явились за душой госпожи Риммы. Целительница испустила жуткий вопль, забилась в конвульсиях и скончалась. «Пошли в ад, лахудра, – прорычал демон съезженной перепуганной душе. – Твое время на земле кончилось!»

Не обращая внимания на зрителей, Алексей грустно смотрел на изуродованное insultом лицо бывшего товарища. «Действительно суд божий!» – подумал Сорокин, оттолкнул в сторону рефери, пытавшегося поднять вверх его руку, и молча направился в раздевалку...

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их.
(Евангелие от Матфея, 7:1517).

Гладиатор

Пролог

Зрительный зал представлял собой небольшой амфитеатр наподобие древнеримских. Посреди – сильно утопленная в пол и огражденная на всякий случай прочной стальной решеткой арена. Трибуны заполняла нарядная, оживленная публика, с нетерпением предвкушающая экзотическое зрелище.

– Ленечка, Ленечка, – щебетала расфуфыренная дама неопределенного возраста, дергая за рукав своего спутника – пожилого мужчину с мягким, внушительных размеров брюхом, – когда же начнется?

– Не суетись, Вера, – раздраженно отвечал он, не сводя глаз с арены. – Уже скоро!

– А правда, что бой будет насмерть?!

– Естественно!

– Наверняка обманут, – надула дама накрашенные губы.

– Исключено, – отрезал толстяк. – Тебе представят неопровержимые доказательства.

Вера скептически хмыкнула.

– Ладно, – сказал Ленечка. – Увидишь собственными глазами и, если заметишь фальшь...

– Ты купишь мне две соболиные шубы и бриллиантовое кольцо, – поспешно договорила женщина с нескрываемым злорадством.

– Договорились, – безмятежно отозвался ее кавалер.

Вера опешила, удивленно вытаращилась...

* * *

В это самое время в комнате за дверью, ведущей на сцену, происходила следующая беседа.

– Драться до конца и без дураков, понял, Валет? – говорил подтянутый мужчина средних лет, обращаясь к молодому парню, единственной одеждой которого было туго обтягивающее черное трико.

– Знаем, не впервой, – хмуро отвечал Валет.

– Чудненько... – улыбнулся мужчина. – Победишь – получишь приз: отличный харч, пойло и, – тут он заговорщицки подмигнул, – возможно, бабу.

На лице парня отобразилось изумление:

– Чего?! Не брешите, Валентин Степанович!

– Отвечаю за слова!

– А вы не боитесь, что она потом проболтается?

– По поводу?!

– Ну хотя бы о том, что здесь творится!

Валентин Степанович, уловив недосказанную мысль собеседника, громко расхохотался.

– Мудила ты, – укоризненно сказал он. – Телке никогда не выйти из этих стен, такая же беспризорная шваль, как ты, хоть и симпатичная. Так что жалься ей сколько влезет и на меня, и на фирму, и на судьбу-злодейку, если жив останешься.

– Кто противник? – сменил тему разговора Валет.

– Новенький, прозвище Красный Бык.

– Силен?

– Сам увидишь, или порядок забыл? – угрожающе оскалился Валентин Степанович. – Так мы живо напомним!

– Не надо! – В глазах парня мелькнул страх.

– То-то же! А теперь хорош базарить, скоро гонг!

* * *

Между тем публика в зале начала проявлять признаки нетерпения.

– Тянут кота за хвост... Какого черта?!

– У меня время не казенное... Безобразие! – слышались возмущенные возгласы.

Когда страсти накалились до предела, неожиданно прозвучал гонг. Мгновенно воцарилась тишина.

– Дамы и господа, внимание! – донесся из динамиков приятный баритон. – Сегодня вы станете свидетелями незабываемого зрелища. Бой насмерть! Без правил! Как у древних римлян! Один из дерущихся должен погибнуть. Правда, у вас есть привилегия даровать побежденному жизнь, если противник не убьет его сразу. Напоминаю: большой палец, поднятый вверх, означает помилование проигравшему, опущенный вниз – смерть. В левом углу – Черный Валет, в правом – Красный Бык. Схватка начинается!

Снова ударил гонг. Фигуры в черном и красном трико ринулись на середину сцены и яростно, словно два бешеных пса, вцепились друг в друга. Ни тот, ни другой не отличались особыми бойцовскими навыками, но желание выжить в совокупности с предварительной обработкой довело их до безумия. В ход шло все: кулаки, ноги, колени, локти, головы, зубы, ногти... Брызгала кровь, на губах пузырилась пена. Публика на трибунах подвывала от восторга. Пузатый Ленечка, плотоядно ощерившись, подался вперед. Мясистое, покрытое потом лицо налилось кровью.

– Давай, Черный! Бей гада, рви! – истерично вопил толстяк (он поставил на Валета значительную сумму).

– И-и-и! – на высокой ноте верещала Вера.

Ухоженная, лошенная дама превратилась в натуральную мегеру: сделанная в дорогой парикмахерской прическа растрепалась, глаза горели садистским восторгом, из полукрытого рта капала слюна. Да и остальные зрители уже напоминали не людей, а скорее чертей из ада, ухитрившихся сотворить исключительную гадость и ликующих по данному поводу...

Схватка на арене близилась к концу. Черный Валет повалил Красного Быка на пол и изо всех сил лупцевал поверженного противника кулаками. Остановился Валет, лишь когда полностью выдохся. Лицо Красного Быка превратилось в кровавую маску. Он не шевелился и не подавал признаков жизни.

«Вроде готов», – с облегчением подумал Валет, поднимаясь на дрожащие от усталости ноги.

Рядом, будто из-под земли, появился человек в белом халате, наклонился над Быком, пощупал пульс.

– Мертв! – громко объявил он.

– Доказательства! Где доказательства?! – завизжала Вера.

Ей вторило множество голосов.

– Сей момент, – усмехнулся врач и крикнул, обернувшись к выходу с арены: – Эй, ассистент, сюда! Клиенты не верят моему диагнозу!

«Ассистент», огромного роста бугай в черной маске и со сверкающим остро заточенным топором в руках, не заставил себя долго ждать. Приблизившись к распластанному телу, «ассистент» широко размахнулся, нанес удар, затем нагнулся и, схватив за волосы отрубленную голову, продемонстрировал публике...

* * *

«Мерседес» мягко катил по ночному шоссе. Высококачественный кондиционер создавал в салоне машины приятную прохладу. Ленечка довольно улыбался. Выбор его оказался удачен, и в кармане приятно похрустывала солидная пачка выигранных долларов.

– Ну, Верочка, понравилось? – спросил он немного подрагивающим от пережитого возбуждения голосом.

– О да, милый! Это... это просто восхитительно!!!

Глава 1

Затравленный и прижатый к стене кот превращается в льва.
Сервантес

В зале ожидания Н-ского вокзала было душно. Многочисленные людские голоса сливались в неразборчивый гул. С трудом разыскав свободное место, Алексей Рюмин прикрыл глаза и попытался уснуть, но мешал слипшийся от голода, ноющий желудок, а в карманах не было ни рубля, впрочем, как и документов. Бомж – человек без определенного места жительства.

Социологическое определение – «индивид, выбитый из сетки ролевых отношений». Всеми презираемое, отверженное существо. Заметят менты на улице мертвого плохо одетого человека, приглядятся, сморщат в отвращении физиономию да скажут: «Бомжара подох, сволочь! На нашем участке! Возись теперь с ним! Давайте-ка, пока никто не видит, оттащим его на соседний».

На соседнем аналогичная картина. Тут тоже постараются сбegrить мертвеца. И при жизни он никому не был нужен, а уж после смерти тем паче. Бомжи бывают разные, и далеко не всегда это спившиеся, утратившие человеческий облик субъекты. В наше время бурного роста демократии (принимающей подчас довольно причудливые формы), дикого рынка и всеобщего суверенитета прослойка бомжей выросла до невероятных размеров за счет жертв квартирной приватизации, многочисленных беженцев из ставших независимыми союзных республик (а по сути, провинции загубленной в начале века великой Российской империи) и так далее и тому подобное.

Алексей не относился к «коренным», спившимся бомжам. Он... Впрочем, какая разница! Пусть читатель придумает историю его падения сам. Скажу лишь одно: Рюмин почти не брал в рот спиртного и несколько месяцев назад даже представить не мог, в каком отчаянном положении окажется. Алексей был двадцатипятилетним высоким, широкоплечим, хорошо сложенным парнем с приятным лицом, голубыми глазами и темно-каштановыми волосами. Правда, за последнее время мышцы опали от постоянного недоедания; лицо заросло неряшливой щетиной, давно не стриженные, немые волосы свалились в сальный колтун, а глаза ввалились и приобрели затравленное выражение. «Доблестные» служители закона с бомжами не церемонились. Простые обыватели смотрели с презрением, не подозревая, что когда-нибудь сами могут очутиться на «дне» жизни (за жестокосердие господь бог наказывает сурово).

Однако я отвлекся.

Итак, Алексей Рюмин пытался заснуть, но ему мешал голод. Кормился Алексей главным образом разгрузкой вагонов на товарных станциях. Платили негусто (чего церемониться со всякой швалью) и часто обманывали.

«Катись коlobком, бомжара! Ха-ха-ха! Иди жалуйся в милицию». Поэтому вот уже три дня Рюмин практически ничего не ел. Теоретически существовала возможность подкрепиться остатками пищи в вокзальном буфете, но, во-первых, мешала не до конца утраченная гордость, во-вторых, даже в охоте за обедами царила жестокая конкуренция. Буфет был поделен невидимой границей между оплывшей старухой и мужиком лет тридцати-пятидесяти с разукрашенным синяками лицом и свернутым набок носом. Жадными, цепкими взорами они следили за жующими пассажирами. Едва кто-то оставлял недоеденный хлеб или недопитый пластиковый стаканчик, один из них коршуном налетал на столик и тут же поедал, допивал оставленное.

Тяжело вздохнув, Алексей открыл глаза и настороженно огляделся по сторонам, опасаясь увидеть «стражей порядка». Вчера Рюмину удалось улизнуть от одного из них, жирного, медлительного, увернуться от занесенной над головой дубинки, в отчаянии лягнуть мента ногой

в коленку и, пока тот, охая, хватался руками за ушибленное место, скрыться за углом. Однако кто знает, повезет ли снова?

В течение последующих десяти минут отяжелевшая от недосыпа голова Алексея боролась с бурчащим от голода желудком, затем, когда голова начала потихоньку побеждать, прямо над ухом рывкнул грубый голос: «Эй ты, встать! Пошли со мной!»

* * *

За день до описанных событий Николай Колосов имел весьма неприятный разговор с главой «фирмы», Василием Андреевичем Завадовским. Василий Андреевич развалился в мягком кресле и испепелял Колосова ненавидящим взглядом. Съежившийся на жестком стуле, Николай чувствовал себя крайне неуютно.

– Паршивый товар поставляешь, Коля! – цедил сквозь зубы Завадовский. – Сплошные доходяги! Нет, милый мой, так дело не пойдет! Кого ты мне позавчера привез? А?! Жертву Освенцима! Ну скажи, на что годен дистрофан?! На хаш? Какой, к чертовой матери, из него боец?! Хочешь распугать нам всю клиентуру или сам на арену выйти?

Колосова прошиб холодный пот. Шеф вполне способен на такой шаг.

– Василий Андреевич! – умоляющим тоном начал он. – Помилуйте! Как среди этой швали найти Геркулеса? Они все...

– Молчи! – окрылся Завадовский. – Не буди во мне зверя! Тебе за каждого «рекрута» деньги платят, причем немалые! Ладно, – немного смягчился он, полностью насладившись созерцанием убитой физиономии Николая. – Я ж не требую готового Шварценеггера! Главное, чтоб имелся подходящий костяк, а мышцы... Ну, подкормим хмыря, малость подкачаем, подучим... Мы ведь всегда так поступаем. Вчерашний же ублюдок... Ревматизм, цирроз печени, недержание мочи...

– Василий Андреевич, клянусь, завтра в лепешку расшибусь, но приведу какого нужно, – зачастил Колосов. – Ей-ей, не вру!!!

– Хорошо, свободен, – махнул рукой Завадовский, вытащил из коробки сигару, откусил кончик и неторопливо прикурил...

* * *

– За что, начальник?! Отпусти! – взмолился Алексей, жалобно глядя на чугунорылого здоровенного сержанта.

– Вставай и не вякай, – злобно ответил мент. – Я знаю, за что! Шагай, отребье!

Вопреки ожиданиям Рюмина сержант не повел его в привокзальное отделение, а вытолкнул на улицу. Несмотря на август, было довольно свежо, и оголодавший, обессиленный Алексей затрясся в ознобе.

– Куда мы идем? – осмелился спросить он и вместо ответа получил болезненный удар резиновой дубинкой по спине.

– погоди, сержант, не распускай руки, – вдруг услышал Рюмин спокойный, властный голос. Оглянувшись, он увидел спортивно сложенного мужчину лет тридцати с небольшим, направлявшегося в их сторону.

– Оставь парня, я его знаю, – продолжал неожиданный спаситель.

– Тогда другое дело, – на удивление быстро сдался сержант. – А я подозревал...

– Напрасно, – отрезал мужчина.

Спустя полчаса они сидели за столом в небольшой, но уютной квартирке незнакомца, который назвался Витей. Рюмин жадно поглощал пищу, урча, как дикий зверь, однако Витя делал вид, что не замечает подобного бескультурья, и лишь сочувственно покачивал головой.

– Теперь выпей за мое здоровье, – предложил он, заметив, что Алексей насытился и откинулся на спинку стула.

С этими словами Витя плеснул в рюмку из небольшой красивой бутылки.

Как мы помним, Рюмин почти не пил, но разве можно отказать выручившему тебя человеку в столь ерундовой просьбе? Алексей не задумываясь опрокинул в рот содержимое рюмки и мгновенно провалился в забытие, даже не успев осознать случившееся.

– Хороший экземпляр, широкоплечий! Шеф останется доволен, – удовлетворенно пробормотал «Витя», он же Николай Колосов, затем подошел к телефону, набрал номер и произнес в трубку короткую фразу: – Товар готов, высылайте транспорт...

Глава 2

Первым ощущением была жуткая головная боль. К ней присовокуплялись омерзительный привкус во рту, тошнота и боль в желудке. Глухо застонав, Алексей Рюмин разлепил глаза. Он лежал на деревянной кушетке в небольшой комнате с бетонным полом, неоштукатуренными кирпичными стенами и железной дверью. Под потолком горела тусклая электрическая лампочка. Память возвращалась с трудом, обрывками: вокзал... зал ожидания... Грубый миллицейский рев над ухом, а потом... потом пустота!

«Загребли в ментуру, – вяло подумал Рюмин. – За что? А, какая разница! Ведь я бомж, бесправное создание! Может, мне хотят навесить одно из нераскрытых дел?» Он попытался сесть, но по затылку будто треснули тяжелым молотком. Виски сдавило тисками, в глазах потемнело. «Лучше пока полежу, – решил Алексей. – Дальше видно будет!»

Прошло некоторое время. Головная боль слегка утихла, и Рюмина сморил сон.

Алексей увидел себя в огромной помойной яме. Вокруг валялся дурно пахнущий мусор: кости, объедки, вонючие обрывки материи, скомканная грязная бумага и т. п. Алексей хотел встать, но, поскользнувшись, упал.

«Бомжара, вшивый бомжара!» – прозвучал в ушах злой гнусавый голос. Рюмин огляделся, однако никого не заметил.

Между тем голос продолжал измываться: «Никому-то ты, Леша, не нужен... не нужен... не нужен... Сдохнешь в этой яме, и никто не заметит! Людям на тебя глубоко плевать!»

«Но почему?!» – возопил Алексей, давась рыданиями.

«По закону джунглей, – с сарказмом ответил невидимый мучитель. – Вот так-с!»

– А-а-а-а!!! – истошно завопил Рюмин и проснулся.

Он находился все в той же комнате-камере, только теперь не один. Рядом стояли двое мужчин в ярких спортивных костюмах, с резиновыми дубинками в руках.

– Оклемался наконец, – ухмыльнулся один из них, рыжеволосый, с низким обезьяньим лбом. – Вставай! Будем приводить тебя в порядок.

– Где я? Кто вы?! – хриплым шепотом спросил Алексей.

– Глохни, мразь, – процедил рыжеволосый. – Иначе ребра пересчитаем!

Решив не искушать судьбу, Рюмин поднялся с лежанки. Ноги заметно дрожали, тело налилось свинцом.

– Топай! – толкнул его концом дубинки второй мужчина, похожий на бритую гориллу.

Алексей послушно вышел в коридор, очень напоминающий тюремный: плиточный пол, окрашенные грязно-зеленой краской стены, тяжелые двери камер.

– Прямо! – приказал Рыжий.

Вскоре они оказались около небольшой железной лестнки, ведущей вверх. Поднявшись по ней, Рюмин очутился в просторном помещении с несколькими дверьми.

– Филиппыч! – крикнул кто-то из конвоиров. – Принимай очередного бомжару.

– Щас, – отозвался гулкий бас, и перед Алексеем появился его обладатель, на удивление плюгавый человечек в кожаном фартуке и с резиновыми перчатками на руках.

– Скидывай свои лохмотья! – распорядился он. Рюмин торопливо разделся.

– В душ, – пробасил Филиппыч, указывая на одну из дверей. – Мыло и бритвенный прибор найдешь там! Шевелись...

Стоя под упругой струей горячей воды, Алексей окончательно перестал понимать происходящее.

Где он?! Что ждет его дальше?! Заведение тюремного типа, но явно не ментовское. Чепуха какая-то! «Ладно, после разберемся», – в конце концов махнул рукой Рюмин и при-

нялся тщательно намыливать голову. Вымывшись, он пошарил глазами по душевой, заметил зеркало с приделанной над ним деревянной полочкой, на которой лежала безопасная бритва, натер куском мыла лицо и принялся остервенело соскабливать дремучую щетину. Побрившись, Алексей снова встал под душ, наслаждаясь ощущением чистоты, и неизвестно сколько простоял бы так, но рассерженный бас Филиппыча: «Вылазь, козел, хватит копаться!» – прервал приятную процедуру. Наскоро обтеревшись пахнущим дезинфекцией полотенцем, Рюмин вышел наружу. Его одежда исчезла. Вместо нее на полу лежал серый, грубой материи комбинезон и резиновые калоши. У Алексея неприятно заглодело внизу живота. Еще не будучи бомжом, он как-то прочитал в книге, что именно такие калоши выдают смертникам.

– Чего уставился?! Одевайся! – рявкнул Филиппыч, терпение которого, похоже, иссякло. – Та дверь – парикмахерская. Живее, падла!

В «парикмахерской», небольшой комнате с кафельными стенами, Филиппыч указал Рюмину на пластиковое кресло и грубо обкорнал наголо под машинку, при этом издевательски заметив, что «французского одеколona сегодня не завезли».

Затем Алексей снова попал в руки своих обезьяноподобных конвоиров и, повинувшись тычкам дубинок, спустился по лестнице. Однако его не отправили обратно в камеру, а, проведя до конца коридора, впихнули в просторный зал, у дверей которого сидели на табуретках несколько мордovorотов. В зале уже находилось несколько человек, одетых в такие же, как у Рюмина, серые робы. Охрана осталась снаружи. Люди с любопытством оглядывали друг друга, но в разговор не вступали. Очевидно, все они, подобно Алексею, являлись здесь новичками, абсолютно ничего не понимали в происходящем и предпочитали на всякий случай помалкивать.

Ждать пришлось долго, не менее часа. За это время их компания пополнилась еще одним человеком. Наконец дальняя дверь в зале отворилась, и в нее вошел пожилой лысоватый мужчина, сопровождаемый дюжим телохранителем, вооруженным, в отличие от конвоиров Рюмина, короткоствольным автоматом.

Мужчина критически оглядел собравшихся, на секунду задержавшись взглядом на Алексее.

– Так-так, – протянул он, заложив руки за спину. – Так-так...

– Построиться по росту!!! В темпе!!! – свирепо зарычал телохранитель.

– Не шуми, Миша, – негромко сказал лысоватый, – формальности нам ни к чему.

Тем не менее «серокомбинезонники» проворно выстроились в ряд.

Мужчина едва заметно улыбнулся.

– Вы, естественно, не понимаете, где находитесь, кто с вами говорит и что с вами произойдет в дальнейшем, – неторопливо начал он. – Так вот, отвечаю по порядку. Где вы находитесь, объяснять не обязательно, все равно отсюда вам никогда не выбраться. Это первое. Второе – меня можете называть просто Хозяин. Третье – и самое главное – вы никто, и зовут вас никак, бомжи, отребье, отбросы общества. Уяснили?

В зале повисла гробовая тишина.

– Молчание – знак согласия, – резюмировал Хозяин. – Прекрасно! Тогда перейдем к основной теме нашей беседы. Хотя вы и отбросы общества, но наверняка слышали о гладиаторских боях в Древнем Риме. Я решил возродить эту традицию. Вы, после необходимой подготовки, станете гладиаторами, будете биться друг с другом насмерть. Таким образом ваши поганые, помоечные шкуры принесут хоть какую-то пользу! Деньги одним, развлечение другим...

У Рюмина перехватило дыхание, пальцы сжались в кулаки.

«Ишь чего удумал, сволочь, – с ненавистью подумал он. – Проклятый выродок!!! Людоед!!!»

Будто уловив его мысль, Хозяин нахмурил брови:

- Если у кого-нибудь имеются возражения, я готов выслушать!
- Вы не имеете права! – выкрикнул Алексей.
- Пра-ава?! – усмехнулся лысоватый и вдруг резко крикнул: – Конвой, сюда!
- В двери вломились несколько амбалов.
- Взять его, – рявкнул Хозяин, указывая пальцем на Рюмина, – отвести в «процедурную» и вышибить дурь из головы! Права решил качать, дерьмо собачье!
- Алексея сильно ударили по шее и выволокли наружу.
- Ну-с, – обратился Хозяин к оставшимся бомзам-«гладиаторам», – кто следующий?!
- Все молчали.
- То-то же, – расплылся в хищной улыбке он. – Люблю сообразительных!..

Глава 3

Рюмин медленно, с трудом выплывал из небытия. Перед ним в густом тумане маячила отвратительная дынеобразная рожа палача.

– Очухивается, – донесся до Алексея сиплый голос. – Плесни, Федя, еще ведерко!

На голову обрушился холодный водопад. Рюмин протяжно застонал и почти полностью пришел в себя. Его пытали уже полтора часа в основном электрическим током – Хозяин не велел портить «товар».

«Процедурная» представляла собой тщательно оборудованную камеру пыток. Здесь имелось все необходимое для издевательств над людьми, начиная с электрошоков и кончая дыбой. Правда, на нее Алексея не подвешивали, опасаясь повредить суставы.

– Как самочувствие, больной? – участливо поинтересовался палач. Подручный Федя зло-радно захихикал.

Рюмин не ответил.

– Пациент нуждается в отдыхе, – визгливым тенором сказал Федя. – В культурных развлечениях!

– Великолепная мысль, – согласился палач. – Как насчет театра? Сервис у нас на высшем уровне, даже ехать никуда не нужно! Приведи-ка, Феденька, актера!

Подручный удалился и вскоре вернулся, волоча на веревке худого, небритого человека с изможденным лицом и затравленным взглядом.

Грубо, словно мешок, Федя швырнул его на пол.

– Действие первое, – объявил палач. – Ломание костей!

Подручный, вооружившись железной дубинкой, усердно принялся за работу. Послышались страшные крики, Алексей попытался зажмурить глаза, но сразу же получил от палача болезненный удар по лицу.

– Смотри, тварь! Для тебя стараемся!

Крики несчастного перешли в дикий звериный вой...

– Действие второе – снятие скальпа!

Палач вооружился острым серповидным ножом, и Рюмин потерял сознание...

* * *

– Пытку электрическим током выдержал. Потом я хотел снять скальп с недоноска, на которого вы указали, и он отрубился, – почтительно докладывал палач господину Завадовскому, развалившемуся в кресле и покурывающему сигару.

– Интересненько, – почесал затылок Василий Андреевич. – Весьма даже забавно!

Под «недоноском» подразумевался больной бомж, за которого глава «фирмы» недавно распекал вербовщика Колосова. Завадовский задумался. Это был третий случай в его практике, когда бомжара открыто выражал недовольство, первый, когда тот мужественно терпел пытки. Прикончить или не стоит? Пожалуй, не стоит! Из него можно сделать хорошего «гладиатора».

– Что с задохликом? – спросил он, выпустив изо рта струйку дыма.

– Загнулся от боли да от страха, – равнодушно ответил палач.

– Где труп?

– Уже в топке.

– А этот?

– В «процедурной» под Фединым присмотром.

– Он видел смерть того, другого?

– Нет, находился в полном отрубе!
– Чудесно. – Завадовский полужакрыл глаза, обмозговывая план дальнейших действий.
– Значит, так, – спустя пару минут изрек он. – Я, кажется, нашел его слабое место. Если провести процедуру с использованием всех имеющихся в наличии средств, парень наверняка сломается. Однако, – тут Василий Андреевич многозначительно поднял вверх указательный палец, – нам он нужен в пригодном для использования виде! Поэтому поступим иначе. Сперва возьмешь и проинструктируешь «приз для победителя».

* * *

Очнувшись, Рюмин не увидел в камере ни давешнего искалеченного бедолагу, ни палача. Только подручный Федя, стоя в углу, с тупым глубокомыслием рассматривал ногти на руках. Заметив движение Алексея, он оскалился в гнусной ухмылке, но ничего не сказал. В свою очередь, Рюмин тоже не горел желанием вступать в дискуссию с мерзавцем. Прошло некоторое время. Затем из коридора донесся громкий женский плач. Открылась дверь, и палач втолкнул в «процедурную» растрепанную девушку лет двадцати, одетую в короткое ситцевое платье.

– Не ной, шалашовка! – рыкнул палач, отвечивая девушке увесистую пощечину.

Та упала на пол и забилась в истерике.

– Ха, наш дорогуша оклемался, – обернулся палач к Алексею. – Театральное представление продолжается! На втором действии ты, душа любезный, заснул, пропустил самое интересное! Ну ничего, я добрый дядя! Я для тебя новый экземпляр приготовил.

Палач на мгновение умолк, а девушка на четвереньках подползла к Рюмину и обняла его за колени.

– Согласись, умоляю! Послушайся их! – зарыдала она. – Женю (это имя наскоро придумал для умершего больного бомжа Хозяин) они живьем сожгли в котельной, а меня сейчас начнут резать по кускам! А-а-а-а!!!

– Хорошо, я согласен, – с трудом выдавил из себя Рюмин, – все сделаю, только не мучьте девчонку.

* * *

После того как Алексея увели в камеру, палач с подручным весело расхохотались.

– Сломался «стойкий оловянный солдатик»...

– На такую дешевку купился... Ой, не могу... Гы... Гы... Гы!!!

– Молодец, телка, – успокоившись, сказал палач. – Лихо разыграла лоха! Теперь раздевайся, «приз для победителя», мы желаем развлечься...

* * *

Оставшись в одиночестве, Рюмин ощутил полную апатию и глубокое безразличие к своей дальнейшей судьбе. Он неподвижно вытянулся на лежанке, уставившись остекленевшими глазами в потолок. В голове не было ни единой мысли. Сердце будто окаменело. Примерно через час принесли обед, невкусный, но калорийный, с сильной добавкой протеина. Алексей равнодушно съел пищу и снова улегся на прежнее место. Постепенно глаза начали слипаться.

Новоявленный «гладиатор» уснул. Снилось ему всякая гадость...

* * *

Выслушав доклад палача, Завадовский самодовольно усмехнулся. Чутье и на сей раз не подвело его. Василий Андреевич поднял трубку местного телефона, набрал номер и коротко бросил:

– Валентин, зайди!

...– Передаю в твое распоряжение новый экземпляр, – через пять минут говорил он явившемуся на зов инструктору. – Зачислишь в свою группу «черных».

– У нас комплект, а у «красных» одного не хватает, – возразил Валентин Степанович. – Скоро представление, и новенький...

– Возьмешь к себе, не спорь! – перебил Завадовский. – У меня на этого типа особые виды. Сделаем из него «супербойца». Скоротечные поединки доходяг публике надоели. Поэтому мы организуем «супербой», за двойную цену, о чем объявим заранее. Увидишь, игра стоит свеч! Готовь «гладиатора» на совесть, сочетай физическую подготовку с интенсивной психологической обработкой. Он должен стать зверем, сильным, умелым и кровожадным!

– А у «красных» есть для него оппонент? – спросил инструктор.

– Не беспокойся, – улыбнулся Василий Андреевич. – Я обо всем позаботился. Помнишь Красного Тигра? Того, что убил семерых противников?!

Валентин Степанович удивленно приподнял брови:

– Вы думаете, новичок продержится против Тигра больше минуты?

– Работай как следует, – отрезал Хозяин. – В твоем распоряжении достаточно времени! Обучи приемам рукопашного боя, закали физически и, главное, морально. Усвоил?!

Инструктор послушно кивнул...

Глава 4

– Еще двадцать отжиманий, – отрывисто скомандовал инструктор.

Алексей утер ладонью пот, градом катившийся со лба, и принялся выполнять упражнение. Ежедневные изнурительные тренировки продолжались вот уже две недели. Первые дни Рюмин буквально выл от боли в перетруженных мышцах, затем постепенно привык. Кормили его, правда, как на убой. В пищу неизменно добавляли протеин. Тело наливалось силой. Инструктор регулярно ощупывал мускулатуру Рюмина, удовлетворенно хмыкал.

Вечером, перед сном, Алексей в принудительном порядке смотрел по видеомагнитофону специально отобранные фильмы, после которых неизменно снились кошмары: куски расчлененных трупов, оскаленные морды вампиров, ожившие мертвецы и т. п.

...Восемнадцать... девятнадцать... двадцать... Уф-ф!!! Рюмин поднялся на ноги.

Тренировка проходила в общем зале, однако остальных «гладиаторов» давно разогнали по камерам, и Валентин Степанович продолжал заниматься с Рюминым индивидуально.

– Отдышись! – сказал он. – Расслабься! Потом перейдем к технике... Ты делаешь неплохие успехи, – заметил инструктор. – Молодец! Для бомжа, разумеется.

Алексей угрюмо молчал.

Все эти дни ему внушали: «Ты никто... Пададь... Отброс, но если будешь послушным – поживешь еще, порадуешься жизни... Единственное твое спасение – смерть противника на арене. За каждую победу получаешь хорошую жратву, выпивку, бабу... Тренируйся, урод!»

Под воздействием постоянного психологического прессинга душа Рюмина действительно стала меняться, однако не совсем так, как рассчитывал господин Завадовский...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.